This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Scan 3633.14
SIBIRSKII
"SBORNIK"

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціею А. Н. Ушакова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ"

1892 Г.

ВЫПУСКЪ II.

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.
1893.

Slav 3633.14 (1893) 2

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 47*201

Дозволено цензурою: Иркутскъ, Апрѣля 18-го дня 1893 года.

EX LIBRIS MICHAEL Z. VINOKOUROFF

МѢСТНЫЕ МУЗЕИ

ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(Публичная лекція, читанная въ Кяхтѣ 8-го Октября 1892 года).

М. Г. и М. Г.

Въ послѣднее время вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ все болѣе и болѣе начинаетъ интересовать собою общество. О немъ пишутъ въ общераспространенныхъ газетахъ, ему посвящаютъ свое время ученые. Петербургское общество естествоиспытателей задалось мыслью составить программу для мѣстныхъ земскихъ музеевъ. Ежегодно слышимъ мы объ открытіи новыхъ музеевъ, постоянно приходится читать письма, иногда изъ дальнихъ захолустьевъ, съ вопросами, какимъ порядкомъ открываются мѣстные музеи, какія на это нужны денежныя средства, будетъ-ли полезно открытіе музея въ извѣстной мѣстности? Не менѣе горячее участіе принимаетъ въ судьбѣ мѣстныхъ музеевъ и правительство. Извѣстно, что многіе основатели и руководители мѣстныхъ музеевъ получали награды и поощренія отъ правительства за свою дѣятельность. Въ недавнее время газеты извѣстили, что вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ рѣшено разсмотрѣть законодательнымъ порядкомъ. Если вѣренъ газетный слухъ—предположено дать земскимъ музеямъ нормальный уставъ, обезпечить ихъ субсидіей до 2000 р. въ годъ.

Чѣмъ объяснить такой всеобщій интересъ къ этимъ учрежденіямъ, сравнительно весьма недавно возникшимъ на русской почвѣ? Мода-ли это, внезапно возникшее увлеченіе? Можетъ

быть новость самихъ учрежденій вызываетъ и питаетъ преувеличенныя надежды, возлагаемыя на нихъ? Можетъ быть черезъ два, три десятилѣтія надежды эти будутъ сданы въ архивъ? Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ методовъ опредѣлить жизнеспособность какого-нибудь явленія—разсмотрѣть его происхожденіе и исторію. Моментальныя увлеченія и возникаютъ моментально. Удовлетворивъ потребностямъ минуты, занявъ собою на короткое время общество, они исчезаютъ, замѣняются другими эфемерными вопросами, неимѣющими преемственной связи съ первыми. Про такія явленія мы можемъ сказать, что и они приносятъ свою долю пользы, но что на развитіе ихъ въ будущемъ мало надежды и на нихъ нельзя строить какихъ-либо обширныхъ плановъ. Другое дѣло, когда мы видимъ, что какое-нибудь явленіе или зачатки его ведутъ начало съ давнихъ временъ жизни общества, что оно растетъ вмѣстѣ съ обществомъ, приспособляется къ различнымъ требованіямъ жизни, обнаруживаетъ способность отвѣчать на разные вновь возникающіе вопросы. Про такое явленіе мы можемъ сказать, что будущность его обезпечена.

Попробуемъ приложить этотъ способъ оцѣнки явленій къ предмету нашей бесѣды. Вопросъ можно-бы рѣшить въ двухъ словахъ, опредѣливъ, что такое музей? Музей есть систематическое собраніе произведеній природы или какихъ-либо видовъ человѣческаго труда съ цѣлью нагляднаго и опытнаго изученія собранныхъ предметовъ. Это опредѣленіе нѣсколько обширно, подъ него подойдутъ и ботаническіе сады, и опытныя фермы и т. д.; но въ широкомъ смыслѣ это все музеи, только не съ мертвыми, а съ живыми предметами. Стало быть, музеи представляютъ собою орудія опытныхъ наукъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что передъ опытной наукой лежитъ громадное будущее и, стало быть, то-же будущее предстоитъ и музеямъ; но такой способъ заключенія, не смотря на свою видимую простоту, недостаточно убѣдителенъ. Наука можетъ пользоваться извѣстнымъ орудіемъ, а потомъ замѣнить его другимъ и, какъ мы увидимъ, музеи нужны не для

однихъ научныхъ изысканій, а и для практической жизни. Какъ ни трудно это для меня, при моихъ недостаточныхъ свѣдѣніяхъ, но все-таки намъ необходимо будетъ, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, коснуться исторіи музеевъ.

Съ давнихъ временъ люди стали собирать различные предметы, такъ или иначе казавшіеся имъ замѣчательными,— одни поражали наблюдателя странной формой, необыкновеннымъ видомъ, отъ другихъ онъ ожидалъ получить пользу. Любознательность въ человѣчествѣ проснулась еще въ незапамятныя времена. Изъ наиболѣе даровитыхъ, воспріимчивыхъ и наблюдательныхъ лицъ и вышли первобытные лекаря, знахари, заклинатели. Это были первые собиратели замѣчательныхъ предметовъ. И теперь у каждаго деревенскаго знахаря, вродѣ самарскаго Кузьмича, найдете вы своеобразную аптечку изъ сушеныхъ травъ, корешковъ и т. д. Въ давнія времена еще люди этой категоріи обладали многими практическими знаніями свойствъ различныхъ растеній, продуктовъ животнаго царства, минераловъ. У Гомера уже мы видимъ упоминанія о врачахъ, лечившихъ не заклинаніями, а лекарствами. Въ древней Индіи и Египтѣ при храмахъ было уже нѣчто вродѣ складовъ лекарствъ. Въ Греціи врачи обучались своему дѣлу при храмахъ Эскулапа. Были тамъ уже и аптекаря и дрогисты. Это не были, конечно, музеи въ современномъ смыслѣ слова. Если не въ Греціи, то въ Индіи и Египтѣ знаніе, наука были привиллегіей замкнутаго круга лицъ. Только жрецы занимались тамъ наукой. Она считалась тамъ достояніемъ немногихъ, высшихъ кастъ. Распространять науку въ массѣ общества, какъ стараются это дѣлать въ наше время, въ древней Индіи и Египтѣ считалось грѣхомъ. Это значило-бы профанировать науку по ихъ мнѣнію, низвести священное искусство на степень вульгарнаго занятія. И понятно почему: въ ту пору всякій народъ, особенно достигшій нѣкотораго развитія, смотрѣлъ на себя какъ на народъ привиллегированный; сосѣди его, другіе народы—существа низшія, достойныя только быть рабами высокодаровитой рассы.

Для инородцевъ ужь и то большое снисхожденіе, что имъ позволяютъ жить. Въ предѣлахъ даннаго народа правоспособными считались только высшія касты. Не говоря уже о наукѣ, относительно которой и до сихъ поръ кое-гдѣ, среди бездарныхъ тупицъ и ученыхъ ремесленниковъ, сохранились кастовые взгляды; сама религія у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ считалась достояніемъ привиллегированныхъ кастъ. Низшій членъ общества не смѣлъ молиться, даже не долженъ былъ знать, какимъ богамъ молятся его господа? У индусовъ только брамины и воины могли читать священныя книги ведъ. Еслибъ членъ низшей касты какъ-нибудь подслушалъ, что читаютъ высшіе—онъ поплатился-бы жизнью. По закону ему за эту дерзость заливали уши растопленнымъ металломъ. Общественные музеи стало-быть и немыслимы были въ ту пору; но все-таки склады медикаментовъ, разныхъ предметовъ природы уже въ древнія времена были необходимы для изученія нѣкоторыхъ наукъ.

Въ Греціи у нѣкоторыхъ лицъ были уже громадныя коллекціи естественно-историческихъ предметовъ. Вспомнимъ Аристотеля, которому его ученикъ Александръ Великій присылалъ изъ своихъ дальнихъ походовъ различныя рѣдкости, вспомнимъ знаменитаго греческаго врача Гиппократа и ботаника Теофраста. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій ихъ видно, что эти натуралисты обладали обширными свѣдѣніями естественно-историческихъ предметовъ, изучали и сравнивали ихъ между собою, а это уже предполагаетъ наличность систематическихъ коллекцій. Извѣстно, что римскій натуралистъ Плиній обладалъ обширными естественно-историческими коллекціями; но и здѣсь это было достояніемъ частнаго лица, богатаго патриція-любителя, который не жалѣлъ средствъ на покупку вещей, его интересовавшихъ; все это еще не было музеемъ въ строгомъ смыслѣ слова. Самый терминъ—музей имѣлъ тогда нѣсколько иное значеніе. Музей Александрійскій, возникшій при царяхъ Птоломеяхъ, былъ жилищемъ музъ, богинь-покровительницъ наукъ и искусствъ. Это было скорѣе ученолитературное общество, нежели музей въ нашемъ смыслѣ слова.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ наука замыкается въ монастыряхъ, наука становится исключительно книжной, наблюденіе и изученіе природы отодвигается на второй планъ. Два народа въ эту эпоху продолжаютъ изученіе природы—арабы и евреи. Первые перевели на свой языкъ большую часть сочиненій древнихъ классиковъ, занимались астрономіей, медициной, химіей и ботаникой. Ихъ путешественники и географы сохранили намъ свѣдѣнія объ отдаленнѣйшихъ уголкахъ міра, начиная отъ экваторіальной Африки и оканчивая нынѣшней Россіей и средней Азіей. Сады лекарственныхъ растеній заводились у нихъ; извѣстно, что они были большіе любители рѣдкихъ животныхъ и птицъ. Разсѣянные по всему свѣту евреи были въ средніе вѣка врачами, химиками и дрогистами. Нерѣдко у католическаго аббата былъ врачемъ невѣрный жидъ. Если въ эту пору мы еще не встрѣчаемъ музеевъ, то опять таки это весьма понятно,—роль музеевъ служебная. Пренебреженіе къ изученію природы, забвеніе преданій натуралистовъ древности было тому причиною; но уже въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ такъ называемую эпоху возрожденія наукъ и искусствъ обстоятельства измѣняются. Италія начинаетъ особенно усердно изучать древнихъ, проникается ихъ духомъ и съ особенною заботливостью начинаетъ собирать памятники древняго творчества. Въ Римѣ, во дворцѣ папъ, въ главныхъ городахъ Италіи собираются памятники древняго искусства, великіе художники и поэты того времени, такъ, напримѣръ, Леонардо-да-Винчи и Данте были и великими натуралистами своего времени.

Вообще-же можно сказать, что начало и развитіе музеевъ въ Европѣ совпадаетъ съ эпохой великихъ открытій въ географической наукѣ и въ изученіи природы. Эпоха это XVI, XVII и XVIII вѣка. Моряки увидѣли за океанами новое небо и новую землю. Натуралисты и философы открываютъ новые горизонты въ наукѣ, и на старое, извѣстное, всѣмъ видимое небо образованные люди начинаютъ смотрѣть уже другими глазами. Въ эту пору основываются академіи наукъ и уче-

Scan 3623.14
SIBIRSKII
"SBORNIK"

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

подъ редакціею А. Н. Ушакова.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ВОСТОЧНОМУ ОБОЗРѢНІЮ“

1892 Г.

ВЫПУСКЪ II.

ИРКУТСКЪ.
Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул. д. № 1.
1893.

очень требователенъ на счетъ качествъ хлѣба. Стоитъ пекарю закупить партію муки, которая въ печеніи выйдетъ немного потемнѣе той, къ которой привыкли его покупатели, и онъ потеряетъ заказчиковъ и, что всего хуже для репутаціи промышленника, заподозрятъ поддѣлку. Существованіе музея хлѣбной торговли и лабораторій для испытанія хлѣба чрезвычайно облегчаетъ дѣло: превосходно подобранные образцы не только зерна и муки, но и колосьевъ, отрубей, отсѣвковъ, образцовъ печенаго хлѣба, легкія и практичныя приспособленія для испытанія достоинствъ зерна—все это даетъ возможность избѣжать промаховъ при покупкѣ, а тамъ гдѣ торговое предпріятіе, дающее 7 или 8% считается чрезвычайно выгоднымъ, каждый промахъ грозитъ убыткомъ. Въ хорошихъ торговыхъ музеяхъ имѣются не только готовые продукты, но и сырые матеріалы, изъ которыхъ товаръ сдѣланъ, а также инструменты для обработки и сверхъ того—поддѣлки, фальсификаціи настоящихъ товаровъ. Легко сообразить, какую пользу можетъ принести для хозяина торговаго дѣла или довѣреннаго собраніе такихъ образцовъ. Свѣдѣнія, которыя онъ могъ-бы получить только путемъ горькаго и долгаго опыта, риска и убытковъ, онъ тутъ можетъ пріобрѣсти безъ особыхъ издержекъ или по крайней мѣрѣ ознакомиться съ дѣломъ на столько, что не будетъ игрушкой въ рукахъ другихъ. Еще большее значеніе имѣютъ промышленно-техническіе и художественно-техническіе музеи. Всѣ удивляются необыкновенно тонкому вкусу и изяществу работъ парижскихъ ремесленниковъ. Приписываютъ это природнымъ способностямъ французовъ; я этого оспаривать не буду, но всего природными способностями однѣми достигнуть нельзя. Вы, напримѣръ, закажете столяру мебель во вкусѣ эпохи возрожденія, другой въ готическомъ—мастеръ, чтобы исполнить заказы, долженъ имѣть хорошіе образцы передъ глазами. Не можетъ-же онъ создать готическаго или итальянскаго стиля изъ своей головы? Необходимо, судя о парижскихъ мастерахъ, имѣть въ виду, что нигдѣ нѣтъ такихъ прекрас-

ныхъ собраній художественно-ремесленныхъ произведеній, какъ тамъ, нигдѣ пользованіе ими не упрощено до такой степени. Есть тамъ кромѣ того учрежденіе—консерваторія искусствъ и ремеслъ. Это громадный ремесленно-техническій музей, открытый и доступный для всякаго. Чтобы пользованіе матеріалами, собранными въ этомъ громадномъ музеѣ, сдѣлать возможно болѣе разумнымъ, систематичнымъ и доступнымъ, тамъ ежегодно читаются цѣлые курсы публичныхъ лекцій, примѣненныхъ къ уровню познаній и потребностямъ рабочихъ. Когда, около двадцати лѣтъ тому назадъ, мнѣ довелось осматривать это превосходное учрежденіе, мнѣ невольно пришло на мысль: Что еслибъ у нашего смековатаго мужика-ремесленника было подъ рукой такое учрежденіе? Какихъ чудесъ ремесленнаго искусства надѣлалъ-бы онъ. Вѣдь онъ однимъ топоромъ и долотомъ выдѣлываетъ такія вещи, для которыхъ иностранцу нужны цѣлые наборы инструментовъ. По одной наглядкѣ онъ усваиваетъ себѣ самые сложные технические пріемы. Я не буду говорить здѣсь о различныхъ тонкихъ работахъ, которыя выдѣлываетъ нашъ кустарь, ни о роскошной мебели въ витринахъ дорогихъ магазиновъ, которая попала туда прямо изъ крестьянской мастерской. Есть факты, болѣе поразительные—оказывается, что кустари-крестьяне у себя выдѣлываютъ физическіе инструменты, термометры и барометры и не плохіе, такъ какъ у нихъ массами забираются такіе издѣлія оптическими инструментальными магазинами. Признаюсь, меня сильно поразилъ этотъ фактъ, когда я впервые узналъ о немъ изъ изслѣдованій русской кустарной промышленности. Работы по дереву, ковка желѣза и т. д.—это все такія занятія, къ которымъ нашъ мужикъ подготовленъ уже своей обыденной жизнью, у насъ каждый почти крестьянинъ—плотникъ, работа съ долотомъ, стамеской или кузнечнымъ молотомъ и напильникомъ для него не невидаль какая-нибудь; но вотъ мы видимъ, что тотъ-же пахарь разумно и ловко работаетъ съ хрупкимъ стекломъ, продѣлываетъ всѣ манипуляціи съ нимъ,

готовить инструменты для измѣренія тепла и давленія воздуха. Въ послѣднее время обращено, впрочемъ, вниманіе на крестьянскія ремесла, но весьма характерна для нашей цѣли, отправная точка этихъ попытокъ развить, улучшить и направить дѣло—всѣ, заинтересованные этимъ вопросомъ, хлопочутъ объ основаніи и развитіи промышленныхъ музеевъ, гдѣ собраны были-бы образцы крестьянскихъ производствъ, начиная отъ сырыхъ продуктовъ, инструментовъ и оканчивая готовыми издѣліями, затѣмъ хорошіе образчики подобныхъ работъ и серіи подходящихъ инструментовъ, рисунковъ и моделей. Есть у насъ уже нѣсколько такихъ музеевъ, но ихъ желаютъ, находятъ нужнымъ устраивать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ развиты кустарныя производства. И такъ, если мы только пожелаемъ отдать себѣ отчетъ въ какихъ-нибудь явленіяхъ нашей жизни, найдемъ нужнымъ приложить силы для улучшенія и развитія его, намъ тотчасъ-же является необходимость представить себѣ нашу задачу наглядно при помощи спеціальнаго музея. Съ тѣхъ поръ какъ лучшіе учители у насъ и за границей задумались надъ улучшеніемъ воспитанія дѣтей, надъ тѣмъ, чтобы облегчить ребенку первые шаги на пути пріобрѣтенія знаній—начинаютъ возникать педагогическіе музеи и музеи учебныхъ пособій. Посмотрите—у нашихъ дѣтей уже и игрушки совсѣмъ не тѣ, которыми играли мы. Какой нибудь конь на колесахъ для мальчика, кукла одѣтая въ невозможный костюмъ; въ богатой семьѣ—все это куплено за дорогую цѣну, конь обитъ шкурой, кукла съ восковой головкой и парикомъ; у менѣе зажиточныхъ—тѣ-же предметы, но попроще—вотъ игрушки нашего дѣтства. Дѣвочки еще играли своими куклами со смысломъ—шили имъ платья, шляпки, башмачки, а мы только неистово ломали, къ ужасу родителей, наши игрушки—кони на другой день валялись безъ ногъ, а доска, на которой стоялъ этотъ звѣрь на колесахъ, превращалась въ телѣжку, въ которую запрягался дворовый щенокъ. Надоѣдали игрушки потому, что смысла въ нихъ не было. Теперь куп-

ленныя игрушки, кубики, принадлежности для клейки, дѣти болѣе берегутъ, потому что игрушки стали гораздо занимательнѣе, а всему этому обязаны мы изученію этого дѣла педагогами, педагогическимъ музеямъ и ихъ вліянію на самый характеръ промышленности производства игрушекъ.

Недостатокъ времени не даетъ мнѣ возможности остановиться на одномъ очень яркомъ сибирскомъ явленіи, которое служитъ наглядным примѣромъ того, какъ худо вести дѣло, не имѣя подъ руками соотвѣтствующаго музея. Пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ существуетъ въ Сибири золотопромышленность, и какъ въ началѣ, такъ и теперь ведется она на угадъ, по преданіямъ, примѣтамъ, чуть-ли не по шаманскимъ наговорамъ. До сихъ поръ въ поискахъ золота, въ разработкѣ его и техникѣ господствуетъ «хаоса бытность довременна». Одни знать не хотятъ никакихъ новшествъ и утверждаютъ, что лучше стараго ничего не придумать, другіе пускаютъ въ ходъ собственныя изобрѣтенія или набрасываются на американскіе способы, устраиваютъ гидравлическія машины въ сухихъ логахъ. Примѣры раціональной техники, которые встрѣчаются кое-гдѣ, остаются безъ подражанія. Енисейскій золотопромышленникъ ничего не знаетъ о россыпяхъ забайкальскихъ, олекминскихъ и енисейскихъ. Ни собранія породъ, ни плановъ выработокъ, словомъ никакихъ пособій для сравнительнаго изученія нѣтъ. Любой шурфовщикъ считаетъ себя авторитетомъ въ дѣлѣ поисковъ золота. И выходитъ, благодаря этому, что поиски считаются и теперь такимъ-же рискованнымъ дѣломъ, какъ и пятьдесятъ, шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Многое можно бы сказать на тему о золотопромышленномъ музеѣ; но я могу здѣсь только сдѣлать намекъ на этотъ вопросъ.

Мнѣ предстоитъ теперь перейти къ моей главной задачѣ—мѣстнымъ музеямъ. Казалось-бы, что развитіе музеевъ общенаучныхъ, спеціальныхъ и прикладныхъ въ состояніи удовлетворить насущнымъ надобностямъ науки и жизни, но она требуетъ большаго. Ученые устраиваютъ періодическіе съѣз-

ды собственно для того, чтобы мѣняться мыслями о насущныхъ задачахъ науки, о вопросахъ, которые стоятъ на очереди, о своихъ работахъ. Съѣзды эти съ одной стороны приняли чуть-ли не всесвѣтный характеръ, съ другой сильно спеціализировались. Наука такъ обширна, въ предѣлахъ каждой изъ нихъ такая масса вопросовъ, что каждая изъ нихъ нуждается въ особыхъ съѣздахъ. И вотъ собираются всемірные съѣзды географическіе, антропологическіе, зоологическіе и т. д. Не прихотью вызвана эта спеціализація, а необходимостью: научная работа въ каждой отрасли знанія настолько ростетъ, вопросы настолько разнообразятся, что нужны особыя совѣщанія, чтобы оріентироваться среди нихъ. И этихъ съѣздовъ, однако, недостаточно: современные научные вопросы требуютъ для своего рѣшенія массы наблюденій, громадныхъ матеріаловъ, чувствуется потребность привлечь къ собранію этихъ матеріаловъ не однихъ спеціалистовъ, такъ какъ ихъ не хватитъ, а и вообще образованныхъ, любознательныхъ людей. Успѣхъ нѣкоторыхъ наукъ прямо зависитъ отъ количества наблюденій. Всего яснѣе это видно по наукѣ о погодѣ, метеорологіи, имѣющей такое важное значеніе для жизни человѣка и земледѣлія. Безъ преувеличенія можно сказать, что цѣнность и прочность ея выводовъ о климатѣ страны прямо возрастаетъ съ каждой новой станціей, съ каждымъ новымъ наблюденіемъ градусника. Только грубый, самодовольный и узкій педантизмъ можетъ говорить —устройте хорошенько съѣзды ученыхъ, и все пойдетъ какъ слѣдуетъ, больше ничего и не нужно. Для людей болѣе широкаго пониманія этого недостаточно: въ сколько-нибудь обширной странѣ нужно имѣть агентовъ, работниковъ въ разныхъ захолустьяхъ, въ дальнихъ уголкахъ, нужны мѣстные собиратели матеріаловъ. Гдѣ они есть, ихъ нужно привлечь къ дѣлу, гдѣ нѣтъ, нужно подготовить ихъ. Изученіе страны посредствомъ поѣздокъ и экспедицій ученыхъ, становится недостаточнымъ, — не кратковременныя наблюденія проѣздомъ и мимоходомъ, а изслѣдованія на мѣстѣ, станціонарныя,

все болѣе и болѣе выдвигаются на первый планъ. Всѣ эти современныя требованія науки уже невольно наводятъ на мысль объ основаніи провинціальныхъ обществъ любителей наукъ, а гдѣ для этого нѣтъ достаточныхъ силъ и средствъ, то хотя-бы мѣстныхъ складовъ научныхъ предметовъ.

Помимо этихъ общихъ условій развитія науки, вопросъ о мѣстныхъ музеяхъ выдвигается на первый планъ и самой мѣстной, провинціальною жизнью и ея запросами. Въ столицахъ кипитъ жизнь научная и практическая. Живете-ли вы тамъ постоянно или-же только пріѣхали туда для отдыха или по дѣлу—вы окружены массой самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Интересуетесь вы какимъ-нибудь научнымъ вопросомъ или техническимъ—музеи, библіотеки, публичныя лекціи, совѣщанія со спеціалистами, бюро для справокъ—къ вашимъ услугамъ. Отдыхъ и развлеченія ваши вы можете разнообразить въ очень значительной степени. Наконецъ, вы не расположены ни слушать оперу, ни смотрѣть новую пьесу, гулянья, другія увеселенія также не манятъ васъ, вамъ просто хотѣлось-бы новыхъ лицъ, новаго общества, такъ какъ старое уже примелькалось. И это вы можете устроить себѣ въ большомъ городѣ. Наконецъ, просто на улицѣ, изъ ежедневной городской хроники, изъ простыхъ, на лету слышанныхъ разговоровъ схватите вы цѣлый рядъ впечатлѣній, которыя хотя временно займутъ васъ. Не то у насъ въ провинціи. Жизнь наша очень однообразна, однѣ и тѣже впечатлѣнія повторяются изъ года въ годъ, изо дня въ день. Въ столицѣ занимательно быть просто зрителемъ чужой работы, потому что работа широкая, захватывающая интересы крупные, важные. Намъ смотрѣть не на что да и не возможно,—если мы будемъ смотрѣть на работу другихъ, то и работать будетъ некому. Развлеченія наши крайне однообразны: отправляясь, напримѣръ, на охоту или любительскій спектакль, мы уже впередъ знаемъ что будетъ. Знаемъ, что такой-то будетъ горячиться на охотѣ, надѣлаетъ кучу промаховъ, другой только ради вида взялъ съ собой ружье и

цѣлый день просидитъ на таборѣ. Только съ дѣтства всосанная нами инстинктивная любовь къ жизни среди природы да охотничья страсть, при которой каждый выстрѣлъ по рябчику представляетъ свой особый, новый интересъ и поддерживаютъ это развлеченіе. Въ любительскомъ спектаклѣ мы напередъ уже знаемъ, кто и какъ проведетъ свою роль. Если говорить правду, то гораздо больше развлеченія доставляютъ хлопоты о спектаклѣ, сборы, репетиціи. Это даетъ поводъ видаться другъ съ другомъ по интересному для всѣхъ поводу. Нѣкоторые находятъ себѣ работу, посвящая свои силы городскому хозяйству; но это доступно не многимъ. Для того, чтобы найти интересъ въ этомъ дѣлѣ, нужно хорошо знать свой край, а изученія-то его и нѣтъ у насъ! Очень часто отъ провинціальной скуки рекомендуютъ универсальное средство—чтеніе. Легко сказать—чтеніе: но попробуйте-ка наполнить имъ весь вашъ досугъ? Для этого нужна особая охота, привычка жить въ мірѣ книгъ. Кабинетныя привычки не многимъ даются, большинству нужны живыя впечатлѣнія въ перемежку съ книгой. Чтеніе чтенію опять-таки рознь! Все, что намъ приходится читать о текущихъ дѣлахъ, о направленіи работъ въ руководящихъ сферахъ происходитъ такъ далеко отъ насъ, что имѣетъ только интересъ историческаго факта. Мы часто не можемъ уразумѣть ни внутреннихъ мотивовъ извѣстныхъ дѣйствій, ни внѣшнихъ причинъ, ихъ вызвавшихъ. Прочтемъ въ запоздалой газетѣ какое-нибудь утѣшительное извѣстіе—скажемъ слава Богу, что людямъ хорошо живется. Прійдетъ извѣстіе горестное—пожалѣемъ, но такъ какъ все это далеко, далеко отъ насъ, пособить, принять участіе почти нѣтъ возможности, то чтеніе и остается однимъ чтеніемъ. Чтеніе, чтобы наполнить жизнь человѣка—должно превратиться въ занятіе, а такъ безцѣльное и безпрерывное странствіе по печатному слову имѣетъ и свою обратную сторону. Примѣры этому я въ провинціи видывалъ. Читаетъ человѣкъ съ утра до вечера, читаетъ массу всякой всячины и живетъ въ мірѣ своихъ

книгъ, въ мірѣ далекомъ отъ того, что его окружаетъ. Онъ съ волненіемъ передаетъ подробности о размолвкѣ желѣзнаго канцлера съ императоромъ Вильгельмомъ, его живо интересуютъ и колоніальныя распри европейцевъ въ Африкѣ и тройственный союзъ, а спросимъ, что у васъ дѣлается? Да что у насъ?—У насъ спячка, я признаться за этимъ не слѣжу, т. е. всѣ взоры мои обращены въ прекрасную даль, къ широкимъ міровымъ вопросамъ и дѣла мнѣ нѣтъ до муравьиной работы. Это презрительное отношеніе къ окружающей средѣ, отношеніе къ ней сверху внизъ очень нежелательное явленіе. Какъ бы бѣдна ни была жизнь наша содержаніемъ—она все-таки частица общечеловѣческой жизни. Неужели-же нашей провинціи нѣтъ мѣста въ общечеловѣческой работѣ, неужели намъ дома у себя и дѣлать нечего? Неужели, если у насъ нѣтъ широкой общественной дѣятельности, то нельзя найти скромной, культурной, общеполезной работы? Есть лица, не одни зачитавшіяся провинціальные книжники, которыя думаютъ такъ; недавно еще одинъ авторитетный по своей части голосъ безапелляціонно заявилъ, что умственная жизнь въ провинціи возможна только при университетахъ. Что всякія попытки, какія были сдѣланы до сихъ поръ ради развитія научныхъ учрежденій въ провинціи, обречены на безплодное вымираніе. Этотъ грозный приговоръ произнесенъ надъ нами недавно въ Москвѣ, профессоромъ Мейзбиромъ и отпечатанъ на страницахъ «Русской Мысли» и я вчера только прочелъ его здѣсь, въ Кяхтѣ. Я не буду теперь занимать васъ разборомъ мнѣній московскаго орнитолога, да признаться для провинціаловъ, особенно для насъ, обитателей Сибири, такіе приговоры не новость. Если не въ печати, то словесно намъ не мало приходилось выслушивать подобныхъ комплиментовъ. Пріѣдетъ сибирякъ въ столицу—ему и теперь еще задаютъ вопросы о медвѣдяхъ, ходящихъ по улицамъ, о лютыхъ морозахъ, о пожираніи сырой рыбы; теперь еще характеризуютъ нашу жизнь тѣми-же чертами, которыми очертилъ ее шведскій путешественникъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Спра-

ведлива-ли эта характеристика, здѣсь разбирать не стоитъ. Припомню лучше споръ о значеніи провинціи бывшій и кончившійся всего лѣтъ шесть тому назадъ въ русской періодической литературѣ между двумя почтенными дѣятелями и знатоками русской провинціальной жизни гг. Гацисскимъ и Мордовцевымъ. Имя Даніила Лукича Мордовцева достаточно извѣстно, чтобы распространяться о немъ, имя-же Гацисскаго извѣстно гораздо меньше, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Это почтенный нижегородскій труженикъ, работающій уже не одинъ десятокъ лѣтъ и въ качествѣ статистика, и въ качествѣ практическаго дѣятеля, и въ качествѣ собирателя разнообразнѣйшихъ матеріаловъ по изученію своего края—достойный примѣръ и образецъ для подражанія всѣмъ намъ, чья жизнь такъ или иначе связана съ провинціей.

Въ очень горькой статьѣ Мордовцевъ какъ-то расписалъ самыми мрачными чертами сонную жизнь нашихъ захолустій и обрекъ ее на совершенное безсиліе. Хотя эта статья во многомъ прямо относилась къ дѣятельности Гацисскаго, но онъ не отвѣчалъ на нее. Многими уже забылась статья Мордовцева; но вотъ въ 1887 году появляется новая статья того-же автора подъ знаменательнымъ заглавіемъ: «Жизнь, жизнь провинціи!».

Съ жаромъ, искренностью и остроуміемъ, свойственными этому писателю, разсказываетъ онъ исторію своего обращенія и торжественно отрекается отъ своего приговора провинціи. «Гацисскій не отвѣчалъ мнѣ—пишетъ Мордовцевъ—а вмѣсто этого ежегодно присылалъ мнѣ то какія-нибудь провинціальныя изданія, то отчеты о дѣятельности провинціальныхъ учрежденій и имѣлъ жестокость еще дѣлать на нихъ собственноручную надпись—Многоуважаемому Даніилу Лукичу Мордовцеву отъ такого-то. Читалъ, читалъ я эти книги и волей-неволей разсѣевалось мое прежнее невѣріе, и теперь я долженъ воскликнуть—«ты побѣдилъ, галилеянинъ, изъ провинціи. Жизнь, жизнь провинціи!» Такъ заканчиваетъ свою статью Мордовцевъ [1]).

[1]) Статьи Д. Л. Мордовцева у меня нѣтъ подъ руками, а потому я могу ручаться только за смыслъ, а не за подлинную точность выраженій автора.

Этотъ полузабытый инцидентъ представляетъ одно изъ свѣтлыхъ явленій нашей литературы по чистотѣ и искренности отношенія писателя къ затронутому имъ вопросу. Думать надобно все-таки, что не одинъ примѣръ Гациссkаго, а и вообще подъемъ самодѣятельности провинціи, особое вниманіе, обращенное на провинціальную жизнь мыслящими слоями русскаго общества имѣли такое рѣшающее вліяніе на воззрѣнія одного изъ нашихъ выдающихся писателей.

Въ двухъ странахъ въ новѣйшее время выдвинулся на первый планъ провинціальный вопросъ—въ нашемъ отечествѣ и во Франціи. И по весьма понятнымъ причинамъ: слишкомъ велика и тамъ и здѣсь разница въ положеніи обитателей столицъ и деревенскихъ захолустій:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война!
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина,

писалъ еще 30 лѣтъ тому назадъ Некрасовъ, и съ тѣхъ поръ наша столичная интеллигенція не ниже европейской, ея идеалы, пониманіе вопросовъ не ниже общеевропейскихъ, между тѣмъ, какъ большинство народа, лишенное благъ цивилизаціи, живетъ своею стародавней жизнью. Во Франціи то-же явленіе. Парижъ—столица міровой интеллигенціи, передовой отрядъ европейской цивилизаціи, къ голосу котораго прислушиваются образованные люди обоихъ полушарій, а масса деревенскаго населенія дика до полнаго безграмотства. Страшный погромъ прусскаго нашествія показалъ, что въ трудныхъ обстоятельствахъ между высокопросвѣщенной столицей и первобытной провинціей нѣтъ взаимнаго пониманія. Самый патріотизмъ французскаго крестьянина былъ не похожъ на патріотизмъ крупныхъ центровъ. Понятно, что новое правительство, послѣ горькаго урока, должно было всѣ силы употребить на развитіе образованія въ народѣ. Школы, публичныя лекціи, громадная литература популярныхъ книгъ были результатомъ этихъ стараній; но скоро оказалось, что однихъ этихъ посо-

бій недостаточно. Книга достаточна для отдѣльнаго человѣка, для школы, но если мы хотимъ вліять на разумѣніе взрослыхъ людей, на развитіе цѣлаго народа—нужны факты другого рода, нужна наглядность, нужно дать что-нибудь осязательное и притомъ близкое къ интересамъ его. Такъ возникла мысль объ основаніи мѣстныхъ музеевъ во Франціи. Желая вліять на образованіе крестьянина, нужно прежде всего обратить вниманіе на то, что его окружаетъ, на свою мѣстность. Такъ и смотрѣлъ на дѣло главный иниціаторъ мѣстныхъ французскихъ музеевъ, адвокатъ и ученый Гру. Мысль свою о мѣстныхъ учрежденіяхъ вродѣ музеевъ, какъ о средствѣ народнообразовательномъ онъ развивалъ еще покойному Гамбеттѣ. Громадный практическій умъ государственнаго человѣка сразу постигъ все благотворное вліяніе новыхъ начинаній и онъ поощрилъ и одобрилъ мысль Гру.

Движеніе это во Франціи началось въ 1876 году въ Лизерѣ, на родинѣ Гру. Здѣсь его стараніями былъ основанъ мѣстный музей, въ томъ-же году основанъ былъ Дюпономъ, товарищемъ Гру, новый мѣстный музей въ Мезидонѣ. Какъ и всегда бываетъ, новое дѣло было встрѣчено скептически. Что за затѣя—музей въ маленькомъ городкѣ, кому онъ нуженъ, кто станетъ имъ пользоваться, кто будетъ разбирать коллекціи? Оказалось, что для выполненія этого начала нужны были только добрая воля и вѣра въ свое дѣло. У тѣхъ-же обывателей, которые боялись за музей, нашлось не мало предметовъ, годныхъ для него. Выставленные вмѣстѣ, систематически расположенные они привели въ восторгъ публику. Публика и не ожидала, что въ разрозненномъ видѣ, у случайныхъ владѣльцевъ, у нея самой имѣется такъ много поучительнаго. Дѣйствительно—десятокъ штуфовъ минераловъ, древняя вещица, альбомъ, гдѣ есть два-три мѣстныхъ вида, пока они стоятъ одиноко въ квартирахъ любителей или случайныхъ владѣльцевъ, они напоминаютъ интересную книгу, разорванную по листкамъ, и не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія; когда тѣ-же самые предметы собраны вмѣстѣ, соединены въ

однородныя группы, когда приложено стараніе выставить на видъ ихъ поучительныя стороны—впечатлѣніе получается совсѣмъ другое, неожиданное. Примѣръ, подобнаго испыталъ и я самъ; въ 1887 году, по мысли энергичнаго Петра Ивановича Макушина, мнѣ пришлось принять участіе въ устройствѣ этнографической выставки въ Томскѣ. Затѣяно дѣло было великимъ постомъ, а къ Пасхѣ выставка была уже готова. Было время распутицы, выписать, достать что-либо отъ иногородныхъ не было возможности. Все, что было на выставкѣ, собралось въ томъ-же Томскѣ, у мѣстныхъ обывателей и любителей, и однако-же публика посѣщала выставку, посѣщала за плату и усердно въ теченіи цѣлой недѣли. Правда, здѣсь много помогали интересныя объясненія библіотекаря университета г. Кузнецова и его личныя богатыя коллекціи, но все-таки публика никакъ не ожидала, что изъ тѣхъ вещицъ, которыя находились въ Томскѣ, въ разныхъ домахъ, можно составить такую поучительную картину, но вернемся къ мѣстнымъ французскимъ музеямъ.

Сборы растеній, насѣкомыхъ, минераловъ, производимыя не учеными, конечно, которыхъ не было въ маленькихъ городкахъ, а фармацевтами, учителями, купцами, школьниками, дали самимъ мѣстнымъ жителямъ совершенно новое представленіе о своей мѣстности. Собрались предметы; новая забота—опредѣлять, изучать ихъ. Съ этимъ горемъ справились скоро. Французскіе ученые, какъ только заслышали, что въ Лизерѣ собираются коллекціи, сразу принялись за ихъ обработку. Мало того, посыпались заказы въ маленькіе музеи—нельзя-ли собрать то или другое? Хорошо изучена Франція—слова нѣтъ: ея ученые искрестили ее вдоль и поперекъ, но многія вещи изъ мѣстныхъ музеевъ оказались новостью и для ученыхъ. Такимъ образомъ учрежденіе, имѣвшее въ началѣ задачу чисто педагогическую—дать умственную работу захолустью, стало источникомъ для расширенія знаній, дало работу ученымъ. Не осталось безъ вліянія и на промышленную жизнь провинціи открытіе музеевъ. Оказалось, что залежи нѣкото-

рыхъ минераловъ, на которыя никто не обращалъ вниманія— превосходный матеріалъ для удобренія. Въ другомъ мѣстѣ найдены растенія, которыя оказались пригодными для красильнаго дѣла; но всѣхъ примѣровъ не перечесть.

Музейное дѣло было встрѣчено сочувственно французскимъ правительствомъ, бѣднымъ музеямъ выдавалась казенная субсидія. Съ 1880 года Гру началъ издавать свои ежегодники музеевъ, такъ какъ дѣло росло. Въ настоящее время по свѣдѣніямъ, можетъ быть нѣсколько устарѣлымъ, во Франціи 87 музеевъ мѣстныхъ, не считая парижскихъ по округамъ и, конечно, не считая музеевъ центральныхъ, академическихъ.

Общій характеръ мѣстныхъ французскихъ музеевъ таковъ: въ музеѣ имѣются коллекціи естественно-историческія, онъ также собираетъ произведенія мѣстной промышленности. Далѣе идутъ памятники мѣстной старины въ подлинникахъ, снимкахъ, моделяхъ и фотографіяхъ, рукописи и документы, касающіеся исторіи края. Все это въ простыхъ витринахъ, на полочкахъ. Не блещутъ эти коллекціи ни особеннымъ обиліемъ, ни красотой. Привыкшій къ музеямъ-дворцамъ, съ громаднымъ штатомъ служащихъ, посѣтитель на первый взглядъ разочаровывается, вступая въ скромный мѣстный музей, но вотъ онъ присматривается къ одному, къ другому, предмету, прислушивается къ объясненіямъ и невольно начинаетъ его тянуть къ этимъ мѣстнымъ труженникамъ, невольно возрастаетъ его интересъ къ маленькому дѣлу, и онъ выходитъ изъ музея, какъ-бы породнившись съ ними. И, странное дѣло, у него остается какое-то теплое чувство спокойнаго удовлетворенія, какого онъ не испытывалъ, посѣщая великіе музеи. Тамъ его подавляло все необыкновенной грандіозностью. Онъ чувствовалъ осязательно всю необъятность человѣческаго знанія и все свое ничтожество передъ нимъ. Вотъ стоятъ египетскіе саркофаги, надъ описаніемъ которыхъ трудятся уже десятки лѣтъ спеціалисты, вотъ громадный шкафъ съ насѣкомыми изъ Бразиліи—надъ обработкой его

трудились ученые всей Европы. Передъ посѣтителемъ громадный міръ, котораго обнять одному человѣку нѣтъ возможности. Почтенные спеціалисты, знатоки дѣла, по книгамъ которыхъ онъ учился, знанія которыхъ онъ такъ привыкъ цѣнить, и тѣ теряются среди этихъ богатствъ, каждый изъ нихъ доведетъ посѣтителя только до порога той комнаты, въ которой онъ работаетъ—дальше и для него, какъ и для любознательнаго гостя, начинается чуждый міръ. Невольно думаешь: что мнѣ здѣсь дѣлать, гдѣ крупный ученый—только скромный труженикъ. Здѣсь годы тратятся на изученіе содержимаго трехъ, четырехъ витринъ. Совсѣмъ иначе чувствуетъ себя простой, любознательный посѣтитель, неспеціалистъ-ученый, выходя изъ маленькаго мѣстнаго музея: онъ сознаетъ, что маленькій уголокъ Франціи онъ узналъ такъ, какъ не узналъ-бы его въ 10 лѣтъ. Онъ чувствуетъ, что и у себя дома можно сдѣлать нѣчто подобное, что можно любить свой уголокъ не только по одной привычкѣ, не потому только, что съ нимъ связаны дорогія воспоминанія, а потому еще, что, сверхъ всякаго ожиданія, этотъ уголокъ очень интересенъ.

Особое оживленіе бываетъ въ мѣстныхъ музеяхъ въ годовщину основаній ихъ. Устраивается общее собраніе, читается годовой отчетъ, осматриваются новыя коллекціи, и всякій видитъ, что дѣло идетъ въ гору. Кто-нибудь изъ членовъ мѣстнаго комитета при музеѣ читаетъ рѣчь, посвященную воспоминаніямъ изъ исторіи города или мѣстности или-же изъ жизни мѣстной природы, читаются поздравительныя телеграммы отъ разныхъ учрежденій и все заканчивается или общей прогулкой, или банкетомъ. Банкетъ—это слишкомъ громкое названіе для скромнаго товарищескаго обѣда, гдѣ нѣтъ иного вина, кромѣ своего, мѣстнаго, трапеза отличается умѣренностію и простотой, но главное ея украшеніе живая добрая бесѣда людей, увѣренныхъ, что они дѣлаютъ доброе дѣло.

Что касается организаціи музеевъ, то около нихъ состоитъ обыкновенно комитетъ изъ пяти лицъ, чаще всего членовъ думы или учебнаго вѣдомства.

Городъ даетъ отъ себя помѣщеніе, комитетъ нанимаетъ сторожа, который мететъ и открываетъ по праздникамъ музей для публики. При нѣкоторыхъ изъ музеевъ начинаютъ формироваться общества для изученія своего края. Въ обращеніяхъ къ публикѣ, въ своихъ брошюрахъ Гру и его сотрудники теперь уже держатся твердаго тона; о пользѣ музеевъ они почти уже не говорятъ, считая вопросъ безповоротно рѣшеннымъ. Въ отвѣтъ на привѣтствія разныхъ городскихъ совѣтовъ и поздравленій, вмѣсто благодарностей и комплиментовъ Гру пишетъ: assez des paroles, des actes messieurs! Вы поздравляете насъ, спасибо! но почему вы сами у себя не заводите своихъ музеевъ. Нѣтъ у васъ, что-ли, нѣсколькихъ сотъ франковъ на дешевыя витрины, нѣтъ денегъ на сторожа! Или патріотизма не хватаетъ? Вѣра въ пользу дѣла создала самое дѣло, оно вошло уже въ жизнь и дало право поборникамъ его говорить о немъ, какъ о совершившемся фактѣ, какъ о признанномъ жизненномъ явленіи.

Скромная работа Гру и его единомышленниковъ не осталась не замѣченной крупными центрами умственной жизни. Большая золотая медаль министерства народнаго просвѣщенія на выставкѣ въ Парижѣ, цѣлый рядъ почетныхъ отзывовъ ученыхъ французскихъ и заграничныхъ были наградой дѣятелей во Франціи.

Въ нашемъ отечествѣ дѣло мѣстныхъ музеевъ возникло почти одновременно съ Франціей, совершенно независимо отъ первой, такъ какъ у насъ нужда въ нихъ даже болѣе настоятельная, нежели во Франціи. Мы уже говорили объ однообразіи и безсодержательности провинціальной жизни. Французъ, образованный человѣкъ, или просто желающій позапастись новыми впечатлѣніями, освѣжиться, можетъ сѣсть на желѣзную дорогу, продремать нѣсколько часовъ въ вагонѣ и къ утру онъ въ столицѣ міра. У насъ разстоянія приковываютъ человѣка къ мѣсту. Богатые люди и пользующіеся досугомъ и тѣ могутъ позволять себѣ поѣздки въ столицу лишь изрѣдка. Нужна умственная жизнь какая-нибудь

на мѣстѣ. Франція—небольшая страна и она изучена довольно хорошо. Природные рессурсы ея извѣстны, но и тамъ остается дѣла не мало на долю мѣстныхъ музеевъ. Что-же сказать о нашемъ обширномъ отечествѣ. У насъ природные дары лежатъ, попираемые ногами. Давно-ли открыты богатѣйшія залежи ртутной руды въ Бахмутскомъ уѣздѣ? Давно-ли открыты залежи сѣры въ Тетюшскомъ уѣздѣ, подъ бокомъ почти у казанскаго университета! Нельзя винить наши центральныя ученыя общества за пробѣлы въ изслѣдованіяхъ Россіи. Слишкомъ велика наша территорія по сравненію съ научными силами центровъ. Отдаленная наша окраина въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, еще въ худшихъ условіяхъ. Научныя разысканія здѣсь требуютъ кромѣ громадныхъ издержекъ для пріѣзжихъ, еще большаго мужества, готовности и умѣнья переносить лишенія скитальческой жизни. Да, чтобы ужь сказать все сразу, невозможно путемъ кратковременныхъ экспедицій, съ длиннымъ маршрутомъ, изучить обширную страну. Такимъ путемъ можно уловить только общія, характерныя стороны данной страны, а не мѣстные особенности каждаго ея уголка; между тѣмъ, гдѣ дѣло идетъ о практическихъ и промышленныхъ вопросахъ—все дѣло въ подробномъ знаніи мѣстности. Отъ недостатка изслѣдованій отдѣльныхъ мѣстностей страдаетъ наука, а еще болѣе мѣстные обыватели. Сколько теряется заработка, сколько промысловъ не развивается у насъ благодаря недостаточному знанію мѣстностей! Сознали давно это лучшіе люди въ провинціи и вотъ начинаютъ возникать мѣстные музеи въ Твери, въ Вяткѣ, Петрозаводскѣ, Уфѣ, возникаетъ музей при Петровскомъ обществѣ въ Астрахани и другихъ мѣстахъ.

Было-бы очень утомительно и безцѣльно останавливать ваше вниманіе на исторіи музеевъ Европейской Россіи, когда у насъ, не далеко, въ Сибири, мы имѣемъ блестящіе примѣры развитія музейнаго дѣла, примѣры, болѣе подходящіе къ условіямъ нашей жизни, а стало-быть и болѣе поучительные.

Вы ожидаете, вѣроятно, что я буду говорить о музеѣ Минусинскомъ и о дѣятельности Николая Михаиловича Мартьянова. Дѣйствительно—говоря о мѣстныхъ музеяхъ нельзя обойти ни этого города, ни этого имени. Минусинскій музей—старѣйшій изъ мѣстныхъ музеевъ и самый богатый—изъ 57 тысячъ предметовъ, хранящихся въ восточно-сибирскихъ музеяхъ, 28 т., болѣе половины, лежитъ въ Минусинскомъ музеѣ; но я смотрю на дѣятельность г. Мартьянова нѣсколько иначе, нежели остальная публика. Обыкновенно представляютъ себѣ дѣло такъ, что музей этотъ дѣло рукъ, необыкновенныхъ способностей и энергіи г. Мартьянова. Я не желаю нисколько умалять заслугъ и способностей моего близкаго личнаго друга, съ которымъ мы жили, думали вмѣстѣ и работали цѣлыхъ 6-ть лѣтъ. Велика его энергія, но и она не привела-бы ни къ чему, если-бъ его дѣло было только его личное дѣло; не встрѣтилъ-бы онъ ни преемниковъ, ни подражателей, не отнеслись-бы такъ горячо къ его дѣлу въ разныхъ концахъ Сибири. Музей этотъ, какъ-бы хорошъ онъ ни былъ, остался-бы одинокой интересной попыткой оригинальнаго человѣка и только. Натуралистъ по призванію и по образованію, явясь въ Минусинскъ, Мартьяновъ занялся успѣшно сборомъ различныхъ коллекцій. Мелькала у него мысль объ устройствѣ музея въ Минусинскѣ, но было страшно заявить о такомъ новомъ дѣлѣ. Послѣ первыхъ переговоровъ съ близкими лицами, онъ встрѣтилъ такую массу возраженій и охлаждающихъ замѣчаній, что хотѣлъ оставить коллекціи у себя и посылать нѣкоторыя изъ нихъ для опредѣленія въ столицы. Насколько нова была идея мѣстнаго музея для самого Мартьянова видно изъ того, что въ первое время онъ и не думалъ собирать археологическихъ минусинскихъ коллекцій, которыя привлекаютъ къ нему до сихъ поръ всеобщее вниманіе. Перваго сторонника своей мысли г. Мартьяновъ нашелъ не среди мѣстной интеллигенціи, которая привыкла судить по готовымъ образцамъ, идти по протореннымъ дорогамъ. Поддержалъ его городской

голова Гусевъ, человѣкъ хотя не образованный, но смѣлый и энергичный, новаторъ по натурѣ. Онъ провелъ въ думѣ вопросъ объ открытіи музея. Но какъ открывать было его, когда нѣтъ въ карманѣ ни гроша денегъ на устройство самой простой мебели? Здѣсь опять-таки помогъ Гусевъ, на его деньги сооружены шкафы, и въ двухъ комнаткахъ размѣстился мѣстный музей. Это было въ 1877 году; всего 1362 № предметовъ со всѣми натяжками насчиталось въ музеѣ; но и это скромное начало было, какъ фактъ, гораздо внушительнѣе всякихъ разсужденій. Самоотверженно работалъ Мартьяновъ, но нашлись у него и самоотверженные помощники. Ходя въ поисковой партіи, молодой золотопромышленникъ, вмѣстѣ съ торбой съ сухарями, несъ за плечами мѣшечекъ съ породами для музея. Такимъ образомъ получены были породы съ рѣки Кантигира, гдѣ ни прежде, ни послѣ, до настоящаго времени еще не бывала нога путешественника. У одного богатаго любителя собралась коллекція древностей— онъ ее жертвуетъ въ музей. Эта небольшая коллекція и послужила основой археологическаго отдѣла, доставившаго такую громкую извѣстность всему музею. Въ 1880 г. появился напечатанный на пожертвованныя средства первый каталогъ музея. Генералъ-губернаторъ Анучинъ, губернаторъ Лохвицкій отнеслись очень сочувственно къ новому предпріятію. Кромѣ того, въ первые годы существованія и до послѣдняго времени минусинскій музей дѣятельно поддерживала мѣстная пресса. Не мало совершенно безвѣстныхъ, но безкорыстныхъ и полезныхъ работниковъ поддерживали музей своими трудами. Ими составлены книги, выпущенныя отъ имени музея, которыми онъ справедливо гордится. Этимъ доказалось, что мѣстный музей дѣйствительно одно изъ пригоднѣйшихъ учрежденій для изученія мѣстности, особенно въ такомъ краѣ, какъ наша Сибирь. Пригоденъ онъ тѣмъ, что нагляденъ, пригоденъ тѣмъ, что даетъ возможность начать работу при сравнительно малыхъ средствахъ. Въ чемъ-же секретъ дѣятельности Мартьянова, почему удалось ему по-

ставить дѣло, первый начинъ котораго казался столь труднымъ. Многіе приписываютъ все его личнымъ качествамъ и умѣнью привлекать людей. Разумѣется, очень многіе помогали музею только ради Мартьянова; но многіе работали сознательно, ради дѣла. Лица, приписывающія весь успѣхъ обаянію личности основателя музея, не поняли главной заслуги его—чрезвычайно разумной системы дѣйствій, которую можно рекомендовать какъ руководство и образецъ.

Первое правило, за которое Мартьяновъ несъ иногда не справедливыя нареканія,—пользоваться всякимъ человѣкомъ, обнаруживающимъ склонность быть полезнымъ музею. Ни различія въ образованіи, ни въ общественномъ положеніи не мѣшали Мартьянову пользоваться человѣкомъ, разъ онъ, по его мнѣнію, могъ что-нибудь сдѣлать для музея,—золотопромышленникъ, учитель, простой рыбакъ, охотникъ, крестьянинъ, всѣми онъ умѣлъ и считалъ нужнымъ пользоваться; музей не былъ его личнымъ или только городскимъ дѣломъ, а дѣломъ всѣхъ сочувствующихъ и могущихъ быть полезными. Если-бъ минусинскій музей былъ разборчивой невѣстой, браковалъ-бы однихъ сотрудниковъ за недостаточное образованіе, другихъ за низкое положеніе въ обществѣ, замкнулся-бы въ ограниченномъ кружкѣ—ничего-бы не вышло изъ работы Мартьянова. Нѣкоторые мѣстные музеи, основанные въ послѣдствіи, при болѣе крупныхъ средствахъ и болѣе благопріятныхъ условіяхъ прозябали и развивались черепашьимъ шагомъ, благодаря тому, что смотрѣли на музей, какъ на кружковое дѣло.

Второе правило—пользуясь всѣми, Мартьяновъ старался быть полезнымъ всѣмъ. Нужно-ли кому выписать книгу, узнать, есть-ли въ этомъ камнѣ серебро или золото, опредѣлить растеніе—онъ не отказывался. Чего не могъ сдѣлать самъ, обращался къ другимъ, посылалъ въ Петербургъ, Москву—музей старался быть справочной конторой для всѣхъ.

Третье—онъ не спалъ со своими коллекціями. Находилось что-либо интересное—онъ посылалъ въ столицы, за

границу и благодаря ему не одинъ ученый трудъ о Сибири былъ выпущенъ за границей, была по его иниціативѣ снаряжена цѣлая экспедиція для изслѣдованія окаменѣлостей около села Бейскаго. Въ Россіи носились еще только неопредѣленные слухи о минусинскомъ музеѣ, а въ Вѣнѣ жена извѣстнаго миколога, покойнаго барона Тюмена, уже писала о немъ статьи въ газетахъ. По послѣднимъ отчетамъ музей находится въ сношеніяхъ, кромѣ обществъ и ученыхъ русскихъ, съ французскими, шведскими, нѣмецкими, швейцарскими, итальянскими. Важность такого способа дѣйствій ясна сама собой; но имъ очень часто пренебрегаютъ и, чѣмъ ученѣе консерваторъ, тѣмъ чаще. Самъ, дескать, займусь, обработаю. При разностороннихъ своихъ познаніяхъ Мартьяновъ могъ-бы болѣе многихъ другихъ претендовать на право личной разработки коллекцій; но онъ поступался и своей ученой славой, и даже самими коллекціями ради привлеченія сотрудниковъ-спеціалистовъ.

Четвертое правило—брать и составлять всякія коллекціи, какія можно. Часто слышимъ мы—эти коллекціи не подходятъ подъ нашу программу, эти коллекціи мало поучительны, ихъ намъ не надобно. Въ такомъ дѣлѣ, какъ мѣстный музей, программа должна сообразоваться съ опытомъ; непоучительная, ненужная, на первый взглядъ, коллекція, можетъ быть продана, обмѣнена. Лицо, въ началѣ доставлявшее только хламъ, поощренное и наученное, можетъ стать дѣльнымъ коллекторомъ.

Не смотря на то, что положеніе музея уже упрочилось, лѣтъ пять тому назадъ, онъ былъ въ затруднительномъ положеніи. Коллекціи начали давить помѣщеніе; нужно было новое; нужна была масса книгъ ученыхъ для работъ при музеѣ. Здѣсь опять явилось на выручку общество. Часть денегъ собралась на мѣстѣ, большую половину далъ И. М. Сибиряковъ, и у музея прекрасное помѣщеніе, красивый залъ и хорошая библіотека.

Добрый починъ Мартьянова не остался безъ подражанія. Возникъ музей въ Семипалатинскѣ, стараніями секретаря ст. комитета Маковецкаго, потомъ въ Енисейскѣ. Оказалось, что устраивать музеи вездѣ возможно и полезно. Самымъ-же рѣзкимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить музей ачинскій—главнымъ работникомъ въ немъ былъ не ученый, какъ Мартьяновъ, а просто воспитанникъ красноярской учительской семинаріи Д. С. Каргополовъ, уроженецъ Минусинскаго округа, горячій почитатель Мартьянова. При своихъ ограниченныхъ свѣдѣніяхъ, при скромномъ положеніи смотрителя городскаго училища, онъ, при сочувствіи общества, съумѣлъ сдѣлать небольшой, но полезный музей. Двѣ комнатки, въ которыхъ онъ помѣщается, были заняты дѣльнымъ матеріаломъ. Помню, я съ большой пользой и удовольствіемъ просидѣлъ въ немъ два дня, разсматривая горныя породы и почвы Ачинскаго округа. Небольшая коллекція девонскихъ рыбокъ, отосланная изъ этого музея въ академію, послужила полезнымъ подспорьемъ для д-ра Рогона въ его пале-ихтіологическихъ трудахъ. Примѣръ Каргополова достаточно показываетъ, что главное здѣсь— вѣра въ дѣло и любовь къ нему, что полезенъ и интересенъ матеріалъ, собранный неспеціалистомъ, если онъ собранъ аккуратно, а въ собирателяхъ и сотрудникахъ и у Каргаполова не было недостатка,—помогать начали и ему, начиная отъ мальчиковъ-школьниковъ и оканчивая мѣстнымъ исправникомъ. Если теперь, послѣ отъѣзда Каргополова, объ ачинскомъ музеѣ мало слышно, то подобному явленію удивлятся нечего: и въ крупныхъ учрежденіяхъ бываютъ періоды застоя въ дѣятельности, но періоды могутъ смѣняться болѣе оживленными, лишьбы только само учрежденіе существовало.

Въ Енисейскѣ основанъ музей въ 1884 году, въ 86 красноярскій и нерчинскій, въ 87 тобольскій и, наконецъ, въ 90 въ далекомъ Якутскѣ основанъ при статистическомъ комитетѣ мѣстный музей. Изъ нихъ по своей энергичной дѣятельности выдаются музеи нерчинскій и тобольскій, хотя

положеніе ихъ крайне различно. Нерчинскій, имѣющій уже около 10,000 предметовъ, поддерживается думой и небольшимъ мѣстнымъ кружкомъ. Тобольскій—особымъ комитетомъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ губернаторъ. Примѣръ этотъ показываетъ, что можетъ сдѣлать благожелательный администраторъ на пользу просвѣщенія края. Музей этотъ начался съ того, что для него выстроенъ былъ домъ—съ этого ни одинъ сибирскій музей не начинался. Задача—имѣть свое приспособленное помѣщеніе неразрѣшима для многихъ изъ нихъ. До сихъ поръ свои дома имѣютъ только минусинскій и тобольскій. Строится помѣщенія для красноярскаго, на которое жена товарища городскаго головы, одного изъ основателей музея, пожертвовала 23,000 р. с. Заявили себя научными изданіями три сибирскихъ музея—минусинскій, тобольскій и якутскій. Объясненія коллекцій производились во всѣхъ музеяхъ. Многіе, какъ минусинскій, красноярскій, якутскій и енисейскій производили научныя экскурсіи. Изъ нихъ выдается громадная экскурсія А. И. Кытманова къ устьямъ Енисея, давшая богатые матеріалы, которыми онъ любезно подѣлился съ Восточно-Сибирскимъ Отдѣломъ.

Изъ сказаннаго вы видите, что большинство нашихъ сибирскихъ музеевъ возникло по частной иниціативѣ, при помощи городскихъ обществъ. Это одно изъ доказательствъ зрѣлости и пониманія своихъ обязанностей сибирскими городскими обществами. Музеи были встрѣчены сочувственно высшею властью. Она первая поощрила труды работниковъ. Первая золотая медаль Мартьянову была Всемилостивѣйше пожалована Государемъ Императоромъ.

Всѣ мы видѣли и помнимъ, съ какимъ вниманіемъ и интересомъ знакомился Государь Наслѣдникъ съ мѣстными музеями. Пожертвованія денежныя, награды основателямъ музея и, наконецъ, принятіе подъ свое покровительство музея тобольскаго—вотъ чѣмъ выразилось отношеніе Высокаго Путешественника къ мѣстнымъ музеямъ.

Я уже говорилъ въ началѣ своей лекціи, что, по слухамъ, вопросъ о земскихъ музеяхъ, ихъ нормальномъ уставѣ и бюджетѣ ихъ, обратилъ на себя вниманіе высшихъ сферъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Дѣйствительно, музеи нуждаются и въ нормальномъ уставѣ, и въ поддержкѣ не только матеріальной, но умственной и нравственной, нуждаются въ руководительствѣ компетентной ученой коллегіи. Необходимо выяснить значеніе этихъ учрежденій передъ лицомъ закона.

Теперь уже пора издавать ежегодники музеевъ по примѣру Франціи. Наши сибирскіе музеи печатаютъ свои отчеты и разсылаютъ ихъ охотно (за исключеніемъ ачинскаго и красноярскаго), но это отдѣльные отчеты! Необходимы общіе выводы, сравненія, необходимо печатать запросы музеевъ, соображенія ихъ о своихъ нуждахъ. Необходимы также свѣдѣнія о частныхъ коллекціяхъ. Многіе ученые для своихъ спеціальныхъ работъ нуждаются въ коллекціяхъ, которыхъ сами собрать не могутъ. Намъ не случалось читать ни объявленій, ни запросовъ отъ такихъ ученыхъ въ общераспространенныхъ или даже спеціальныхъ изданіяхъ. Такія объявленія въ ежегодникахъ были-бы умѣстны: одинъ, напримѣръ, можетъ, пожелалъ-бы пріобрѣсти коллекцію сибирскихъ водорослей, другой нуждается, для пополненія своихъ обширныхъ работъ, въ собраніи сибирскихъ злаковъ, свѣдѣніяхъ о цвѣтѣ глазъ, волосъ и т. д. Это связало-бы ближе провинцію съ крупными учеными центрами.

Въ заключеніе я обращусь къ разсмотрѣнію частнаго, близкаго намъ вопроса, который задавали мнѣ здѣсь не разъ. Какое значеніе будетъ имѣть открытіе мѣстнаго музея въ Троицкосавскѣ или Кяхтѣ? Я-бы могъ отвѣтить на него просто: гдѣ есть люди, гдѣ есть человѣческая любознательность, гдѣ есть потребность въ изученіи окружающаго, тамъ принесетъ и свою пользу мѣстный музей, но относительно Кяхты, мнѣ кажется, возможны и особыя соображенія, и особыя задачи для музея.

Сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ образовалась на границѣ Монголіи маленькая русская колонія, одна изъ такихъ, какихъ немало разсѣяно по русской границѣ. Положеніе этой колоніи было настолько трудное въ виду дикости сосѣдняго населенія, что оно выбрало себѣ мѣстечко для мѣстожительства на рѣчкѣ, текущей изъ русскихъ предѣловъ. Было основаніе опасаться, что добрые сосѣди отравятъ, испортятъ или отведутъ воду. Маленькая деревенька эта становится мало-по-малу замѣтнымъ пунктомъ, не по численности населенія, а по своему громадному торговому значенію. Скоро эта слобода дѣлается отправнымъ пунктомъ русской торговли съ Китаемъ, она пролагаетъ пути въ застѣнный Китай, создаетъ русское торговое дѣло въ срединной имперіи. До завоеванія средней Азіи, до открытія Суэцкаго канала и морскаго пути въ Одессу эта слобода сосредоточивала въ себѣ почти всю русско-азіатскую торговлю. Маленькій уголокъ на китайской границѣ приводилъ въ движеніе капиталы на берегу Москвы рѣки и на берегахъ Янце-кіанга. Все это создано было умѣньемъ, энергіей и настойчивостью небольшой кучки людей, отцовъ и дѣдовъ современнаго поколѣнія. Какими-бы путями ни пошла наша торговля съ Азіей въ будущемъ, за Кяхтой навсегда останется заслуга созданія русско-китайской торговли, открытіе рынка для русскихъ товаровъ въ Китаѣ и произведеній Китая для Россіи. Исполненіемъ этой задачи ни коимъ образомъ не можетъ, це должна ограничиться роль Кяхты. Путемъ долгаго знакомства съ Китаемъ, путемъ общенія съ нимъ, Кяхта пріобрѣла глубокое практическое, такъ сказать, личное знакомство съ Китаемъ, у Кяхты громадныя, цѣнныя связи внутри Китая. Вспомнимъ, какой интересъ возбудили въ научной литературѣ простые дневники торговыхъ приказчиковъ, изданныя нашимъ отдѣломъ на средства фирмы гг. Коковина и Басова? Понятное дѣло, что эти свѣдѣнія—малая часть того, чѣмъ обладаетъ, что можетъ дать Кяхта; Китай—намъ близкій сосѣдъ, сосѣдъ богатый. Во имя пользы государства, во имя интересовъ русской про-

мышленности и русской науки мы должны изучать и изучать Китай и Монголію. И теперь уже конкуррирующіе съ нами на торговомъ поприщѣ иностранцы доказываютъ намъ, что они глубоко знаютъ Китай, его нравы, производительныя силы.

Намъ нельзя отставать отъ иностранцевъ, всякій, кто можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, обязанъ оказать свою долю содѣйствія.

Какое-же содѣйствіе могутъ оказать Кяхта и Троицкосавскъ? Здѣсь люди практики, не кабинетные работники, какъ они могутъ участвовать личными трудами въ дѣлѣ изученія Китая? Отвѣтъ мой будетъ коротокъ—созданіемъ мѣстнаго и монгольско-китайскаго музея. При своемъ громадномъ практическомъ знаніи Китая, при крѣпкихъ, близкихъ связяхъ съ нимъ Кяхта можетъ, при добромъ желаніи, создать единственный въ своемъ родѣ кяхтинско-монгольскій музей. Ученый путешественникъ, хоть и хорошо знающій эти страны, съ трудомъ, случайно добудетъ и узнаетъ то, что для Кяхты дастся безъ труда.

Произведенія китайской промышленности, оригинальная внутренняя жизнь этой страны, памятники ея искусства, странныя и удивляющія всѣхъ религіозныя вѣрованія; своеобразные обычаи, своеобразная литература—вотъ громадное поле для дѣятельности Кяхты и кяхтинцевъ. Конечно, такой музей уже нѣчто большее нежели мѣстный музей; но въ Кяхтѣ такъ благопріятно сложились внѣшнія обстоятельства для образованія такого музея, какъ ни гдѣ. Въ центрахъ умственной жизни русской или заграничной нѣтъ одного изъ главныхъ условій для полноты такого музея, нѣтъ возможности слѣдить непрерывно за жизнью Китая или Монголіи. Въ Европѣ поняли это: какъ ни богаты луврскія древнеегипетскія коллекціи—все-таки нашли нужнымъ основывать музеи въ самомъ Египтѣ. (Булакскій музей).

Оказавъ громадную услугу русской торговлѣ въ прошломъ, Кяхта, основавъ музей, окажетъ ее и далекому буду-

щему, ея практическое знаніе Китая не пропадетъ безслѣдно, а послужитъ на пользу грядущимъ поколѣніямъ, русской жизни и русской наукѣ. По ея музею, какъ по живой книгѣ, будутъ знакомиться съ Китаемъ и Монголіей русскіе люди и въ потомствѣ будетъ обезпечена благодарная память его основателямъ.

Д. Клеменцъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ октябрѣ прошлаго года, въ Кяхтѣ, я прочелъ публичную лекцію о значеніи мѣстныхъ музеевъ. Благосклонные слушатели мои выразили желаніе видѣть сказанное мною въ печати. Возвратясь въ Иркутскъ, я счелъ своею обязанностью исполнить желаніе моей аудиторіи, но въ эту-же пору получился здѣсь Annual report of the bod of regents of the Smithsonian institution за 1889 годъ, вышедшій въ Вашингтонѣ въ 1891 г., гдѣ напечатана лекція Броуна Гуда, читанная имъ въ бруклинскомъ институтѣ, въ Америкѣ, въ февралѣ 1889 года, по предмету, весьма близкому къ затронутому мною. Эта замѣчательная лекція, излагая взгляды, весьма сходные въ общемъ съ моими, даетъ болѣе широкую постановку вопросу о музеяхъ. Во многихъ случаяхъ мы, независимо другъ отъ друга, ссылаемся на однѣ и тѣ-же фактическія данныя; хотя американскій лекторъ обладаетъ болѣе полными свѣдѣніями о музеяхъ англійскихъ, но за то совершенно игнорируетъ замѣчательное и плодотворное движеніе въ пользу мѣстныхъ музеевъ во Франціи. Дополнять свою лекцію новыми матеріалами я не считалъ себя въ правѣ, не считалъ возможнымъ и перемѣнять въ ней что-нибудь, такъ какъ слушатели желали видѣть въ печати мою лекцію, а не статью, написанную на тему моей лекціи. Послѣдняя была съ моей стороны вызвана желаніемъ поспособствовать, насколько возможно, уясненію вопроса о пользѣ мѣстныхъ музеевъ вообще и въ частности въ Троицкосавскѣ или Кяхтѣ. Для меня самого интересно было сохранить всѣ особенности времени и мѣста, какъ онѣ отразились въ моей лекціи. Сверхъ того, печатая цѣликомъ переводъ лекціи г. Броуна Гуда, я желаю тѣмъ самымъ наглядно указать, что вопросъ о музеяхъ, какъ средствѣ для

развитія народнаго образованія, одинаково занимаетъ общественную мысль, какъ на далекомъ западѣ, у дѣятельныхъ, быстро живущихъ, смѣло отдающихся всякой новой идеѣ американцевъ, такъ и у насъ на тихомъ, только начинающемъ развивать свою общественную жизнь, дальнемъ востокѣ Россіи. Мысли и планъ г. Броуна Гуда, весьма любопытные и цѣнные сами по себѣ, важны кромѣ того для сравненія, какъ наилучшій примѣръ того, какъ одинъ и тотъ-же вопросъ, рѣшаемый двумя лицами въ одномъ и томъ-же направленіи, измѣняется въ двухъ разныхъ странахъ сообразно характеру и привычкамъ народа и общественнымъ условіямъ.

И неспеціалистъ дѣла пойметъ, что я не посмѣлъ-бы обратиться съ такими широкими планами, какіе ставятъ для богатаго города Бруклина сэръ Броунъ Гудъ, не только къ Троицкосавску или Кяхтѣ, но и къ какому-либо большому городу; но во всякомъ случаѣ, многіе изъ мыслей этого американца необходимо имѣть въ виду, если не какъ программу для осуществленія, то какъ руководящую нить для будущаго, какъ образецъ того, какимъ требованіямъ со временемъ могутъ удовлетворять мѣстные музеи.

Д. Клеменцъ.

Иркутскъ.
20 Февраля 1893 года.

МУЗЕИ БУДУЩАГО.

(Лекція сэра Броуна Гуда, читанная въ 1889 г. 28 февраля въ Бруклинѣ, въ Америкѣ).

Есть восточная поговорка, что разстояніе между ухомъ и глазомъ мало, но разница между слухомъ и зрѣніемъ велика.

Болѣе сжатая, но не менѣе сильная есть и у насъ поговорка: «видѣть значитъ знать» (to see is to Know). Въ нашъ дѣловой, критическій и скептическій вѣкъ всякій стремится узнать все, а жизнь слишкомъ коротка для этого. Зрѣнію работы все больше и больше, слуху все меньше и меньше, и рядомъ съ этимъ описательное изложеніе уступаетъ мѣсто картинамъ, а картины въ свою очередь замѣняются настоящими предметами. Діаграммы и предметы для наглядnаго обученія, неизвѣстные тридцать лѣтъ тому назадъ, теперь распространены повсюду въ школахъ. Публичный лекторъ, чтобы лучше запечатлѣть свои слова, употребляетъ волшебный фонарь, издатель иллюстрируетъ свои журналы и сборники гравюрами во сто разъ болѣе многочисленными и изящными, чѣмъ прежде; купецъ и мануфактуристъ также рекламируютъ свои товары посредствомъ рисунковъ и наглядныхъ изображеній. Старинный мѣстный базаръ превратился въ громадную выставку часто международную; выставки эти поощряются правительствомъ, и тысячи такихъ выставокъ учреждались въ послѣдніе сорокъ лѣтъ, начиная отъ Японіи до Тасманіи, отъ Норвегіи до Бразиліи. При господствѣ такого направленія музей, казалось-бы, долженъ былъ занять выдающееся мѣсто, такъ какъ онъ составляетъ самое могущественное и полезное пособіе при всякихъ видахъ нагляд-

наго обученія. Но наша современная организація музеевъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени. Мы не отвѣчаемъ запросамъ нашего народа и въ этомъ отношеніи мы отстали отъ Англіи, Германіи, Франціи, Италіи и Японіи.

Правда, у насъ есть два или три центра широкаго развитія музейнаго дѣла, за то въ теченіи двадцати лѣтъ открылось мало новыхъ, а многіе изъ старыхъ находятся въ состояніи неподвижности. Такъ не можетъ продолжаться долго. Музей прошедшаго долженъ быть отодвинутъ на задній планъ, перестроенъ и превращенъ изъ кладовой со всякой всячиной въ питомникъ живыхъ мыслей. Музей будущаго долженъ стать бокъ о бокъ съ библіотекой и лабораторіей, какъ одна изъ составныхъ частей учебныхъ пособій коллегій и университетовъ, и въ большихъ городахъ долженъ дѣйствовать сообща съ публичной библіотекой въ качествѣ одного изъ главныхъ двигателей народнаго просвѣщенія.

Чтобы опредѣлить истинное значеніе слова «музей», бросимъ бѣглый взглядъ на далекое прошлое нашей исторіи, когда наши предки, сотни поколѣній тому назадъ, участвовали въ великомъ переселеніи народовъ, населившихъ Европу племенами центральной Азіи.

Очень удачно сказано, что древняя исторія Греціи составляетъ первую главу въ политической и умственной жизни Европы. Намъ надо обратиться къ исторіи Греціи, чтобы опредѣлить происхожденіе идеи музея, которая привилась только среди европейской отрасли великой индо-германской и арійской семьи обитателей міра.

За много столѣтій до изобрѣтенія письменности, вдоль береговъ сѣверной Греціи, по склонамъ горъ Олимпа и Геликона жилъ народъ, который позднѣйшіе греки звали «фракійцами»; это была полумиѳическая раса; даже языкъ ея остался неизвѣстнымъ. По устнымъ сказаніямъ, дошедшимъ до насъ, это была раса бардовъ; ей приписывается особенная легендарная поэзія догомеровскихъ временъ, въ которой впервые были олицетворены вполнѣ ясно могущественныя

силы природы. Эта поэзія, какъ предполагаютъ, относится къ тому времени, когда предки грековъ покинули свою индо-европейскую родину, но не успѣли еще завладѣть вполнѣ землями, на которыхъ впослѣдствіи мы видимъ эллиновъ. Духи природы говорили съ чуткими душами бардовъ-фракійцевъ при посредствѣ журчанія ручьевъ или пѣнія птицъ, и каждая изъ силъ или проявленій природы олицетворялась этими пѣвцами и становилась предметомъ культа.

Духи существовали въ каждомъ лѣсу и на каждой горѣ, но только во Фракіи жили музы-покровительницы науки и памяти, хранительницы всякой мудрости, сообщившія своимъ ученикамъ знанія и искусство письма.

Музей, на языкѣ древней Греціи, было мѣстопребываніе музъ. Сначала это были лѣса Парнаса и Геликона, а потомъ храмы въ различныхъ мѣстахъ Эллады. Вскорѣ, однако-же, значеніе этого слова измѣнилось и имъ стали обозначать мѣсто обученія или школу. Аѳинянинъ во второмъ столѣтіи описываетъ Аѳины, какъ «музей Греціи», и это-же названіе было примѣнено къ той части Александрійскаго дворца, которая была предназначена исключительно для занятій науками и въ которой помѣщалась знаменитая Александрійская библіотека. Александрійскій музей представлялъ собою громадный университетъ, постоянное мѣстопребываніе мужей науки и литературы, которые раздѣлялись на нѣсколько группъ или коллегій и каждая изъ нихъ имѣла свой опредѣленный, весьма приличный бюджетъ.

Александрійскій музей былъ сожженъ во время Цезаря и Аврелія и, начиная съ IV до XVII столѣтія, терминъ «музей», обозначающій большое публичное учрежденіе, выводится изъ употребленія. Исчезновеніе какого-нибудь слова служитъ указаніемъ на то, что идея, для выраженія которой оно существовало, впала въ немилость; такъ оно было на самомъ дѣлѣ и съ музеемъ.

Исторіи музея и библіотеки идутъ параллельно другъ другу. Существованіе теперешнихъ библіотеки и музея сдѣ-

лалось возможнымъ только тогда, когда развились науки и искусства, когда письменная литература получила обширное распространеніе и образовался слой общества, посвятившій себя литературнымъ и научнымъ занятіямъ.. Наши музеи гораздо менѣе похожи на свои прототипы, чѣмъ наши библіотеки.

Въ древности существовали уже галлереи живописи и скульптуры, называвшіяся музеями. Публичныя коллекціи картинъ и статуй мы видимъ въ Греціи и Римѣ уже въ очень ранній періодъ. Въ одной изъ мраморныхъ залъ Пропилея въ Аѳинахъ была галлерея картинъ (Пинакотека), а въ Римѣ была роскошная публичная выставка произведеній искусствъ. М. Дезобри, въ своемъ блестящемъ трудѣ—«Римъ во времена Августа»—описываетъ эту эпоху Римской цивилизаціи въ первомъ столѣтіи до Р. Х.

«Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ: «любовь къ живописи развилась въ необыкновенной степени. Въ прежнее время картины можно было найти только въ храмахъ, гдѣ онѣ были выставлены не столько съ цѣлью украшенія, какъ въ знакъ почтенія къ богамъ; теперь же онѣ повсюду—не только въ храмахъ, въ частныхъ домахъ и въ общественныхъ зданіяхъ, но также прямо на наружныхъ стѣнахъ, на открытомъ воздухѣ. Римъ представляетъ сплошную галлерею живописи; форумъ Августа изобилуетъ картинами, ихъ можно видѣть также на форумѣ Цезаря, на римскомъ форумѣ, подъ перестилями многихъ храмовъ и въ особенности въ портикахъ, служившихъ мѣстами публичныхъ гуляній и сборищъ; многія изъ нихъ буквально переполнены ими. Такимъ образомъ каждый имѣетъ возможность любоваться ими и притомъ во всякое время дня».

Власти Рима въ позднѣйшій періодъ его исторіи тоже старались удовлетворить вкусу народа къ произведеніямъ искусства. Они думали, что столица великой націи должна быть украшена всѣми лучшими произведеніями цивилизаціи. Плиній говоритъ, что Цезарь во времена своего диктаторства

купилъ за 300,000 динаріевъ двѣ греческихъ картины и выставилъ ихъ для публики, и что Агриппа помѣстилъ много драгоцѣнныхъ произведеній искусства въ залу, которую онъ выстроилъ и завѣщалъ римскому народу. Константинъ собиралъ въ Константинополь картины и статуи великихъ художниковъ, такъ что городъ передъ его разрушеніемъ представлялъ, подобно Риму, громадный музей.

Вкусъ къ произведеніямъ искусства во времена древней цивилизаціи господствовалъ вообще по всему побережью Средиземнаго моря, и есть много данныхъ предполагать, что прототипы новѣйшихъ музеевъ существовали въ Персіи, Ассиріи, Вавилонѣ и Египтѣ такъ-же, какъ и въ Римѣ.

Существовали также несомнѣнно и естественно-историческія коллекціи, хотя у насъ нѣтъ точныхъ описаній ихъ. Естественно-историческія рѣдкости, конечно, проникали въ частныя коллекціи монарховъ, и несомнѣнно ими также пользовались при занятіяхъ ученые въ Александрійскомъ музеѣ. Аристотель въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. имѣлъ, какъ говорятъ, громадную коллекцію монетъ для пользованія при своихъ ученыхъ изысканіяхъ, а Александръ Великій, его патронъ, посылалъ ему громадныя зоологическія коллекціи, которыя собирались въ покоренныхъ имъ странахъ, и нѣсколько тысячъ человѣкъ было отдано въ распоряженіе Аристотеля для занятій охотой, рыболовствомъ и для производства наблюденій, необходимыхъ при составленіи его исторіи животныхъ. Судя по всему сказанному, мы можемъ предполагать, что у Аристотеля былъ большой естественно-историческій музей.

Когда римская столица была перенесена въ Византію, искусства и литература Европы стали приходить въ упадокъ. Господствующая церковь не поощряла ихъ, а нашествіе сѣверныхъ варваровъ уничтожило все. Въ 476 году, съ паденіемъ Западно-Римской Имперіи, начался періодъ умственнаго застоя, продолжавшійся тысячу лѣтъ. Наука и литература снова ожили прежде всего въ Багдадѣ и Кордовѣ, и

Африка перещеголяла Европу своими библіотеками. Съ возрожденіемъ наступилъ періодъ новой жизни для коллекторовъ. Церкви южной Европы превратились въ художественныя галлереи, а монархи, дворянство и духовенство стали собирать книги, рукописи, статуи, керамическія издѣлія и драгоцѣнные камни и положили этимъ начало коллекціямъ, разросшимся впослѣдствіи въ публичные музеи. Нѣкоторыя изъ этихъ коллекцій несомнѣнно получили начало еще въ средніе вѣка въ стѣнахъ феодальныхъ замковъ или большихъ монастырей, но число ихъ не велико и онѣ должны были состоять преимущественно изъ предметовъ, близкихъ ко вкусамъ средневѣковыхъ книжниковъ и направленію тогдашней литературы. Идея великаго національнаго музея наукъ и искусствъ была впервые выражена лордомъ Бэкономъ въ его «Новой Атлантикѣ»—философскомъ романѣ, изданномъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія. Первый настоящій научный музей былъ основанъ въ Оксфордѣ въ 1667 г. Эліасомъ Асмоль; онъ извѣстенъ и до сихъ поръ подъ именемъ Асмолеанскаго музея и состоитъ преимущественно изъ естественно-историческихъ коллекцій, собранныхъ ботаниками Традескантами, сыномъ и отцомъ, въ Виргиніи и сѣверной Африкѣ. Вскорѣ послѣ этого, въ 1753 г., былъ основанъ по парламентскому акту Британскій музей. Мысль объ этомъ учрежденіи была вызвана сэромъ Гансомъ Слёномъ, который, въ 1749 г., умирая, оставилъ націи свою драгоцѣнную коллекцію книгъ, рукописей и рѣдкостей.

Многіе изъ большихъ музеевъ Европы составились изъ частныхъ коллекцій царственныхъ особъ. Франція первая въ 1789 году переименовала частныя королевскія коллекціи въ національныя, когда въ 1789 г. Лувръ перешелъ въ вѣдѣніе республиканскаго правительства. Демократическая Англія осталась въ этомъ отношеніи позади Франціи.

За сто лѣтъ передъ этимъ, когда Карлъ I былъ казненъ, по распоряженію парламента, его великолѣпная частная коллекція разошлась по рукамъ. Какое благодѣяніе было-бы

для современной Англіи, еслибъ у послѣдователей Кромвеля явилась мысль объ основаніи національнаго музея.

Интеллектуальная жизнь Америки такъ тѣсно связана съ интеллектуальной жизнью Англіи, что вновь проявившійся тамъ въ половинѣ нынѣшняго столѣтія интересъ къ музеямъ и развитію народнаго образованія не можетъ не имѣть особеннаго значенія для насъ.

Великая выставка 1851 г. дала главный толчекъ промышленному преобразованію Англіи, той великой реформѣ, которая наступила тотчасъ за введеніемъ желѣзныхъ дорогъ и превратила феодальную и земледѣльческую Англію въ Англію демократическую и коммерческую. Эта выставка составляетъ эпоху въ интеллектуальномъ развитіи народовъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. «Великая выставка», говоритъ одинъ популярный романистъ и мыслитель: «оказала большую услугу деревенскому жителю: она показала ему, какъ легко попасть въ Лондонъ и какой неистощимый источникъ для разсказовъ и разговоровъ съ односельчанами представляетъ этотъ огромный городъ». Наша собственная выставка, по случаю столѣтняго юбилея Соединенныхъ Штатовъ въ 1876 г., была великимъ откровеніемъ для народовъ, населяющихъ ихъ.

Страна получила понятіе о вещахъ, до тѣхъ поръ для нея неизвѣстныхъ. И мы только можемъ пожалѣть, что система музеевъ не получила у насъ такого широкаго развитія, какого она достигла въ нашей метрополіи.

При разумномъ руководительствѣ Соутъ-Кенсингтонской администраціи, какъ результатъ событія 1851 г., разрослась громадная сѣть педагогическихъ и общеобразовательныхъ музеевъ по всей Великобританіи. Подобное распространеніе публичныхъ музеевъ въ нашей странѣ вполнѣ соотвѣтствовало-бы потребностямъ времени, на которыя указываютъ уже стремленія къ развитію университетскаго образованія. Англія имѣла въ своемъ распоряженіи почти сорокъ лѣтъ для осуществленія этихъ стремленій, со времени-же нашей выставки

прошло только тринадцать. Не можемъ-ли мы надѣяться, что въ подобный-же періодъ времени и даже раньше 1914 года Соединенные Штаты достигнутъ того-же положенія, которое занимаетъ теперь Англія, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается заботъ о развитіи народнаго образованія и участія правительства въ этомъ дѣлѣ?

Теперь въ Соединенныхъ Штатахъ сто пятьдесятъ публичныхъ музеевъ, дѣятельныхъ и полезныхъ. Система музеевъ Великобританіи гораздо ближе, какъ мнѣ кажется, къ идеалу, къ которому должна-бы стремиться Америка, чѣмъ системы музеевъ Франціи и Германіи. Музеи Англіи болѣе заботливо приспособлены къ удовлетворенію народныхъ потребностей и находятся въ болѣе близкой связи съ распространеніемъ народнаго образованія. Сэръ Генри Соль, основатель «Департамента наукъ и искусствъ», въ своей рѣчи по поводу музея, находящагося на его попеченіи, сказалъ народу въ Бирмингамѣ въ 1874 году: «Если вы хотите, чтобы ваши школы наукъ и искусствъ были плодотворны, чтобы ваше тѣло, воздухъ и пища были здоровы, чтобы жизнь ваша была долга, чтобы совершенствовалась ваша мануфактура и расширялась ваша торговля, чтобы народъ вашъ былъ цивилизованъ, вы должны имѣть музеи наукъ и искусствъ, которые должны наглядно учить тому, что нужно для сохраненія жизни, здоровья, для пониманія природы, науки, искусства и красоты.

Кромѣ того, онъ высказалъ мысль настолько-же приложимую къ нынѣшней Америкѣ, настолько она была справедлива относительно Англіи въ 1874 г.: «Совершенное воспитаніе и изученіе наукъ и искусствъ составляютъ жизненную потребность для націи, если она желаетъ сохранить то мѣсто, которое она занимаетъ теперь въ цивилизованномъ мірѣ. Наука и искусство—это питающая кровь, безъ которой невозможны успѣхи промышленности. Всѣ цивилизованныя націи стремятся перегнать насъ, и наше національное паденіе начнется съ того времени, когда мы остановимся въ дѣлѣ

развитія образованія, науки и искусства. То, что сдѣлано, составляетъ только первый шагъ къ тому, что остается еще сдѣлать».

Музеи будущаго въ нашей странѣ должны быть приспособлены къ потребностямъ механика, мануфактуриста, поденщика, скотопромышленника и клерка, и къ потребностямъ дѣлового человѣка и человѣка пользующагося досугомъ. Необходимо также, чтобы рядомъ съ музеями существовали лабораторіи и спеціальныя библіотеки для подготовки свѣдущихъ людей, которые-бы организовали, устроили музей и давали къ нему объясненія. Въ лабораторіяхъ должна идти дѣятельная, кипучая работа, чтобы поддержать кредитъ тѣхъ учрежденій, при которыхъ онѣ основаны. Не можетъ расти и пользоваться уваженіемъ тотъ музей, который не даетъ каждый годъ новаго доказательства того, что онъ стоитъ на стражѣ умственнаго движенія страны.

Съ другой стороны публика имѣетъ право требовать, чтобы принимались во вниманіе ея интересы. Она охотно согласится, чтобы консерваторъ музея употреблялъ часть своего времени на изысканія и опыты. Она будетъ гордиться тѣмъ, что музей обладаетъ десятками тысячъ предметовъ, интересныхъ только для спеціалистовъ, предметовъ, постоянно скрытыхъ отъ взоровъ публики, но необходимыхъ для научныхъ изслѣдованій. Эти предметы составляютъ фундаментъ научнаго зданія, который обусловливаетъ устойчивость учрежденія. Но надобно стараться, не щадя никакихъ трудовъ, чтобы сдѣлать матеріалы музея возможно доступными для публики, выставлять ихъ въ залахъ и галлереяхъ. Предметы должны быть препарированы съ возможной тщательностью, артистически и красиво расположены въ хорошо приспособленныхъ витринахъ съ вполнѣ прозрачными стеклами. Каждый предметъ долженъ быть снабженъ ярлыкомъ, съ обозначеніемъ названія и исторіи предмета настолько полной, чтобы она отвѣчала заранѣе на всѣ вопросы, могущіе возникнуть въ умѣ посѣтителя. Справочныя книги должны находиться въ

соотвѣтствующихъ мѣстамъ. Окраска стѣнъ, ящиковъ и ярлыковъ не должна раздражать зрѣніе и повсюду должна находиться удобная мебель, такъ какъ, ходя по музею и осматривая его, посѣтитель захочетъ наконецъ и отдохнуть. Однимъ словомъ, публичный музей прежде всего служитъ для пользы общества.

Если число консерваторовъ недостаточно, каждый изъ нихъ долженъ посвящать часть своего времени залламъ, открытымъ для публики. Если составъ увеличится, возможно будетъ для спеціализаціи дѣла устроить такъ, чтобы одни посвящали свое время безъ помѣхи лабораторному дѣлу, между тѣмъ какъ другіе занимались-бы объясненіемъ коллекцій и ихъ установкой. Я надѣюсь и твердо увѣренъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ каждое американское общество, насчитывающее пять или болѣе тысячъ жителей, будетъ имѣть публичную библіотеку, ввѣренную опытному библіотекарю. Какъ-бы мала она ни была, ея вліяніе на народъ будетъ имѣть громадное значеніе. Одна изъ самыхъ прискорбныхъ вещей въ этой жизни есть сознаніе, что со смертью старѣйшихъ изъ членовъ общества теряется для міра такъ много драгоцѣннаго по отношенію къ знанію и опыту. При посредствѣ-же книгъ человѣчество пользуется трудомъ прошедшихъ поколѣній и имѣетъ возможность избѣжать уже пережитыхъ другими заблужденій.

Теперь, когда печатаніе дешево и писатели многочисленны, легко можетъ быть пропущена безъ вниманія какая-нибудь хорошая и честная мысль. Ежедневныя газеты, а главное неномѣрно развившіеся, громадные воскресные листки похожи на сорную траву въ саду, широкіе листья которой не только истощаютъ землю, но и скрываютъ отъ глазъ болѣе скромныя и болѣе полезныя растенія, развивающіяся медленнѣе.

Мы находимъ очень поучительнымъ очеркъ «Капиталъ и культура въ Америкѣ», недавно появившійся въ одномъ изъ Англійскихъ журналовъ. Авторъ его, хорошо извѣстный англо-американскій астрономъ, смѣло утверждаетъ, будто съ

каждымъ годомъ дѣлается очевиднѣе, что вопреки быстрому увеличенію въ Америкѣ числа культурныхъ людей, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, нація въ культурномъ отношеніи приходитъ въ упадокъ. Прежде было до 500 городовъ въ Америкѣ, которые стремились къ различнымъ развлеченіямъ, достойнымъ цивилизованныхъ обществъ:—концерты, лекціи, чтенія художественныхъ, литературныхъ и научныхъ произведеній и тому подобное устраивались и шли успѣшно изъ сезона въ сезонъ. Теперь врядъ-ли можно насчитать только пятьдесятъ городовъ, гдѣ еще поддерживаются прежнія культурныя стремленія, несмотря на то, что большинство не сочувствуетъ имъ.

Научныя, литературныя и артистическія общества, процвѣтавшія прежде, теперь умираютъ или умерли во многихъ городахъ, несмотря на то, что благосостояніе и численность народонаселенія ихъ увеличились. Авторъ приводитъ въ примѣръ Чикаго, какъ типъ американскихъ городовъ, и затѣмъ приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ его культурнаго упадка въ продолженіи послѣднихъ шестнадцати лѣтъ.

Народный музей не долженъ быть только зданіемъ, наполненнымъ предметами въ стеклянныхъ шкафахъ. Онъ долженъ быть наглядною, систематическою выставкою идей.

Я однажды пытался выразить эту мысль словами: «настоящій музей, преслѣдующій воспитательныя задачи, можно опредѣлить, какъ коллекцію учебниковъ въ видѣ ярлычковъ, изъ которыхъ каждый иллюстрированъ хорошо подобранными предметами».

Музей, прибавлю я, не долженъ быть только коллекціей предметовъ, хорошо расположенныхъ и вѣрно обозначенныхъ. Подобно библіотекѣ онъ долженъ быть подъ постояннымъ наблюденіемъ одного или нѣсколькихъ лицъ, хорошо ознакомившихся съ нимъ, научно и практически развитыхъ, съ выработаннымъ вкусомъ и притомъ людей, способныхъ оказать помощь въ дѣлѣ воспитанія.

По моему, не слѣдуетъ основывать музея для лицъ, находящихся въ младенческой или школьной стадіи существованія. Въ настоящее время учитель публичной школы, снабженной иллюстрированными изданіями, діаграммами и другими наглядными пособіями, имѣетъ подъ руками матеріалъ, котораго совершенно достаточно, чтобы помочь ему обучать его питомцевъ. Школьный періодъ обнимаетъ по большей части только время между пятью и пятнадцатью годами, онъ оканчивается у большинства людей прежде, чѣмъ ихъ умъ достигъ стадіи развитія наиболѣе благопріятной для воспринятія и ассимилированія лучшихъ и полезнѣйшихъ понятій. Почему-же насъ окармливаютъ наукой въ дѣтскую пору жизни и оставляютъ въ состояніи умственнаго голода впродолженіи всей остальной, начиная отъ періода зрѣлости до старости? Это жестоко и непростительно, такъ какъ любовь къ умственнымъ занятіямъ отчасти уже сформировалась, возбуждается въ насъ въ школьный періодъ времени. Связь и отношенія между библіотекой и музеемъ требуютъ выясненія.

Первая, если названіе вѣрно передаетъ ея назначеніе обозначаетъ прежде всего книгохранилище. Второй—хранилище предметовъ всякаго рода, не исключая и книгъ. Британскій музей съ своими библіотеками, своими картинными галлереями, археологическими, антропологическими, геологическими, ботаническими и зоологическими коллекціями служитъ самымъ яснымъ примѣромъ того, что обозначаетъ собою терминъ—музей. Профессоръ Гэксли назвалъ музей «консультативной библіотекой предметовъ». Это опредѣленіе удобопонятно, но неудовлетворительно. Оно относится только къ содержимому музея, отличая его отъ содержимаго библіотеки, но не указываетъ на разницу методовъ пользованія ими. Сокровища библіотеки должны быть разсматриваемы каждое отдѣльно и однимъ лицомъ; пользованіе ими требуетъ продолжительнаго вниманія. Книга должна быть для употребленія временно взята съ своего мѣста, изъята изъ систематическаго ряда по-

добныхъ ей. Музейныя-же сокровища представляются на разсмотрѣніе публики группами, въ систематическомъ порядкѣ, такъ что они имѣютъ какъ коллективное, такъ и индивидуальное значеніе. Сверхъ того, значеніе многихъ изъ нихъ можетъ быть опредѣлено при одномъ взглядѣ на нихъ. Музей развиваетъ способность къ наблюденію и случайный посѣтитель узнаетъ много новаго для себя и при помощи однихъ ярлыковъ формируетъ свои собственныя понятія. Въ библіотекѣ каждый воспринимаетъ понятія другого лица. Библіотека полезнѣе для образованныхъ, музей-же одинаково полезенъ и для образованныхъ, и для необразованныхъ, для толпы такъ-же, какъ и для исключительныхъ личностей, и является могущественнымъ стимуломъ интеллектуальной дѣятельности во всѣхъ слояхъ общества. Вліяніе музея на общество не такъ сильно, какъ вліяніе библіотеки, но оно простирается на гораздо большее число людей. Національный музей имѣетъ 300,000 посѣтителей въ годъ, изъ которыхъ каждый выноситъ оттуда извѣстное количество новыхъ мыслей.

И музей, и библіотека могутъ помѣщаться бокъ о бокъ въ одномъ и томъ-же зданіи и, если нужно, могутъ находиться подъ управленіемъ одного и того-же лица, не только не мѣшая, но даже помогая другъ другу. Что близость хорошей библіотеки абсолютно необходима для пользы музея, съ этимъ согласится каждый.

Я увѣренъ, поэтому, что музей, разумно организованный и надлежащимъ образомъ устроенный, несомнѣнно принесетъ выгоду библіотекѣ, около которой онъ находится, возбуждая интересъ къ книгамъ, увеличивая общую популярность и усиливая ея доходы.

Пріобрѣтеніе многихъ книгъ, особенно-же цѣнныхъ, должно составлять первую задачу музейнаго дѣла, но не съ цѣлью соперничества съ библіотекой. (Въ случаѣ надобности нѣкоторыя книги можно имѣть въ двойныхъ экземплярахъ). Часто случается даже, что книги не только сохраннѣе, но и полезнѣе въ музеѣ, чѣмъ на полкахъ библіотеки, такъ

какъ въ музеѣ онѣ выставлены ежедневно на показъ тысячамъ, тогда какъ въ библіотекѣ о существованіи многихъ изъ нихъ забываютъ всѣ, за исключеніемъ библіотекаря. О книгѣ Одюбона «Птицы Сѣверной Америки» всякій слышалъ и всякому необходимо видѣть ее по крайней мѣрѣ хоть разъ въ жизни. Въ библіотекѣ ее не разсмотритъ, вѣроятно, и десять человѣкъ въ годъ; въ музеѣ-же томы выставлены для осмотра въ стеклянныхъ ящикахъ, нѣкоторыя изъ наиболѣе интересныхъ таблицъ вставлены въ красивыя рамки и повѣшены тутъ-же на стѣнѣ, такъ что ихъ можетъ разсматривать всякій мимо проходящій.

Съ своей стороны библіотека можетъ служить во многихъ отношеніяхъ подспорьемъ музею. Рисунки часто лучше, чѣмъ предметы, иллюстрируютъ какое-нибудь понятіе. Человѣческія племена и ихъ распредѣленіе могутъ быть представлены только при помощи рисунковъ и картъ. Атласы этнологическихъ портретовъ и карты могутъ быть изъяты изъ библіотеки, если по близости есть музей, въ которомъ они могутъ быть выставлены.

Есть и другой родъ хранилищъ, которыя хотя и похожи по внѣшнему виду на музеи и часто смѣшиваются съ ними и называются также музеями, но въ дѣйствительности не имѣютъ съ послѣдними ничего общаго. Это художественныя галлереи. Научныя тенденціи современной мысли проникли во всѣ отдѣлы человѣческой дѣятельности, даже оказали вліяніе на изящныя искусства. Многія галлереи называются теперь музеями, а присвоеніе имени обыкновенно ведетъ къ принятію въ большей или меньшей мѣрѣ научнаго метода классификацій предметовъ. Разница между музеями и галлереями состоитъ только въ системѣ веденія ихъ. Musée des Thermes и Musée de Cluny въ Парижѣ, несмотря на ихъ названіе, только простыя галлереи рѣдкостей. Ихъ содержаніе расположено прежде всего съ цѣлью произвести эффектъ. Древнія монастырскія зданія, въ которыхъ они помѣщаются, служатъ

великолѣпнымъ образчикомъ внутренняго средне-вѣковаго декоративнаго убранства.

Музей Клюни весьма красивое и поучительное мѣсто. Я не желалъ-бы видѣть его инымъ, чѣмъ оно есть, но оно навсегда останется единичнымъ и единственнымъ примѣромъ въ своемъ родѣ. Эффектная обстановка, дѣлающая его столь привлекательнымъ, была-бы разорительна для музея. Онъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой изъ извѣстныхъ мнѣ музеевъ, ставитъ на первый планъ эффектное, артистическое расположеніе своихъ коллекцій. Но надобно сознаться, что тотъ-же матеріалъ въ рукахъ какого-нибудь Клемма или Питъ Риверса, приспособленный для нагляднаго изученія исторіи человѣческой мысли, былъ-бы гораздо интереснѣе и, еслибъ за дѣло взяться благоразумно, не былъ-бы лишенъ своей артистической привлекательности. Другую коллекцію, подобную только-что описанной, представляетъ собою Seoam Museum въ Лондонѣ. Потомъ слѣдуетъ упомянуть знаменитую коллекцію королевскихъ драгоцѣнныхъ камней и металлическихъ предметовъ въ Дрезденѣ, съ которой рядомъ можно поставить коллекцію, хранящуюся въ Лондонѣ въ Тоуэрѣ, Берлинскій Гогенцоллернскій музей и музей города Парижа, въ силу вещей единственные въ своемъ родѣ.

Подобныя коллекціи не могутъ быть искусственно созданы. Онѣ увеличиваются, повинуясь закону природы, совершенно такъ, какъ растутъ дерево или губка, по мѣрѣ естественнаго накопленія матеріала, исторически.

Городъ, обладающій подобнымъ наслѣдствомъ, такой-же счастливецъ, какъ и обладатель историческаго имени или наслѣдникъ генія, накопившагося въ послѣдовательномъ рядѣ поколѣній даровитыхъ предковъ. Обладаніе однимъ или двумя десятками подобныхъ храмовъ искусства не освобождаетъ однако-же общество отъ обязанности основывать музеи съ цѣлью образованія народа и для научныхъ изслѣдованій.

Основаніе публичнаго музея въ городѣ, подобномъ Бруклину, является такимъ дѣломъ, важность котораго не можетъ

быть оцѣнена въ достаточной мѣрѣ. Основатели подобныхъ учрежденій часто не представляютъ себѣ, какъ много они дѣлаютъ для будущаго. Случай, подобный тому, который выпадаетъ теперь на долю членовъ бруклинскаго института, можетъ явиться только однажды въ жизни націи. Очень возможно, что отъ лицъ, собравшихся теперь въ этой залѣ, зависитъ рѣшеніе, обусловливающее будущій интеллектуальный прогрессъ всей націи; это-же рѣшеніе опредѣлитъ и то положеніе, которое займетъ въ этомъ прогрессѣ Бруклинъ— придется-ли ему идти во главѣ его или остаться далеко позади.

Многіе изъ моихъ слушателей, безъ сомнѣнія, знаютъ ту густо населенную пустыню, которая занимаетъ пространство вдвое больше Бруклина; я говорю о восточномъ концѣ Лондона, среди котораго теперь находится рѣдко встрѣчающійся интеллектуальный оазисъ. Кто можетъ сказать, насколько отличалось-бы его положеніе отъ теперешняго, если-бы апостольскіе труды Вальтера Безанта начались столѣтіемъ раньше и если-бы Народный Дворецъ, это чудесное осуществленіе поэтическихъ фантазій, явился-бы тремя поколѣніями раньше, озаряя своимъ свѣтомъ жизнь обитателей Нижняго Гемлета и Гекнея.

Библіотеки и музеи не возникаютъ всегда тамъ, гдѣ они нужны. У насъ, какъ правительство штата, такъ и союзное и городское самоуправленіе не отличаются духомъ отеческой попечительности.

Оно много отстало въ этомъ отношеніи отъ Англіи; тамъ, несмотря на общепризнанную теорію частной иниціативы, правительство, подъ руководствомъ покойнаго принца Консорта и принца Уэльскаго, надѣлало чудесъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ, такъ-же какъ и въ Лондонѣ, покровительствуя библіотекамъ, музеямъ, искусству и промышленному образованію. Какъ-бы много государство ни помогало дѣлу, частная иниціатива должна вести свое дѣло, организовать и расчищать путь. При основаніи музея его бюджетъ является

однимъ изъ главныхъ вопросовъ, особенно въ такомъ большомъ городѣ, какъ Бруклинъ, который имѣетъ высокое понятіе о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ умственному развитію своего населенія и поддержанію своего достоинства.

Даровая служба администраціи музея, даже когда за нее берутся люди преданные и добросовѣстные, подъ конецъ окажется неудовлетворительной. Еще менѣе возможно для порядочнаго музея обойтись безъ крупныхъ затратъ на пріобрѣтеніе коллекцій и ихъ установку.

Хорошая администрація имѣетъ немаловажное значеніе. Что касается завѣдующаго музеемъ, въ музеѣ-ли наукъ или въ музеѣ искусствъ, то почти излишне говорить, что онъ долженъ обладать возможно лучшими качествами; это долженъ быть человѣкъ даровитый, преданный дѣлу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опытный. Управленіе музеями и выставками сдѣлалось въ послѣдніе годы особой профессіей, и тщательное изученіе системъ веденія ихъ—дѣло первой необходимости для завѣдующаго музеемъ. Если новый администраторъ лишенъ опытности, учрежденіе, избравшее его, должно дать ему средства пріобрѣсти эту опытность и издержекъ на это жалѣть нечего. Ничто не принесетъ такой пользы музею, какъ устройство фонда на уплату жалованья администраціи. Около кружка людей съ признанной репутаціей и административнымъ тактомъ соберется цѣлый штабъ добровольныхъ помощниковъ; трудъ послѣднихъ, при правильной поддержкѣ и разумно направленный, даетъ неоцѣнимые результаты. Были-бы кровь и мозгъ въ организмѣ, а развитіе тѣла пойдетъ своимъ порядкомъ. Внѣшніе-же покровы, одежда—дѣло второстепенное. Гораздо лучше нанять зданіе для временнаго пользованія, или выстроить простыя изъ огнеупорнаго матеріала казармы, чѣмъ воздвигать капитальное зданіе музея, не выяснивши себѣ предварительно, изъ кого будетъ состоять его личный составъ и въ чемъ будетъ заключаться содержимое музея. Какъ было уже сказано, музей долженъ тратить много

и много денегъ на пріобрѣтеніе коллекцій. Устройство и поддержка британскаго музея стоили уже націи около 30,000,000 фунтовъ стерлинговъ. До 1882 г. было истрачено больше 1,500,000 фун. ст. на пріобрѣтеніе художественныхъ коллекцій для одного Соутъ-Кенсингтона.

Подобныя траты приносятъ, впрочемъ,, хорошіе проценты національному капиталу. До 1882 года, почти за двадцать лѣтъ существованія, зданіе и содержаніе соутъ-кенсингтонскаго музея стоили націи около 5,000,000 фун. стерл., но вполнѣ компетентные авторитеты были убѣждены въ томъ, что продажа музея съ аукціона дала-бы не менѣе 100,000,000 фун. ст. Здѣсь стало быть на каждый истраченный долларъ пріобрѣтается почти 20 долларовъ. Кстати, не лишнее будетъ привести здѣсь слова одного изъ наиболѣе опытныхъ администраторовъ англійскихъ музеевъ (сэра Филиппа Коллайфа Овэна); онъ много лѣтъ тому назадъ, на вопросъ американцевъ—смогутъ-ли они основать большое публичное учрежденіе по образцу кенсингтонскаго—отвѣтилъ: «Пусть они положатъ начало дѣлу, ростъ его нельзя будетъ остановить и очень вѣроятно, что увеличеніе превзойдетъ количество затраченныхъ силъ, какъ оно превысило затраты и нашихъ силъ. Прежде всего требуется одинъ или два умныхъ человѣка, имѣющихъ средства на постройку хорошаго зданія на участкѣ земли значительно большемъ, чѣмъ тотъ, который требуется подъ самое зданіе. Тамъ, гдѣ обезпечено солидное и свѣтлое помѣщеніе для выставки, въ зданіи безопасномъ отъ огня, и гдѣ будутъ его тщательно оберегать день и ночь, тамъ не придется долго ждать обильнаго притока сокровищъ. Главное, обращайте вниманіе на внутреннее содержаніе, а не тратьте свои силы и деньги на внѣшнее великолѣпіе и украшеніе. Внутреннее содержаніе—первая забота, съ внѣшними украшеніями можно подождать до болѣе удобнаго времени».

Много будетъ дано, конечно, тому музею, который пользуется довѣріемъ общества,—многіе изъ этихъ даровъ очень

цѣнны, но многіе и безполезны. Въ древности трояне не довѣряли грекамъ, когда они приходили съ подарками. Администраторъ музея долженъ остерегаться всякаго, кто предлагаетъ подарки. Безусловное даяніе можетъ быть обыкновенно принято безъ колебанія, но даръ, обусловленный чѣмъ-либо, за исключеніемъ только экстренныхъ случаевъ, не благодѣяніе.

Дающій требуетъ, чтобы его коллекція была выставлена, какъ нѣчто цѣлое, и сохранялась отдѣльно отъ всѣхъ другихъ. Если его коллекція имѣетъ при достаточной полнотѣ чисто монографическій характеръ, то иногда желательно принять ее на такихъ условіяхъ. Однако, надо взять за правило лучше попробовать убѣдить дающаго согласиться, чтобы его коллекціи были присоединены къ общей серіи, причемъ къ каждому предмету долженъ быть прикрѣпленъ особый ясно написанный ярлычекъ. Я не хотѣлъ-бы, чтобы мои слова были истолкованы въ томъ смыслѣ, что даровыя коллекціи, при хорошемъ управленіи, не должны играть самой выдающейся роли въ дѣлѣ приращенія публичныхъ коллекцій. Я только желаю обратить вниманіе на то, что музей, который принимаетъ безъ разбору пожертвованія, каковы бы они ни были, и не пополняетъ эти пожертвованія усиленными и необходимыми покупками, можетъ легко потерять систему и пойти по ложно-направленному пути. Далѣе, если музей поддерживается свободными и постоянно притекающими пожертвованіями изъ общественныхъ или государственныхъ хранилищъ, то обиліе выставочнаго матеріала можетъ наконецъ подавить его. Необходимо, чтобы каждый музей, научный или художественный, запасалъ матеріалъ нетолько для выставочныхъ залъ, но также и матеріалъ для лабораторій и складочныхъ галлерей.

Умственная дѣятельность можетъ быть двоякаго рода— или имѣютъ цѣлью накопленіе знаній, или-же распространеніе ихъ; одна стремится къ изслѣдованіямъ и открытіямъ, другая—къ воспитанію народа и приложенію научныхъ

истинъ въ видахъ улучшенія матеріальнаго благосостоянія. Усилія ученыхъ прилагаются иногда только къ одному изъ этихъ родовъ дѣятельности, иногда къ обоимъ, и большинствомъ передовыхъ учителей признано, что самые счастливые результаты, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ достигаются тогда, когда обученіе и изслѣдованіе идутъ рука объ руку. Еще ярче эта истина выступаетъ въ дѣлѣ преподованія. Школы, сообщающія своимъ ученикамъ знанія только изъ вторыхъ рукъ, представляютъ уже явленіе отживающее, несоотвѣтствующее современному уровню требованій. Подобнымъ-же образомъ и музей, чтобы отправлять надлежащую ему функцію, долженъ содѣйствовать развитію образованія и путемъ пріобрѣтенія новыхъ знаній, и посредствомъ распространенія ихъ.

Мы такъ часто говоримъ объ образовательныхъ музеяхъ и объ образовательной системѣ расположенія коллекцій, что можно опасаться извращенія смысла этихъ терминовъ. Образовательный музей, по популярному представленію, тотъ, въ которомъ даются объясненія коллекцій посѣтителямъ неспеціалистамъ,—учрежденіе для образованія народа при помощи наглядныхъ коллекцій и объяснительныхъ чтеній. Но, напримѣръ, музей при учебномъ заведеніи, хотя онъ и служитъ пособіемъ для образованія, не есть еще «образовательный музей» въ строгомъ смыслѣ, также и музей для научныхъ изысканій, какъ напримѣръ музей сравнительной зоологіи въ Кембриджѣ, (въ Массачузетсѣ), не принадлежитъ къ этому типу, хотя въ ограниченныхъ предѣлахъ онъ и преслѣдуетъ цѣль народнаго образованія; но это уже его второстепенная функція.

Въ національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ коллекціи раздѣлены на 2 большихъ разряда. Къ первому относятся коллекціи публичныхъ залъ, представляющія собою педагогическую часть музея; тамъ выставлены предметы на показъ публикѣ, тамъ все приспособлено къ тому, чтобы сдѣлать осмотръ ихъ возможно занимательнымъ и поучительнымъ; ко второму принадлежатъ серіи научныхъ предметовъ, кото-

Музеи художественные и научные затрудняются, куда отнести эту область. Точная классификація музеевъ по старой схемѣ теперь не примѣнима и не будетъ возможна до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено перераспредѣленія коллекцій, которыя въ нихъ находятся. Можетъ быть было-бы не безполезно теперь сдѣлать бѣглый обзоръ главныхъ музеевъ, опредѣляя вкратцѣ ихъ характеристическія черты.

Каждая великая нація имѣетъ свой естественно-историческій музей. Естественно историческое отдѣленіе Британскаго музея, недавно перенесенное изъ средней части Лондона въ Соутъ-Кенсингтонъ, является съ своими тремя большими отдѣленіями—зоологическимъ, ботаническимъ и геологическимъ—вѣроятно, самымъ обширнымъ въ свѣтѣ. Музей «d' Histoire Naturelle», въ ботаническомъ саду Парижа, основанный въ 1795 году, съ своими анатомическими, антропологическими, зоологическими, ботаническими, минералогическими и геологическими галлереями, одинъ изъ самыхъ обширныхъ, но теперь не имѣющій такого значенія для науки, какъ во времена Кювье, Ламарка, Сентъ-Илера, Жюсье и Брокара. Въ Вашингтонѣ есть національный музей съ антропологическими, зоологическими, ботаническими, минералогическими и геологическими коллекціями; онъ имѣетъ кромѣ того обширный отдѣлъ искусствъ, ремеслъ и техники.

Если перейдемъ къ спеціальнымъ естественно-историческимъ музеямъ, то наиболѣе достопримѣчательные изъ нихъ окажутся зоологическіе, во главѣ ихъ придется поставить устроенный въ нашемъ Американскомъ Кембриджѣ музей сравнительной зоологіи, основанный Агассисомъ «для иллюстраціи исторіи творенія, насколько это возможно при настоящемъ состояніи нашихъ знаній», объ этомъ музеѣ въ 1887 г. англійскій натуралистъ Альфредъ Рюссель Уэллесъ сказалъ, что онъ далеко превосходитъ подобныя учрежденія въ Европѣ, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ ученомъ отношеніи.

Рядомъ съ Кембриджемъ, послѣ зоологическаго отдѣленія музеевъ Лондона и Парижа, стоятъ коллекціи въ Императорскомъ кабинетѣ въ Вѣнѣ и коллекціи зоологическихъ музеевъ Берлина, Лейдена, Копенгагена и Христіаніи.

Между ботаническими музеями, музей королевскаго ботаническаго сада въ Кью, около Лондона, занимаетъ первое мѣсто съ своимъ колоссальнымъ гербаріемъ, содержащимъ изящнѣйшія коллекціи въ свѣтѣ, и съ своимъ спеціальнымъ музеемъ хозяйственной ботаники, основаннымъ въ 1847 г., причемъ оба находятся среди коллекцій живыхъ растеній. Въ Берлинѣ также есть королевскій ботаническій музей, основанный въ 1818 г., и королевскій гербарій; въ Петербургѣ—гербарій Императорскаго ботаническаго сада. Между геологическими и минералогическими коллекціями первое мѣсто занимаетъ Императорскій минералогическій кабинетъ въ Вѣнѣ.

Музей практической геологіи въ Лондонѣ, при геологическомъ комитетѣ Великобританіи, былъ основанъ въ 1837 г. для выставки коллекцій комитета, съ цѣлью «показать приложеніе геологіи къ обыденнымъ потребностямъ жизни». Подобно всякому другому правильно устроенному музею, рядомъ съ образовательными цѣлями онъ преслѣдовалъ научныя, и многія очень важныя открытія были сдѣланы въ его лабораторіяхъ. Онъ стоитъ въ самомъ первомъ разрядѣ музеевъ для народнаго образованія, такъ какъ въ немъ устройство выставокъ по истинѣ образцовое. Первоклассныхъ анатомическихъ музеевъ считается тридцать, всѣ они возникали при медицинскихъ и хирургическихъ школахъ, за исключеніемъ великолѣпнаго военно-медицинскаго музея въ Вашингтонѣ.

Медицинскій музей королевской медицинской коллегіи въ Лондонѣ, кажется, самый обширный. Коллекціи при госпиталяхъ св. Ѳомы, Бюи и св. Георгія и другихъ больницахъ очень богаты анатомическими и патологическими препаратами. Самый старинный публичный анатомическій музей въ Лондонѣ—устроенный при госпиталѣ св. Варѳоломея.

Парижъ, Эдинбургъ и Дублинъ имѣютъ большія анатомическія и медицинскія коллекціи. Вообще-же медицинскіе музеи въ Европѣ находятся при университетахъ. Докторъ Биллингъ, хранитель военно-медицинскаго музея въ Вашингтонѣ, съ большой точностью изобразилъ ростъ медицинскихъ коллекцій, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей, и изъ его отчета о медицинскихъ музеяхъ, какъ президента конгресса американскихъ врачей и хирурговъ, въ 1888 году, были взяты здѣсь упомянутые факты, относящіеся къ этому разряду музеевъ. Военно-медицинскій музей обязанъ своимъ учрежденіемъ доктору Вильяму А. Гаммонду въ 1862 году. Музей заключалъ въ себѣ въ 1888 г. болѣе 15,000 предметовъ, кромѣ тѣхъ, которые находятся въ отдѣленіи микроскопическихъ препаратовъ. «Идеальный медицинскій музей», говоритъ докторъ Биллингсъ: «долженъ имѣть возможно полные отдѣлы профилактической медицины и гигіены. Это обширный отдѣлъ, заключающій въ себѣ все, что касается воздуха, воды, пищи, одежды, жилищъ, геологіи, метеорологіи, занятій человѣка и т. д., такъ какъ все это имѣетъ отношеніе къ происхожденію и предупрежденію болѣзней; но до сихъ поръ всему этому отводилось мало мѣста въ медицинскихъ музеяхъ и предоставлялось на долю спеціальныхъ гигіеническихъ музеевъ, которыхъ мы имѣемъ до сихъ поръ не болѣе полдюжины». Вильямъ Гунтеръ между 1770 и 1800 годами составилъ большую Глазговскую медицинскую коллекцію, а Джонъ Гунтеръ въ 1787 г. открылъ знаменитый Гунтеріанскій музей въ Лондонѣ, купленный англійскимъ правительствомъ вскорѣ послѣ того въ 1799 г., и теперь онъ извѣстенъ подъ именемъ музея королевской медико-хирургической школы.

Парижъ гордится коллекціями медицинской школы, (Muséé d' Orfila) и музеемъ Дюпюйтрена, изъ которыхъ одинъ посвященъ нормальной, а другой патологической анатоміи.

Этнографическіе музеи особенно многочисленны и изящны въ сѣверной части континентальной Европы. Вопросъ о нихъ

былъ поднятъ болѣе полстолѣтія тому назадъ французскимъ географомъ Жомаръ, но мысль эта была впервые приведена въ исполненіе около 1840 г. основаніемъ датскаго этнографическаго музея, который долго былъ лучшимъ въ Европѣ. Въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ проявилась необыкновенная дѣятельность въ этомъ направленіи.

Въ Германіи, кромѣ музеевъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ, были основаны музеи въ Гамбургѣ и Мюнхенѣ. Австрія имѣетъ въ Вѣнѣ два этнографическихъ музея, Kaiserliche-Hoff-Museum и Восточный музей. Голландія учредила національный этнографическій музей въ Лейденѣ; есть также небольшіе музеи въ Амстердамѣ, Роттердамѣ и Гагѣ. Во Франціи этнологическій музей основанъ въ Трокадеро (Museé Trocadero). Въ Италіи находится значительный доисторическій и этнографическій музей въ Римѣ (museo prehistorico et erhnografico); есть также музеи во Флоренціи и Венеціи.

Этнографическіе музеи были также основаны въ Христіаніи и Стокгольмѣ; въ послѣдній изъ нихъ поступитъ богатая коллекція доктора Стольпа, собранная во время его путешествія вокругъ свѣта на фрегатѣ «Ванадисъ». Въ Англіи на этотъ предметъ обращено меньше вниманія—коллекція Кристи въ британскомъ музеѣ одна только посвящена этнографіи; можно, пожалуй, упомянуть также мѣстный блэкморскій музей въ Салисбюри.

Въ Соединенныхъ Штатахъ главныя учрежденія, содержащія этнографическія коллекціи—музей Археологіи Пибоди въ Кембриджѣ, музей при пибодійской академіи наукъ въ Салемѣ, и американскій естественно-историческій музей въ Нью-Іоркѣ.

Этнологическія коллекціи въ Вашингтонѣ классифицированы по двумъ системамъ; одна система по своимъ чертамъ сходна съ системой европейской, другая, подобно знаменитой Питъ-Риверской коллекціи въ Оксфордѣ, приспособлена къ тому, чтобы показать общее развитіе культуры и цивилизаціи безъ различія расъ. Такой широкій планъ даетъ доступъ

многимъ матеріаламъ, которые бракуются защитниками этнографическихъ музеевъ; эти защитники обращаютъ свое вниманіе почти исключительно на примитивные или не европейскіе народы.

Въ мѣстной связи съ этнографическими музеями стоятъ тѣ, которые посвящены спеціально изученію человѣческихъ мыслей и интересовъ. Наиболѣе замѣчательный среди нихъ, можетъ быть, музей Гиме, недавно перенесенный изъ Ліона въ Парижъ, цѣль котораго иллюстрировать исторію религіозныхъ обрядовъ у всѣхъ человѣческихъ расъ. Другимъ хорошимъ примѣромъ этого разряда музеевъ служатъ нѣкоторые музеи въ Парижѣ, какъ напримѣръ «Musée de Marine», который показываетъ не только развитіе торговли и мореходства въ странѣ, но также, при помощи трофеевъ и другихъ историческихъ памятниковъ, представляетъ исторію морскихъ битвъ націи. Артиллерійскій музей служитъ, хотя и не такъ полно, для исторіи войнъ тѣмъ-же, чѣмъ морской музей для исторіи мореплаванія; подобные музеи существуютъ и въ другихъ странахъ. Изъ музыкальныхъ музеевъ можетъ быть самый значительный инструмертальный музей, основанный Клаписсономъ, принадлежащій музыкальной консерваторіи въ Парижѣ. Есть великолѣпная коллекція музыкальныхъ инструментовъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ, но предметы въ ней находящіеся не вполнѣ раціонально расположены. Есть также большія коллекціи въ національномъ музеѣ въ Вашингтонѣ, въ музыкальной консерваторіи въ Бостонѣ, а въ Metropolitan Museum, въ Нью-Іоркѣ, недавно поступила весьма полная коллекція Mrs. Джонъ Кросли Броунъ.

При французской академіи въ Парижѣ есть театральный музей, въ Антверпенѣ музей журнальнаго дѣла, въ Парижѣ педагогическій музей является достойной параллелью Соутъ-Кенсингтонскаго. Но это скорѣе профессіональные, чѣмъ научные или образовательные музеи, подобно музею практической культуры рыбъ въ Соутъ-Кенсингтонѣ и музеямъ гигіены въ Лондонѣ и Вашингтонѣ.

Археологическія коллекціи бываютъ двухъ родовъ: коллекціи доисторической и исторической археологіи. Первыя обыкновенно заключаются въ этнографическихъ музеяхъ, послѣднія въ музеяхъ художественныхъ. Значеніе для историка археологическихъ коллекцій какъ доисторическихъ, такъ и историческихъ было давно признано.

Музеи Лондона, Парижа, Берлина и Рима говорятъ сами за себя. Въ Кембриджѣ, Нью-Іоркѣ и Вашингтонѣ существуютъ обширныя коллекціи остатковъ жителей Америки въ періодъ до Колумба,—коллекціи, значеніе которыхъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ; онѣ сдѣлались предметомъ изслѣдованія и громадное собраніе матеріаловъ этого рода находится въ рукахъ учрежденій и частныхъ коллекторовъ во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Музей въ Неаполѣ показываетъ, насколько можетъ это сдѣлать музей, исторію извѣстнаго періода жизни города Помпеи; музей св. Германа, около Парижа, изображаетъ исторію Франціи во времена галлійскаго и романскаго владычества. Въ Швейцаріи, спеціально въ Невшателѣ, мы видимъ наглядную исторію обитателей озера.

Ассирійская и египетская галлереи въ британскомъ музеѣ сами по себѣ составляютъ цѣлые музеи.

Историческіе музеи разнообразны по характеру и интересъ ихъ по необходимости мѣстный. Нѣкоторые изъ нихъ охватываютъ исторію провинцій или городовъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ и лучшихъ—провинціальный музей въ Берлинѣ; за нимъ слѣдуетъ музей города Парижа, недавно открытый въ «Hotel Carnaval». Многія историческія общества имѣютъ коллекціи того-же характера. Нѣкоторые историческіе музеи заключаютъ исторію династіи, какъ, напримѣръ, музей Гогенцоллерновъ въ Берлинѣ.

Соборы Южной Европы и св. Павла въ Лондонѣ являются до нѣкоторой степени національными или городскими музеями. Музей Галилея во Флоренціи и музей Шекспира въ Стратфордѣ представляютъ хорошіе образцы музеевъ, посвящен-

ныхъ памяти *представителей человѣчества*, а монастырь св. Марка во Флоренціи даетъ, насколько возможно для музея, полное изображеніе жизни Савонароллы. Сленовскій музей въ Лондонѣ (Sloan Museum) и музей Торвальдсену въ Копенгагенѣ сходны между собою по цѣли и результатамъ, но они скорѣе географическіе, чѣмъ историческіе. Есть и музеи, иллюстрирующіе исторію народа, каковъ, напримѣръ, баварскій національный музей въ Нюренбергѣ.

Музеи изящныхъ искусствъ стоятъ дороже другихъ, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ образцовыя произведенія величайшихъ въ свѣтѣ живописцевъ и скульпторовъ: въ Римѣ, Флоренціи, Венеціи, Неаполѣ, Болоньѣ, Пармѣ, Миланѣ, Моденѣ, Падуѣ, Феррарѣ, Бресчіи, Сіеннѣ и Пизѣ, въ Мюнхенѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ и Прагѣ, въ Парижѣ и многихъ провинціальныхъ городахъ Франціи, въ Лондонѣ, Петербургѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ и Гагѣ существуютъ большія коллекціи, извѣстныя всему свѣту и представляющія склады драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ искусства. Многія изъ нихъ замѣчательны только своими картинами и статуями и могутъ съ одинаковымъ правомъ быть названы галлереями; другія изобилуютъ мелкими произведеніями художниковъ и ихъ можно назвать музеями въ болѣе широкомъ значеніи слова.

Во главѣ ихъ стоитъ Лувръ, въ Парижѣ, со своими сокровищами, ради которыхъ стоитъ сдѣлать многолѣтнее путешествіе вокругъ свѣта; затѣмъ Ватиканъ, въ Римѣ, со своими тремя залами древней скульптуры и своими этрусскимъ, египетскимъ, языческимъ и христіанскимъ музеями, со своей Византійской галлереей и своей коллекціей медалей; неаполитанскій музей (Museo di Studii) со своими чудесными помпейскими *коллекціями;* Uffizi Museo во Флоренціи, переполненный картинами и статуями, древними и новыми, рисунками, камеями, эмалями, произведеніями изъ слоновой кости, коврами, медалями и вещами декоративнаго искусства всякаго рода.

Есть особыя коллекціи, составляющія переходное звено между искусствомъ и этнологіей, наилучшій способъ экспозиціи которыхъ до сихъ поръ еще не опредѣлился.

Въ Лувръ допущены коллекціи моделей судовъ (Musée de Marine). Соутъ-Кенсингтонъ заключаетъ въ себѣ музыкальные инструменты и много другихъ подобныхъ предметовъ, которые размѣщены и въ этнологической коллекціи. Многіе *музеи искусствъ* пріобрѣтаютъ гербы и оружія, выдающіеся костюмы, обувь и предметы домашняго употребленія. Такіе предметы, какъ фарфоръ, кружево, медали и металлическія вещи, требуютъ вкуса отъ консерватора музея, чтобы расположить ихъ изящно и красиво. При обхожденіи съ ними требуется особенная осторожность. Благодаря этому послѣднему качеству только высоко-художественные предметы дошли до насъ и подверглись разрушенію многіе другіе, которые были-бы крайне важны для тѣхъ, кто изучаетъ теперь судьбы человѣческой мысли въ прошедшемъ. Съ другой стороны, есть многое въ музеяхъ искусствъ, что могло-бы съ большимъ основаніемъ быть предоставлено этнологу для его витринъ. Есть также многое, чему музеи искусствъ, связанные, какъ часто бываетъ, традиціональной системой размѣщенія предметовъ, могли-бы поучиться у научныхъ музеевъ.

Многіе изъ порядковъ въ европейскихъ музеяхъ искусствъ способны охладить ревностнаго посѣтителя. Недостатки такихъ порядковъ были хорошо описаны нѣмецкимъ критикомъ, В. Бюргеромъ: «наши музеи», пишетъ онъ, «суть настоящіе могильные склепы искусства, въ которыхъ собранное, какъ въ могилѣ, все свалено въ кучу. Венера стоитъ бокъ о бокъ съ мадонной, сатиръ рядомъ со святымъ, Лютеръ въ тѣсной близости съ папой, картина, изображающая спальню молодой барыни—рядомъ съ церковью. Вещи, исполненныя для церквей, дворцовъ, городскихъ залъ, какого-нибудь частнаго зданія, требующія нѣкотораго особеннаго освѣщенія, нѣкоторой хорошо приспособленной обстановки, всѣ висятъ въ перемежку на стѣнахъ какой-нибудь недоступной галлереи,

вродѣ посмертнаго пріюта, куда народъ, утратившій свои творческія способности, приходитъ любоваться этой великолѣпной коллекціей обломковъ».

Когда зданіе для музея приготовлено и ядро коллекцій и администрація на лицо, дѣло составленія музея начинается, и дѣло это, надо надѣяться, не скоро дойдетъ до конца.

Оконченный музей—мертвый музей, а мертвый музей—безполезный музей. Надо главнымъ образомъ имѣть въ виду при всякой организаціи, которая предполагаетъ основать и поддерживать музей, что дѣло это никогда не имѣетъ конца, что когда коллекціи перестаютъ расти, они начинаютъ падать. Одинъ мой пріятель желалъ у фотографа купить виды кенсингтонскаго музея; но такихъ не оказалось. «Какъ, у васъ нѣтъ видовъ Кенсингтона»— воскликнулъ онъ. «Что-же дѣлать» кротко отвѣтилъ тотъ,— «музей вѣчно двигается впередъ, не стоитъ на мѣстѣ, не успѣваешь снять фотографію». И это, кажется, справедливо. Постоянно возводя новыя зданія, перестраивая старыя, измѣняя декораціи, кенсингтонскій музей быстро мѣняетъ свою физіономію; его видъ въ данное время только и соотвѣтствуетъ данному моменту развитія этого вѣчно растущаго учрежденія.

Мое пожеланіе музеямъ Соединенныхъ Штатовъ и всѣмъ подобнымъ учрежденіямъ—*пусть они никогда не перестанутъ расти!*

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНАГО СУДА ВЪ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

ОКРУГЪ КРАСНОЯРСКІЙ.

Волостной судъ дѣйствуетъ въ Восточной Сибири со времени преобразованія въ предѣлахъ ея общественнаго управленія крестьянъ на началахъ общаго положенія 19-го февраля 1861 г.; преобразованіе совершено въ силу Высочайше утвержденнаго 27 апрѣля 1882 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта Введеніе новаго Положенія началось съ 1883 г., такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края волостной судъ дѣйствуетъ уже слишкомъ 8 лѣтъ. Ближайшій надзоръ за его дѣятельностью возложенъ на земскихъ засѣдателей,[1]) которымъ были предоставлены права мировыхъ посредниковъ, и отчасти—на окружныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Но въ первые же годы дѣйствія новыхъ учрежденій оказалось, что ни земскіе засѣдатели, ни окружныя присутствія далеко не оправдываютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ въ отношеніи руководства и надзора за правильнымъ и законнымъ ходомъ дѣлъ, какъ въ волостныхъ правленіяхъ, такъ и у должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія. Въ виду этого и съ цѣлью ознакомить крестьянское населеніе съ узаконеніями, относящимися до устройства его быта и управленія, по распоряженію иркутскаго генералъ-губернатора былъ изданъ въ 1886 г. «Сборникъ узаконеній по крестьянскому управленію и наставленій сельскимъ и волостнымъ сходамъ и должност-

[1]) Земскій засѣдатель является въ Восточной Сибири такимъ же полицейскимъ чиновникомъ, какъ въ Европейской Россіи становой приставъ; но сверхъ того на него возложены еще обязанности судебнаго слѣдователя и мироваго посредника.

нымъ лицамъ», который и былъ разосланъ во всѣ селенія обширнаго края. Необходимость такого изданія мотивируется въ циркулярѣ генералъ-губернатора отъ 12 іюня 1889 года, сопровождающемъ второе изданіе Сборника и тутъ же напечатанномъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «земскіе засѣдатели, на коихъ возложены права мировыхъ посредниковъ, не подготовленные къ столь серьезной обязанности и обремененные работою по судебно-полицейскимъ дѣламъ, не могли быть дѣятельными руководителями общественнаго управленія. Равнымъ образомъ и окружныя присутствія, состоя изъ членовъ, также занятыхъ дѣлами по прямымъ своимъ должностямъ, и распространяя свою дѣятельность на значительные районы, не въ состояніи были оказать особаго вліянія на успѣшное исполненіе возложенныхъ на крестьянское управленіе обязанностей. Нельзя умолчать также и о томъ, что укоренившіеся въ волостяхъ старые порядки, при которыхъ произволъ, хищничество и злоупотребленія сдѣлались заурядными явленіемъ, въ значительной степени оказывали препятствіе къ направленію новаго дѣла по пути, указанному закономъ». Однимъ изъ цѣлесообразнѣйшихъ средствъ къ установленію законнаго порядка и было признано изданіе сборника узаконеній по крестьянскому управленію съ наставленіями сельскимъ и волостнымъ сходамъ, судьямъ и должностнымъ лицамъ. Тѣмъ не менѣе цитируемый циркуляръ все-таки признаетъ, что «достигнутые результаты далеки еще (т. е. черезъ 6 лѣтъ послѣ введенія Положенія) отъ вполнѣ законнаго и желательнаго устройства крестьянскаго управленія». И дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы при отсутствіи соотвѣтствующаго своему назначенію и вполнѣ компетентнаго лица съ функціями мироваго посредника, однимъ изданіемъ узаконеній,—даже съ подробными объясненіями, можно бы было, вмѣсто укоренившихся произвола, злоупотребленій и хищничества, воздвигнуть порядокъ и законъ. Необходимость непосредственнаго и ближайшаго въ этомъ отношеніи вліянія сознается уже давно и, вѣроятно, въ очень

недалекомъ будущемъ вопросъ объ изъятіи функцій мироваго посредника изъ вѣдѣнія полицейскаго чиновника и предоставленіи ихъ особому компетентному лицу получитъ законодательное разрѣшеніе. Поэтому и представляется въ настоящее время далеко не лишнимъ подвести итогъ восьмилѣтней дѣятельности одного изъ важнѣйшихъ учрежденій крестьянскаго самоуправленія, именно волостнаго суда.

Достаточно типичнымъ является въ этомъ отношеніи Красноярскій округъ Енисейской губерніи, который по густотѣ населенія занимаетъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ округовъ края и вмѣстѣ съ тѣмъ отражаетъ въ достаточной степени всѣ типичнѣйшія и разнообразныя черты экономической и культурной жизни Восточной Сибири; онъ состоитъ изъ 7 большихъ волостей[1]), въ предѣлахъ которыхъ мы встрѣтимъ и горы, и степь, и тайгу, встрѣтимъ большія, чрезвычайно бойкія притрактовыя селенія, и въ то же время, далекія, уединенныя захолустья, гдѣ нерѣдко находятъ пріютъ бродяга и бѣглый каторжникъ. Наконецъ, въ этомъ округѣ волостной судъ введенъ всего ранѣе, именно въ началѣ 1883 года.

Матеріалъ, послужившій для составленія настоящаго очерка, представляется достаточно полнымъ, такъ какъ я имѣлъ возможность свободно пользоваться всѣми дѣлами и книгами волостныхъ правленій и дѣлать изъ нихъ необходимыя выборки. Такимъ образомъ, изъ книгъ на записку жалобъ и рѣшеній волостныхъ судовъ выбранъ весь цифровый матеріалъ, съ момента учрежденія суда и по 1890 годъ включительно, обнимающій свыше 7 тысячъ постановленныхъ за этотъ періодъ судебныхъ рѣшеній; помимо этого, мною былъ выписанъ in extracto текстъ около 2 тысячъ рѣшеній, причемъ за 1890 годъ выписаны всѣ рѣшенія сплошь (въ количествѣ 1082), дабы имѣть возможность дѣлать точные количественные выводы относительно разныхъ сторонъ дѣя-

[1]) Названія волостей слѣдующія: Вознесенская, Заледѣевская, Частоостровская, Погорѣльская, Сухобузимская, Ѣловская и Нахвальская.

тельности суда по существу; за прошлые же годы выбирались рѣшенія наиболѣе характерныя, но въ то же время по каждой волости выписывались сплошь всѣ рѣшенія еще за одинъ годъ, кромѣ 1890. Что же касается изложенія собраннаго матеріала, то, по самому свойству послѣдняго, оно разбивается на двѣ части: въ первой обрисовывается количественная сторона дѣятельности волостныхъ судовъ, съ точки зрѣнія общаго числа постановленныхъ рѣшеній, числа, пола и сословія судящихся, рода наказаній, рода дѣлъ и проч., а вторая имѣетъ цѣлью предоставить данныя для сужденія объ отправленіи волостной юстиціи въ качественномъ отношеніи, главнымъ образомъ—въ отношеніи пріемовъ и правилъ обычнаго волостнаго судопроизводства.

I.

На записку рѣшеній волостныхъ судовъ въ волостномъ правленіи ведется книга, состоящая изъ двухъ частей; въ первую вписываются рѣшенія по тяжебнымъ дѣламъ, во вторую—по маловажнымъ проступкамъ. Но такъ какъ квалификація иска зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія волостнаго писаря, то нерѣдко приходится въ книгахъ встрѣчать записанными рѣшенія, не соотвѣтствующія той части, къ которой онѣ отнесены. Такъ, въ числѣ проступковъ легко встрѣтить неплатежъ долга или неисполненіе договора, а въ числѣ тяжебныхъ дѣлъ такія, которыя оканчиваются тѣлеснымъ наказаніемъ, напримѣръ—присвоеніе чужаго имущества, самовольный увозъ сѣна, хлѣба и проч. Помимо неправильной квалификаціи, встрѣчаются также и просто ошибки: перепутаетъ писарь или его помощникъ книги и запишетъ дѣлъ съ десятокъ не въ ту часть, куда слѣдуетъ. Наконецъ, бываютъ случаи, правда рѣдкіе, смѣшаннаго процесса, обыкновенно—когда къ разсмотрѣнію уголовнаго иска присоединяется искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, напримѣръ—за растрату, за убой скота и т. п.; такія дѣла встрѣчаются записанными то въ 1-й части, то во 2-й. Поэтому, прежде

чѣмъ опредѣлить число дѣлъ тяжебныхъ и по проступкамъ, пришлось выдѣлить изъ соотвѣтствующихъ частей всѣ дѣла, попавшія туда неправильно, и отнести ихъ къ надлежащей категоріи, причемъ всѣ случаи смѣшанныхъ исковъ считались исками уголовными. Такимъ образомъ, общее число дѣлъ, разсмотрѣнныхъ 7-ю волостными судами Красноярскаго округа въ періодъ съ 1883 по 90-й г., равняется 7171, изъ нихъ тяжебныхъ—3585, а по проступкамъ—3586. Но такое совпаденіе цифръ наблюдается только въ итогѣ за всѣ 8 лѣтъ; по каждому же году отдѣльно число дѣлъ той и другой категоріи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Число дѣлъ тяжебныхъ.		Дѣлъ по проступкамъ.		итого.
1883 г. . . .	317	—	344	—	661
1884	522	—	532	—	1054
1885	452	—	396	—	848
1886	439	—	471	—	910
1887	505	—	478	—	983
1888	465	—	436	—	901
1889	379	—	353	—	732
1890	506	—	576	—	1082
Итого . . .	3585	—	3586	—	7171

Итакъ, съ перваго же года введенія волостныхъ судовъ, дѣятельность ихъ приняла довольно широкіе размѣры [1]); въ первый же годъ, если не считать неполнаго 1883 года, число разсмотрѣнныхъ дѣлъ достигло 1054 и, то падая, то повышаясь, остановилось въ 1890 г. на 1082; въ общемъ же замѣтно все-таки нѣкоторое, хотя и слабое, повышеніе, именно: сумма рѣшеній за 1-е четырехлѣтіе равняется 3473, за второе же—3698, т. е. на 6,1% больше, но и это повышеніе можетъ быть отнесено на счетъ неполноты 1883 г., такъ какъ судъ началъ функціонировать только съ 1-го апрѣля послѣдняго. Очевидно, стало быть, что давно ощуща-

[1]) Этотъ выводъ подтверждается ниже, при сопоставленіи числа дѣлъ и числа судящихся съ численностью населенія округа.

ная потребность мѣстнаго населенія въ такомъ судѣ, который согласовалъ бы свои рѣшенія съ его нуждами и обычаями, нашла, наконецъ, удовлетвореніе, почему населеніе сразу же стало обращаться къ новому суду охотно и съ довѣріемъ. Отсутствіе же повышенія числа дѣлъ за 8-ми лѣтній періодъ въ свою очередь можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ неправильности довольно распространеннаго мнѣнія, будто наличность легко-доступнаго суда уже сама по себѣ усиливаетъ сутяжничество.

Волостной судъ, обладая, конечно, всѣми недостатками спеціальнаго сословнаго суда, имѣетъ съ другой стороны и весьма важныя достоинства, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ той легкости, съ какой онъ приспособляется не только къ обычно-правовому міровоззрѣнію крестьянъ, но и къ ихъ экономическимъ нуждамъ. Такъ, едва ли какой-либо иной, не крестьянскій, судъ имѣлъ бы возможность строго сообразовать время своихъ засѣданій съ удобствомъ земледѣльческаго сельскаго населенія; крестьянинъ, напримѣръ, очень нерѣдко пропускаетъ срокъ на подачу апелляціонной жалобы, а иногда даже вовсе отказывается отъ иска, подсуднаго общимъ судебнымъ мѣстамъ, только потому, что ему недосугъ, что потеря времени въ страдную пору на хожденіе по суду обойдется ему дороже, нежели отказъ отъ иска. Волостнымъ же судомъ этотъ важный, особенно при огромности сибирскихъ разстояній, вопросъ рѣшается легко и просто тѣмъ, что число судебныхъ засѣданій въ рабочую пору сводится до минимума, причемъ и этотъ минимумъ въ значительной степени опредѣляется желаніемъ самихъ тяжущихся. Такъ, группируя число разсмотрѣнныхъ за весь періодъ дѣлъ по мѣсяцамъ, мы увидимъ, что число это равняется:

за Январь	550,	или 7,7 %	всего число разсмотрѣнныхъ дѣлъ
» Февраль	760	« 10,3	« « « «
» Мартъ	708	« 9,9	« « « «

за Апрѣль	417	или	5,8	всего число		разсмотрѣнныхъ	дѣлъ
» Май	380	«	5,3	«	«	«	«
» Іюнь	546	«	7,6	«	«	«	«
» Іюль	356	«	5,0	«	«	«	«
» Августъ	234	«	3,3	«	«	«	«
» Сентябрь	571	«	8,0	«	«	«	«
» Октябрь	853	«	11,9	«	«	«	«
» Ноябрь	913	«	12,8	«	«	«	«
» Декабрь	883	«	12,4	«	«	«	«
Итого	7171	«	100,0	«	«	«	«

Этотъ рядъ представляетъ удивительное соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ земледѣльческихъ работъ крестьянъ въ теченіе года: въ августѣ мѣсяцѣ, когда наступаетъ въ Сибири жнитво, а съ нимъ и самая горячая страдная пора, число разсмотрѣнныхъ дѣлъ достигаетъ минимума, равняясь только 3,3% числа дѣлъ за годъ; очень близко это число къ минимуму за апрѣль и май, когда идетъ сѣвъ яровыхъ и взметъ паровъ, а такъ же и за іюль, во время сѣнокоса. Максимумъ же, естественно, падаетъ на зимніе мѣсяцы, свободные отъ земледѣльческихъ работъ. Но при всемъ этомъ, нѣтъ сомнѣнія, что приведенные проценты были бы гораздо характернѣе, если бы, подъ вліяніемъ понужденій земскихъ засѣдателей, не устраивались довольно нерѣдко засѣданія волостнаго суда въ неудобную пору, лишь бы только скопленіе неразсмотрѣнныхъ жалобъ, хотя бы временное и непродолжительное, не подало повода упрекать судъ въ бездѣятельности, а ихъ, засѣдателей,—въ отсутствіи за нимъ надзора.

Участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, кромѣ свидѣтелей, за весь періодъ было 20,605; изъ нихъ 7860 выступали въ качествѣ истцовъ и 12745—въ качествѣ отвѣтчиковъ. По сословіямъ и полу, а также по категоріямъ дѣлъ, эти цифры распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

СОСЛОВІЕ СУДЯЩИХСЯ.	По тяжебнымъ дѣламъ.		По маловажнымъ проступк.		ВСЕГО.						Итого истцовъ и отвѣтчиковъ.
					истцовъ.			отвѣтчиковъ.			
	Истцовъ.	Отвѣтчиковъ.	Истцовъ.	Отвѣтчиковъ.	Мужч.	Женщ.	Итого.	Мужч.	Женщ.	Итого.	
Крестьяне	2923	3990	2997	6013	4895	1025	5920	9309	694	10003	15923
Ссыльные	776	1143	785	1523	1405	156	1561	2459	207	2666	4227
Мѣщане	143	32	97	41	184	56	240	61	12	73	313
Купцы	57	—	5	—	49	13	62	—	—	—	62
Дворяне и чиновн.	29	—	11	—	38	2	40	2	—	2	42
Духовные	19	1	18	—	34	3	37	—	1	1	38
Итого . .	3947	5168	3913	7577	6605	1255	7860	11831	914	12745	20605

Итакъ, на каждыя 100 разсмотрѣнныхъ дѣлъ приходилось, въ общемъ, 105 истцовъ и 178 отвѣтчиковъ. Относительное число истцовъ почти одинаково по дѣламъ тяжебнымъ и по проступкамъ (104 и 105 на 100 дѣлъ), между тѣмъ какъ отвѣтчиковъ по первымъ приходится на 100 дѣлъ 144, а по вторымъ—212. Такое значительное превышеніе числа отвѣтчиковъ не только надъ общимъ количествомъ дѣлъ, но и надъ числомъ истцовъ, объясняется въ отношеніи тяжебныхъ дѣлъ тѣмъ, что нерѣдко одинъ кредиторъ предъявляетъ искъ сразу къ нѣсколькимъ должникамъ, а въ отношеніи проступковъ—вошедшимъ въ практику лицъ сельской и волостной администраціи обычаемъ привлекать крестьянъ къ волостному суду за «нерадѣніе, лѣнь и пьянство, влекущія къ невзносу податей», или «за нарушеніе Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ»—иногда цѣлыми десятками. И тѣ, и другіе случаи довольно часты.

Затѣмъ, изъ таблицы видно, что волостной судъ является почти исключительно судомъ крестьянскимъ или, правильнѣе, судомъ сельскаго населенія, такъ какъ разныя категоріи ссыльныхъ, входящихъ въ составъ этого населенія въ

значительномъ количествѣ, подчиняются совершенно такъ же, какъ и крестьяне, всѣмъ сельскимъ и волостнымъ распорядкамъ[1]); крестьяне же съ ссыльными даютъ 97,8% всего числа судящихся; на долю прочихъ сословій приходится только 2,2%. Однако, прочія сословія выступаютъ, главнымъ образомъ, въ роли истцовъ; въ качествѣ же отвѣтчиковъ они дали всего 76 человѣкъ, или 0,6%, но и то изъ этого числа 73 мѣщанина, а купцовъ, дворянъ, чиновниковъ, духовныхъ только 3; между тѣмъ, въ числѣ истцовъ ихъ 139. Наименшій процентъ судящихся даютъ духовные, затѣмъ дворяне и чиновники. Вообще же, на каждые 10 человѣкъ участвовавшихъ въ дѣлѣ духовныхъ приходилось лицъ другихъ сословій:

Дворянъ и чиновниковъ	11
Купцовъ	15
Мѣщанъ.	82
Ссыльныхъ	1112
Крестьянъ	4304

Женщинъ въ общемъ числѣ судящихся было 2169, или 10%; въ качествѣ истицъ женщины дали 16,1 %, въ качествѣ отвѣтчицъ—7,2 %. Въ дѣлахъ тяжебныхъ и въ качествѣ отвѣтчицъ участіе женщинъ гораздо меньшее, нежели въ дѣлахъ по проступкамъ и въ качествѣ истицъ:

		% ко всему соотвѣтствующему числу судящихся.
Истицъ	По тяжебнымъ дѣламъ	10,1
	По маловажнымъ проступкамъ	21,8
Отвѣтчицъ	По тяжебнымъ дѣламъ	5,6
	По маловажнымъ проступкамъ . . .	8,2

[1]) Вообще Волостной судъ въ Восточной Сибири принимаетъ къ своему разбирательству споры и тяжбы, цѣною до 100 руб., и дѣла по маловажнымъ проступкамъ—1) крестьянъ всѣхъ категорій, съ присоединеніемъ сюда осѣдлыхъ инородцевъ, проживающихъ въ крестьянскихъ селеніяхъ, примѣнительно къ 836 ст. IX т. зак. о состоян. и 12 и 16 ст. Полож. объ управл. сибирск. инородцевъ; 2) казаковъ, согласно Положенія 19-го мая 1871 г.; 3) отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ, а также уволенныхъ въ запасъ нижнихъ чиновъ; 4) ссыльно-поселенцевъ, согласно журналу совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири отъ 3-го февраля 1884 г. за № 6. Осѣдлые инородцы, казаки и отставные солдаты считаны вездѣ за одно съ крестьянами, такъ какъ de facto они отличаются отъ послѣднихъ только по названію, и притомъ въ Красноярскомъ округѣ ихъ очень мало.

Женщина, въ Сибири, выступаетъ въ роли домохозяйки, отстаивающей извѣстный имущественный интересъ дворахозяйства, вообще рѣдко; поэтому невеликъ въ тяжебныхъ дѣлахъ и % истицъ. Еще рѣже къ женщинѣ предъявляется какой-либо искъ имущественнаго характера. Но въ дѣлахъ по проступкамъ женщинъ-истицъ болѣе $^1/_5$ части; это потому, что женщины и даютъ почти все число истицъ въ дѣлахъ о разныхъ оскорбленіяхъ—дѣйствіемъ, словами, клеветой: мужчины въ этомъ отношеніи обижаются гораздо рѣже. Женщинъ же отвѣтчицъ и здѣсь сравнительно немного: всего 8,2%.

Небезынтересно теперь сопоставить приведенныя цифры съ численностью населенія округа; чтобы опредѣлить интенсивность явленія, такое сопоставленіе даже необходимо. Единственныя данныя, которыми можно было съ этой цѣлью воспользоваться, являются цифры обзоровъ губерніи, прилагаемыхъ ко Всеподданнѣйшимъ отчетамъ. Но сравненіе по обзорамъ численности населенія Красноярскаго округа за соотвѣтствующія періоду дѣятельности судовъ 8 лѣтъ показало, что цифры, выражающія эту численность, колеблются изъ года въ годъ въ широкихъ размѣрахъ—отъ 74 тысячъ и до 84000; при этомъ, никакой послѣдовательности въ колебаніяхъ не наблюдается, такъ-что, въ виду отсутствія въ округѣ замѣтной иммиграціи и эммиграціи, эти колебанія съ большей вѣроятностью должны быть отнесены на счетъ неточности данныхъ. Не останавливаясь, поэтому, ни на одной изъ 8 цифръ, я взялъ для сопоставленій среднюю изъ нихъ. Эта средняя равняется для мужского населенія 44 тысячамъ, а для женскаго 37 тыс. Для того же, чтобы выдѣлить изъ общей цифры того и другого населенія—взрослое, что именно въ данномъ случаѣ и нужно, пришлось поступить нѣсколько наугадъ; именно—принять численность взрослаго населенія равной половинѣ или 50% всего. Такое отношеніе является, однако, очень правдоподобнымъ, если сравнить его съ данными о населеніи Иркутской губерніи, приведенными въ

«Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній). По этимъ даннымъ рабочее населеніе—мужское въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, а женское—отъ 16 до 55—въ итогѣ по тремъ подворно изслѣдованнымъ округамъ даетъ 49% всего населенія для обоихъ половъ одинаково. Имѣя же въ виду, что въ Енисейской губерніи, а особенно въ Красноярскомъ округѣ, вообще больше, чѣмъ въ Иркутской губерніи, ссыльнаго элемента, который представляется по преимуществу въ рабочемъ возрастѣ, мы едва ли сдѣлаемъ большую ошибку, принявъ процентъ взрослаго рабочаго населенія для Красноярскаго округа равнымъ 50. На рабочемъ же населеніи въ указанныхъ возрастахъ я останавливаюсь потому, что въ крестьянскомъ быту именно оно и является дѣеспособнымъ почти исключительно: старикъ, а тѣмъ болѣе подростокъ, на волостномъ судѣ большая рѣдкость.

Такимъ образомъ, не боясь особенной неточности, можно остановиться на слѣдующихъ цифрахъ, выражающихъ численность дѣеспособнаго населенія округа: для мужчинъ 22 тысячи, для женщинъ 18½ тысячъ. Что же касается числа дворовъ или хозяйствъ, то всѣ данныя въ этомъ отношеніи до такой степени далеки отъ истины, что воспользоваться ими не оказалось никакой возможности. Но и въ этомъ случаѣ приходятъ на помощь цифры названныхъ «Матеріаловъ»[1]); именно, онѣ опредѣляютъ средній численный составъ 1 двора въ 5,3 душъ обоего пола въ итогѣ по 3-мъ округамъ; соотвѣтствующая средняя по каждому изъ послѣднихъ равняется для Иркутскаго и Нижнеудинскаго 5,1, а для Балаганскаго 5,4. Если остановиться на средней для первыхъ двухъ, какъ болѣе подходящихъ по мѣстнымъ соціальнымъ и экономическимъ условіямъ къ Красноярскому округу, то, при числен-

[1]) Томъ I; Иркутскъ, 1889 г. См. итоги по всѣмъ округамъ. Такія же данныя по Енисейской губерніи ожидаются въ нынѣшнемъ году.

ности всего населенія послѣдняго въ 81 тыс., число дворовъ опредѣлится приблизительно въ 15 тысячъ [1]).

Въ среднемъ за одинъ годъ разсматривалось 896 дѣлъ, а участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ было—мужчинъ 2304, женщинъ 271. Такимъ образомъ, ежегодно 1 дѣло приходилось въ среднемъ на каждые 17 дворовъ и почти на каждыя 45 душъ всего взрослаго населенія обоего пола. Изъ каждыхъ 95 душъ взрослыхъ мужчинъ участвовало въ процессѣ десять, и столько же женщинъ—изъ каждыхъ 683 душъ. Иначе говоря, каждый взрослый мужчина, входящій въ составъ сельскаго населенія Красноярскаго округа, имѣетъ шансы принимать участіе на волостномъ судѣ въ качествѣ истца или отвѣтчика разъ въ $9^1/_2$ лѣтъ; а такъ какъ дѣеспособный жизненный періодъ лица мужского пола опредѣленъ въ 42 года (отъ 18 до 60 лѣтъ), то, стало быть, каждое такое лицо принимаетъ въ судѣ участіе въ теченіе своей жизни въ среднемъ отъ 4 до 5 разъ. Что же касается женщинъ, то ихъ шансы слабѣе въ этомъ отношеніи, нежели шансы мужчинъ, слишкомъ въ 7 разъ, иными словами —изъ 5 женщинъ двѣ могутъ разсчитывать вовсе не принимать участія въ волостномъ процессѣ въ теченіе всей своей жизни, между тѣмъ какъ другія будутъ на судѣ только по одному разу.

Приведенныя сопоставленія служатъ достаточнымъ доказательствомъ, до какой степени дѣятельность волостнаго суда въ Красноярскомъ округѣ интенсивна. Насколько же такое широкое пользованіе судомъ представляется явленіемъ нормальнымъ и насколько мѣстное населеніе заслуживаетъ упрекъ въ страсти къ сутяжничеству, можно до извѣстной степени заключить изъ обзора рѣшеній судовъ по предметамъ разбирательства. Пользоваться съ этой цѣлью дан-

[1]) Данныя произведеннаго нынѣ статистико-экономическаго изслѣдованія Енисейской губерніи подтверждаютъ, насколько мнѣ извѣстно, правильность выведенной цифры. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій она не болѣе 11 тысячъ, такъ какъ волостныя правленія опредѣляютъ число дворовъ не по числу хозяйствъ, а по числу домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

ными за всѣ 8 лѣтъ было бы, впрочемъ, излишнимъ; уже не говоря о крайней сложности работы по классификаціи слишкомъ 7 тысячъ дѣлъ, записанныхъ нерѣдко въ такой редакціи, что только съ трудомъ можно догадаться о дѣйствительномъ предметѣ искового требованія, подобная работа, въ виду большого однообразія; исковъ не имѣла бы и серьезнаго значенія. Поэтому я остановился только на 3-хъ послѣднихъ годахъ—1888, 1889 и 1890, обнимающихъ 1350 рѣшеній по тяжебнымъ дѣламъ и 1365 рѣшеній по маловажнымъ проступкамъ.

Установленіе общихъ классификаціонныхъ рубрикъ, какъ для дѣлъ тяжебныхъ, такъ и по проступкамъ, встрѣчаетъ, однако, серьезныя затрудненія въ массѣ разнообразнѣйшихъ проявленій обычнаго гражданскаго и уголовнаго права, нерѣдко неукладывающихся ни въ какія рамки общепринятой терминологіи. Въ качествѣ примѣра можно указать на иски о нарушеніи права труда, вложеннаго въ захваченное земельное угодье, каковое право, въ свою очередь, можетъ испытывать опасную борьбу съ правомъ перваго захвата; также до суда доходятъ споры сына и принятаго въ домъ зятя объ отцовскомъ имуществѣ, споры между хозяиномъ и работникомъ о неисполненіи кѣмъ-либо изъ нихъ такихъ своихъ обязанностей, которыя не были предметомъ ни письменнаго, ни словеснаго договора, но тѣмъ не менѣе освящены и поддерживаются обычаемъ. Аналогичные споры имѣютъ нерѣдко мѣсто въ довольно распространенныхъ составныхъ семьяхъ, напримѣръ—дяди съ племянникомъ, «сродныхъ» (двоюродныхъ) братьевъ и т. п. Такихъ оригинальныхъ проявленій бытовой жизни населенія, выраженныхъ въ формѣ исковыхъ требованій, не мало и въ уголовныхъ дѣлахъ, но о нихъ будетъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, съ небольшой натяжкой, представилось возможнымъ разбить всѣ тяжебныя дѣла на 2 группы, причемъ къ 1-й отнесены всѣ иски, имѣющіе своимъ предметомъ право обязательственное, а ко 2-й правовещное. При этомъ, изъ 1-й группы выдѣлены особо всѣ

иски по долговымъ денежнымъ обязательствамъ, какъ имѣющіе для мѣстнаго населенія весьма важное значеніе. Изъ 2-й же—выдѣлены спеціальные споры о правѣ собственности (или пользованія) на разныя земельныя угодья. Наконецъ, самостоятельные иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, не приходящіе къ уголовнымъ искамъ, составили особую категорію, независимо отъ первыхъ двухъ. Группируя дѣла по установленнымъ, такимъ образомъ, рубрикамъ, получимъ слѣдующую таблицу:

ПРЕДМЕТЫ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.	Число дѣлъ (абсолютное).				Тоже въ %%-ахъ.			
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.
Иски по долговымъ денежнымъ обязательствамъ	187	153	241	581	40,2	40,3	47,6	43,0
Споры по исполненію разныхъ другихъ договоровъ и обязательствъ	118	95	105	318	25,4	25,1	20,7	23,6
Споры о земельныхъ угодіяхъ. .	16	21	30	67	3,4	5,5	5,9	5,0
Споры о правѣ собственности (или пользованія) на разное имущество	39	43	59	141	8,4	11,3	11,8	10,4
Иски о вознагражденіи за вредъ и убытки	105	67	171	243	22,6	17,8	14,0	18,0
Итого. . . .	465	379	506	1350	100	100	100	100

Изъ таблицы видно, что иски, имѣющіе предметомъ своимъ какое-либо обязательство, составляютъ въ общемъ числѣ тяжебныхъ дѣлъ огромное большинство, именно—66,6%; этотъ процентъ за три послѣдніе года испыталъ лишь небольшія колебанія—отъ 65,6 до 68,3—безъ замѣтной тенденціи къ повышенію. Великъ также и процентъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, между тѣмъ какъ споры о земельныхъ угодіяхъ даютъ только $^1/_{20}$ часть всего числа дѣлъ. Такія соотношенія неизбѣжно приводятъ къ мысли, что нерѣдко дѣлаемый сибирскому крестьянину упрекъ въ

страсти къ сутяжничеству не лишенъ нѣкотораго основанія. Дѣйствительно, мнѣ нерѣдко приходилось слышать отъ самихъ же крестьянъ о существованіи такой категоріи должниковъ, которые считаютъ себя обязанными уплатить долгъ не иначе, какъ въ силу судебнаго рѣшенія. Не въ пользу сибиряка говоритъ и высокій процентъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что не только характеръ дѣлъ, но и количество ихъ находится въ сильной зависимости отъ общаго характера экономической жизни округа, такъ какъ отсутствіе сколько-нибудь организованнаго кредита съ одной стороны, а съ другой—широко практикуемое примѣненіе наемнаго труда, также лишенное всякой регламентаціи, являются главнѣйшими причинами, порождающими такое множество споровъ по исполненію договоровъ и обязательствъ; отвѣтчиками же въ дѣлахъ о вознагражденіи за убытки главнымъ образомъ являются поселенцы, нравственная физіономія которыхъ настолько извѣстна, что едва ли можетъ быть поводъ къ сомнѣнію въ добросовѣстности такихъ исковъ. Не имѣя, къ сожалѣнію, данныхъ, чтобы сдѣланныя предположенія подтвердить болѣе вѣскими доказательствами [1]), считаю, однако, долгомъ высказать свое убѣжденіе, что этотъ вопросъ, именно вопросъ о связи отправленія волостной юстиціи съ экономической жизнью, достоинъ серьезнаго изученія и полнаго вниманія, особенно со стороны лицъ мѣстной администраціи.

Что касается предметовъ уголовнаго разбирательства, то въ этомъ отношеніи пестрота и разнообразіе еще большія. Помимо произвольной, неправильной, а иногда и нелѣпой квалификаціи исковъ, здѣсь выступаетъ на сцену вопросъ о подсудности, который составляетъ повсемѣстно одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ волостной юстиціи. Въ дѣлахъ тяжебныхъ подсудности поставлены законодателемъ довольно точ-

[1]) Есть основанія надѣяться, что такія данныя въ изобиліи найдутся въ ожидаемыхъ «Матеріалахъ по изслѣдованію Енисейской губерніи».

ныя рамки: дѣла между крестьянами (въ Сибири—и ссыльными) на сумму не свыше 100 р. и дѣла о крестьянскомъ надѣлѣ (въ Сибири—о находящихся въ пользованіи крестьянъ угодіяхъ), вотъ та точно намѣченная область тяжебныхъ дѣлъ, за предѣлы которой волостной судъ выходитъ очень рѣдко, и то въ случаяхъ, указанныхъ закономъ же; ошибка въ этомъ отношеніи явленіе исключительное. Но для уголовныхъ дѣлъ законъ, ограничиваясь ссылкой на сельско-судебный уставъ и устанавливая максимальныя нормы наказаній, не даетъ никакого матеріальнаго, такъ сказать, критерія для опредѣленія подсудности проступковъ именно волостному суду; критерій въ этомъ случаѣ отрицательный: волостному суду подсудны лишь тѣ проступки, которые не подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, или—vice versa—всѣ тѣ преступныя дѣянія, которыя подсудны послѣднимъ, не подсудны первому. За отсутствіемъ же какого либо въ этомъ направленіи надзора и руководства, волостнымъ судомъ разбираются сплошь и рядомъ такія дѣла, которыя безъ всякаго сомнѣнія ему не подсудны, и притомъ по такимъ «проступкамъ», которые очень недалеки отъ преступленій. Но съ другой стороны, нерѣдко караются судомъ такія дѣянія, которыя развѣ только съ точки зрѣнія обычнаго уголовнаго права могутъ подойти подъ категорію преступныхъ; напримѣръ, пьянство, картежная игра (не азартная), неуваженіе къ родителямъ, развратная жизнь и т. п. [1]). Вотъ перечень «проступковъ», бывшихъ предметомъ разбирательства, въ томъ видѣ, какъ они квалифицированы въ книгахъ на записку приговоровъ:

Неплатежъ податей.
Нарушеніе Уст. о благоустр. въ казенныхъ селеніяхъ.
Нарушеніе общественной тишины и спокойствія.
Неисполненіе законныхъ распоряженій начальства.

[1]) Правда, эти дѣянія предусматриваются сельско-судебнымъ уставомъ (ст. ст. 495, 496, 498, 529). Но считать ихъ преступными и налагать за нихъ кары волостной судъ не обязанъ (ср. Высочайше утвержд. 27-го іюля 1861 г. Положеніе Глав. Комитета объ устр. сельск. сост.). Если это и дѣлается, то единственно на основаніи мѣстныхъ обычаевъ.

Неявка на волостной судъ.
Несправедливая подача жалобъ.
Соблазнъ въ публичн. мѣстѣ.
Буйство.
Непристойное поведеніе на судѣ, въ волостномъ или въ сельскомъ управленіи.
Праздношатательство.
Самовольная отлучка безъ вида.
Нищенство.
Неосторожное обращеніе съ огнемъ.
Картежная игра.
Раззореніе хозяйства.
Развратная жизнь и пьянство.
Непочтеніе къ родителямъ, ослушаніе и грубость.
Прелюбодѣяніе.
Оскорбленіе словами.
Угроза.
Клевета.
Месть (?) и похвальба.
Оскорбленіе дѣйствіемъ.
Нанесеніе ранъ, увѣчій, побоевъ.
Кража.
Необъявленіе находки.
Захватъ чужой собственности.
Присвоеніе чужаго имущества.
Порча чужаго имущества.
Убой скота.
Самоуправство.
Мошенничество и обманъ.

Изъ этого перечня не трудно убѣдиться, до какой степени разнообразна дѣятельность волостнаго суда въ сферѣ проступковъ, нерѣдко и значительно превышая его компетенцію. Но съ другой стороны, также нерѣдко встрѣтить въ записи лишь громкое названіе какого нибудь проступка, весьма легкаго; напримѣръ, «угрозой» въ книгахъ часто называютъ простую брань; нанесеніе увѣчья, въ сущности, можетъ оказаться лишь подбитіемъ глаза въ дракѣ или нанесеніемъ синяковъ. Тоже самое и нанесеніе ранъ. Побои—большею частію обыкновенное оскорбленіе дѣйствіемъ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности квалификаціи, въ связи съ крайне неяснымъ изложеніемъ дѣла, въ записи рѣшенія нерѣдко оказывается совершенно невозможнымъ выяснить вопросъ о дѣйствительномъ предметѣ разбирательства и о дѣйствительномъ характерѣ проступка. Въ то же время масса уголовныхъ исковъ вчинается лицами мѣстной сельской и волостной администраціи, какъ по собственной ихъ иниціативѣ, такъ и по предписаніямъ земскихъ засѣдателей—въ качествѣ мировыхъ посредниковъ. Всѣ эти иски имѣютъ предметомъ своимъ разныя нарушенія публичнаго права,

какъ-то: неплатежъ податей, нарушеніе общественной тишины и спокойствія, отлучка безъ письменнаго вида, праздношатательство, вообще разныя нарушенія уст. о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, аналогичные иски возбуждаются иногда и частными лицами, интересы которыхъ вслѣдствіе извѣстныхъ дѣйствій, наказуемыхъ большею частію только по обычному праву, такъ или иначе страдаютъ; напримѣръ, неосторожное обращеніе съ огнемъ, раззореніе хозяйствъ, развратная жизнь и проч. Такимъ образомъ, въ основаніе классификаціи преступныхъ дѣяній, бывшихъ предметомъ разбирательства волостныхъ судовъ, пришлось положить двоякій принципъ: во 1-хъ, раздѣлить всѣ дѣла по проступкамъ на такія, иски по которымъ вчинались частными лицами, и на такія, гдѣ преслѣдованіе возбуждалось лицами должностными; затѣмъ, выдѣливъ дѣла послѣдняго рода въ особую категорію,—разгруппировать всѣ остальныя по объекту преступнаго дѣянія, т. е. съ точки зрѣнія того, было ли этимъ объектомъ лицо или вещь. Приэтомъ, оскорбленія дѣйствіемъ, а также раны, побои, увѣчья, выдѣлены особо. Соотвѣтственно такимъ рубрикамъ получимъ таблицу, цифры которой въ достаточной степени обрисуютъ дѣятельность судовъ въ сферѣ дѣлъ по проступкамъ въ ихъ наиболѣе характерныхъ и рѣзкихъ чертахъ:

[См. табл. стр. 87].

Въ среднемъ за три года почти $^1/_3$ разобранныхъ волостнымъ судомъ дѣлъ по проступкамъ, именно 30,4 %, составили иски, вчиненные должностными лицами. Относительное число дѣлъ этого рода изъ года въ годъ сильно увеличивается. Такое увеличеніе обусловливается исключительно настояніями окружнаго и участковаго начальства—исправника и засѣдателей: чѣмъ требовательнѣе это начальство, тѣмъ выше и процентъ вчинаемыхъ должностными лицами исковъ. Напримѣръ, въ 1890 году въ одной Вознесенской волости слишкомъ 700 человѣкъ были приговорены къ различнымъ наказаніямъ за нарушеніе устава о благоустройствѣ

ПРЕДМЕТЫ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.	Число дѣлъ (абсолютное).				Тоже въ %%-ахъ.			
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	Итого.
1. По жалобамъ должностныхъ лицъ на лѣность, пьянство, нерадѣніе, нарушеніе разныхъ уставовъ и вообще на «неодобрительное» поведеніе	89	108	218	415	20,4	30,5	37,8	30,4
2. Тоже — по жалобамъ частныхъ лицъ	6	2	19	27	1,4	0,6	3,3	1,9
3. Оскорбленіе словами, клевета, угроза	111	74	111	296	25,5	21,0	19,3	21,7
4. Оскорбленіе дѣйствіемъ, нанесеніе ранъ, увѣчій, побоевъ. . .	83	89	85	267	19,0	25,2	16,5	19,7
5. Проступки, имѣющіе объектомъ вещь	147	80	133	360	33,7	22,7	23,1	26,3
Итого. . . .	436	353	576	1365	100	100	100	100

въ казенныхъ селеніяхъ или, правильнѣе, за «неисполненіе законныхъ распоряженій начальства»; напримѣръ, за «непривязываніе собакъ», «неразборку на лѣтнее время соломенныхъ крышъ», «сваливаніе назьмовъ (навоза) въ недозволенныя мѣста», «неметеніе улицъ» и мн. друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ повсемѣстно за невзносъ хлѣбной и податной недоимки, недоимщики приговаривались къ тѣлесному наказанію во множествѣ. За одинъ только 1890 годъ число отвѣтчиковъ по проступкамъ составляетъ 1888 изъ общаго числа ихъ за всѣ 8 лѣтъ—7577, т. е. равняется почти $^1/_4$ части послѣдняго. Конечно, въ этомъ отношеніи волостной судъ удовлетворяетъ потребности мѣстной администраціи, а не мѣстнаго населенія, иначе говоря—почти на цѣлую треть размѣры дѣятельности волостныхъ судовъ въ Красноярскомъ округѣ опредѣляются дѣятельностью окружной администраціи. Съ другой стороны, высокій % проступковъ, имѣющихъ объектомъ лицо—его честь или физическое здоровье—несомнѣнно зна-

чительно понизился бы, если бы не крайне легкая доступность суда: нерѣдко предметомъ судебнаго разбирательства служитъ пустѣйшая брань, драка, толчокъ, учиненные почти всегда въ пьяномъ видѣ. Здѣсь въ качествѣ истцовъ выступаютъ преимущественно женщины. Одни только оскорбленія словомъ, въ томъ числѣ—по квалификаціи судебныхъ приговоровъ—клевета, угроза, похвальба, даютъ болѣе $^1/_5$ части всего числа дѣлъ по проступкамъ. Довольно видный процентъ принадлежитъ проступкамъ имущественнаго характера, главнымъ образомъ кражамъ, именно—26,3 въ среднемъ за три года. Дѣлъ же, возникшихъ по жалобамъ частныхъ лицъ на неодобрительное поведеніе—главнымъ образомъ раззореніе хозяйства и непочтеніе къ родителямъ—менѣе $^1/_{50}$ части общаго числа судебныхъ разбирательствъ.

На вопросѣ о подсудности, т. е. о томъ, какими признаками опредѣляется въ каждомъ данномъ случаѣ подсудность иска волостному суду, въ связи съ характеромъ иска по существу, придется остановиться съ подробностью во второй части настоящаго очерка; теперь же слѣдуетъ выяснить, насколько мѣстное населеніе съ одной стороны, и волостной судъ съ другой, пользуются предоставленнымъ послѣднему правомъ, съ согласія сторонъ, принимать къ своему разбирательству иски, стоимостью свыше 100 руб., или такія дѣла, гдѣ одной изъ сторонъ является лицо не крестьянскаго сословія (въ Сибири—и не изъ ссыльныхъ). Такихъ дѣлъ было:

	Между разносословными лицами.	На сумму свыше 100 р
въ 1883 году	23	1
» 1884 »	48	2
» 1885 »	47	1
» 1886 »	46	—
» 1887 »	38	1
» 1888 »	48	4
» 1889 »	31	1
» 1890 »	64	3
Итого	345	43

Эти цифры показываютъ, о чемъ упоминалось уже и выше, что во 1) волостной судъ является почти исключительно судомъ крестьянскаго населенія, и во 2) что онъ очень рѣдко выходитъ за предѣлы обычной своей компетенціи по разбору тяжебныхъ дѣлъ. Но и въ томъ и въ другомъ направленіи замѣчается возрастаніе: именно, за 1-е четырехлѣтіе число дѣлъ между лицами разныхъ сословій равняется 164, а за 2-е—181, т. е. больше на 10,4%, число же дѣлъ на сумму свыше 100 руб. за 2-е четырехлѣтіе больше соотвѣтствующаго числа за 1-е болѣе чѣмъ вдвое (4 и 9).

Обозрѣвъ дѣятельность волостныхъ судовъ со стороны числа дѣлъ и участвующихъ лицъ, а также со стороны предметовъ судебно-волостного разбирательства, мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу о результатахъ послѣдняго, т. е. къ вопросу о томъ, какія (съ формальной точки зрѣнія) постановляются рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ и какіе приговоры по дѣламъ уголовнымъ. Разсмотримъ въ этомъ отношеніи сначала дѣла гражданскія.

Изъ 5585 тяжебныхъ дѣлъ, бывшихъ предметомъ разбирательства волостныхъ судовъ, окончились:

Полнымъ удовлетвор. иска	2597	или 72,4%	общаго числа дѣлъ.
Частичнымъ	416	» 11,6%	» » »
Отказомъ въ искѣ . .	466	» 13,0%	» » »
Примиреніемъ	106	» 3,0%	» » »
Итого . .	3585	» 100%	

Итакъ, удовлетвореніемъ иска—полнымъ или частичнымъ—оканчивается 84% всего числа дѣлъ; неосновательными же признано только 13%. Отсюда слѣдуетъ заключить, что съ точки зрѣнія волостныхъ судей, являющихся на судѣ выразителями народныхъ взглядовъ и обычаевъ, подавляющее большинство исковъ представляются основательными. Что же касается обязанности судей склонять стороны къ примиренію, то въ этомъ отношеніи судьи далеко не могутъ похвалиться успѣхомъ: дѣлъ, окончившихся прими-

реніемъ, только 3% общаго числа. Если теперь прослѣдить аналогичныя соотношенія не въ среднемъ за весь восьмилѣтній періодъ, а отдѣльно по 4-лѣтіямъ, то получаются слѣдующіе ряды:

	Число дѣлъ: За 1-е четырехлѣтіе.		За 2-е четырехлѣтіе.	
Окончившихся полнымъ удовлетвореніемъ иска	1220	или 70,5%	1377	или 74,0%
— частичнымъ	214	» 12,4%	202	» 10,8%
— отказомъ въ искѣ . .	238	» 13,7%	228	» 12,6%
— примиреніемъ	58	» 3,4%	48	» 2,6%
Итого	1730	» 100	1855	» 100

Сравненіе этихъ рядовъ показываетъ, что число дѣлъ, окончившихся полнымъ удовлетвореніемъ иска, увеличилось за 2-е четырехлѣтіе на счетъ какъ абсолютнаго, такъ и относительнаго уменьшенія числа исковъ, имѣвшихъ всякій иной исходъ, такъ-что четырехлѣтняя практика волостныхъ судовъ отразилась здѣсь въ томъ направленіи, что еще болѣе понизила и до того очень невысокое относительное число малоосновательныхъ тяжбъ.

Что касается дѣлъ уголовныхъ, то здѣсь тотъ или иной приговоръ долженъ разсматриваться по отношенію къ каждому отвѣтчику, а не ко всему дѣлу, такъ какъ, при наличности нѣсколькихъ обвиняемыхъ по одному и тому же иску, одни могутъ быть оправданы, другіе приговорены къ различнымъ наказаніямъ, третьи, наконецъ, прощены истцами. Такимъ образомъ, изъ 7577 отвѣтчиковъ въ теченіе 8-ми лѣтъ были—

Оправданы	942	или	12,4%	общаго	числа	ихъ.
Прощены (истцами) . . .	295	»	3,9%	»	»	»
Приговорены къ розгамъ .	2701	»	35,6%	»	»	»
» къ аресту . .	2500	»	33,0%	»	»	»
» къ штрафу .	678	»	8,9%	»	»	»
» къ общественнымъ работамъ . .	442	»	5,9%	»	»	»
Приговорены къ выговору или внушенію	19	»	0,3%	»	»	»
Итого . . .	7577	»	100.			

Итакъ, въ числѣ практикуемыхъ волостными судами наказаній розга занимаетъ первое мѣсто: болѣе $^1/_3$ части отвѣтчиковъ были приговорены къ тѣлесному наказанію. Единственно конкурирующій съ нимъ родъ наказанія—это арестъ; къ сложности, къ розгѣ или къ аресту приговаривались изъ каждыхъ 100 отвѣтчиковъ—69, а за исключеніемъ прощенныхъ и оправданныхъ—82, такъ-что изъ каждой сотни признанныхъ виновными отвѣтчиковъ избѣгали розги или ареста только 18. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность сибирскаго волостнаго суда отличалась въ этомъ отношеніи мягкостью. Но все-таки случаевъ отказа въ искѣ, т. е. признанія иска неосновательнымъ или недоказаннымъ, здѣсь значительно больше, чѣмъ въ тяжебныхъ дѣлахъ: оправдывается почти $^1/_8$ часть всѣхъ отвѣтчиковъ. Также выше въ уголовныхъ дѣлахъ и % примиреній. Таковы данные за весь восьмилѣтній періодъ; отдѣльно же по четырехлѣтіямъ аналогичныя соотношенія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Число отвѣтчиковъ:			
	За 1-е четырехлѣтіе.		За 2-е четырехлѣтіе.	
Оправданныхъ	489	или 18,8%	453	или 9,1%
Прощенныхъ	127	» 4,9%	168	» 3,4%
Приговоренныхъ къ розгѣ	953	» 36,5%	1748	» 35,2%
» къ аресту	622	» 23,9%	1878	» 37,8%
» къ штрафу	163	» 6,2%	515	» 10,2%
» къ общественнымъ работамъ . .	246	» 9,4%	196	» 4,0%
Приговоренныхъ къ выговору или внушенію . .	9	» 0,3%	10	» 0,3%
Итого	2609	» 100	4968	» 100.

Въ этихъ рядахъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе пониженіе за 2-е четырехлѣтіе относительнаго числа оправданій почти вдвое. Параллельно этому въ $1^1/_2$ раза увеличивается примѣненіе ареста и почти вдвое—штрафа; процентъ же приговоренныхъ къ общественнымъ работамъ,

наоборотъ, болѣе чѣмъ вдвое понизился. Безъ измѣненій остался только °/₀ выговоровъ и почти безъ измѣненій—°/₀ тѣлесныхъ наказаній: послѣдній даже нѣсколько понизился. Но если примѣненіе розги въ общей массѣ другихъ наказаній нѣсколько и сократилось, то, съ другой стороны, ея абсолютное значеніе не только не уменьшилось, но, наоборотъ, сильно увеличилось; именно, въ 1-е четырехлѣтіе въ теченіе каждыхъ 10 дней подвергались тѣлесному наказанію по приговорамъ волостныхъ судовъ въ среднемъ 7 человѣкъ, а во 2-е—12, т. е. болѣе одного человѣка въ день. Вообще же за 8 лѣтъ дѣятельности новаго крестьянскаго суда было высѣчено 12,₅°/₀ всего взрослаго мужскаго населенія округа (2701 изъ 22 тысячъ). Если даже исключить отсюда извѣстное число неисполненныхъ приговоровъ, то все-таки приведенный °/₀ едва ли понизится сколько-нибудь значительно, такъ какъ во 1) °/₀ неисполненныхъ уголовныхъ приговоровъ, какъ увидимъ дальше, вообще не высокъ, а во 2) потому, что 22 тысячи выражаютъ численность взрослаго мужскаго населенія всѣхъ сословій, а также, стало быть, и крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія свободныхъ. Если всѣ такія лица исключить, то °/₀ высѣченныхъ къ числу отъ тѣлесныхъ наказаній не изъятыхъ, вѣроятно, повысился бы не меньше, если даже не больше, чѣмъ онъ понизился бы при исключеніи изъ числа приговоренныхъ къ розгѣ тѣхъ, надъ которыми приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе.

Такіе широкіе размѣры дѣятельности волостныхъ судовъ по примѣненію розги и ареста въ значительной степени обусловливаются, во 1-хъ, вкоренившимся убѣжденіемъ, что съ сибирскимъ мужикомъ «ничего безъ розги и чижовки не подѣлаешь», а во 2-хъ—значительнымъ количествомъ среди мѣстнаго населенія ссыльныхъ, относительно которыхъ господствуетъ мнѣніе, что и эти наказанія являются для нихъ вполнѣ привычными и легкими. Ссыльныхъ же главнымъ образомъ и сѣкутъ; именно, изъ 5527 отвѣтчиковъ крестьянъ было высѣчено 1942 или 35°/₀, а изъ 1388 ссыльныхъ—759

или 55%, т. е. если изъ 3-хъ отвѣтчиковъ крестьянъ приговаривается къ сѣченію одинъ, то изъ отвѣтчиковъ ссыльныхъ сѣчется одинъ изъ каждыхъ двухъ. Помимо этого, къ ссыльнымъ примѣняется тѣлесное наказаніе въ болѣе высокой мѣрѣ, чѣмъ къ крестьянамъ. Такъ, если разгруппировать приговоренныхъ къ розгѣ крестьянъ и ссыльныхъ по количеству ударовъ, то получатся слѣдующія соотношенія:

	Число приговоренныхъ къ розгѣ: Крестьянъ.	Ссыльныхъ.
Въ количествѣ до 10 ударовъ	622 или 32%	146 или 19%
» » отъ 11 до 15	682 » 35%	177 » 23,3
» » отъ 16 до 20	638 » 32,9	436 » 57,5
Итого	1942 » 100	759 » 100.

Отсюда видно, что изъ поселенцевъ, приговоренныхъ къ розгѣ, высшей мѣрѣ наказанія подвергаются болѣе половины, а изъ крестьянъ—около 1/3 [1]).

Какъ рѣшеніями, такъ и приговорами стороны остаются недовольны очень часто: за весь періодъ кассаціонныхъ жалобъ было подано—по тяжебнымъ дѣламъ 1369 и по проступкамъ 1398. Однако, рѣшеній было отмѣнено только 175, изъ нихъ по первымъ 93 или 6% всего числа жалобъ, а по вторымъ—82 или 5,9%. Въ общемъ же изъ тысячи жалобъ окружное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе находило заслуживающими уваженія только 63. Дѣятельность присутствія въ этомъ направленіи довольно постоянная: несмотря на значительное увеличеніе съ теченіемъ времени числа заявленныхъ неудовольствій, процентъ отмѣненныхъ рѣшеній почти не измѣнился, именно:

	За 1-е четырехлѣтіе.	За 2-е четырехлѣтіе.
Заявлено неудовольствій	1204	1563
Отмѣнено рѣшеній	75	100
% кассированныхъ рѣшеній ко всему числу жалобъ	6,2	6,4

[1]) По ст. 836 Уст. о ссыльныхъ поселенцы могутъ быть приговариваемы къ розгамъ въ количествѣ до 30 ударовъ. Но этотъ законъ нашелъ примѣненіе въ одной только Вознесенской волости; всего такихъ случаевъ было 7; въ таблицѣ эти случаи, вслѣдствіе малочисленности, особо не выдѣлены.

—т. е. хотя абсолютно число отмѣненныхъ рѣшеній увеличилось ровно на $^1/_3$ или на 33,3%, тѣмъ не менѣе по отношенію къ общему числу жалобъ оно возросло только на 0,2%. Что же касается увеличенія за второе 4-хъ-лѣтіе числа жалобъ (34,6% и 42,3% всего числа дѣлъ за соотвѣтствующія 4-хъ-лѣтія), то этотъ фактъ находитъ объясненіе въ весьма значительномъ увеличеніи числа отвѣтчиковъ: въ среднемъ за первые 4 года ихъ приходилось на 100 дѣлъ 150, за вторые—269, а отвѣтчики главнымъ образомъ и остаются недовольны.

Съ постановленіемъ рѣшенія всѣ отношенія между сторонами и судомъ прекращаются: исполненіе рѣшеній совершенно не входитъ въ область дѣятельности волостнаго суда, а всецѣло возложено на сельскихъ старостъ; волостное правленіе предписываетъ послѣднимъ о приведеніи въ исполненіе судебныхъ рѣшеній, общій же контроль въ этомъ отношеніи предоставленъ земскимъ засѣдателямъ, какъ мировымъ посредникамъ, и отчасти—присутствію по крестьянскимъ дѣламъ, какъ ревизующей инстанціи. Тѣмъ не менѣе, если выясненіе вопроса о количествѣ неисполненныхъ рѣшеній и не даетъ ничего въ смыслѣ характеристики дѣятельности волостнаго суда, то для характеристики значенія послѣдней остановиться на этомъ вопросѣ даже необходимо. Но если пользоваться съ этой цѣлью только книгами на записку рѣшеній, то можно впасть въ большую ошибку, такъ какъ отмѣтки объ исполненіи дѣлаются очень небрежно; сплошь и рядомъ неотмѣченными оказываются такія рѣшенія, которыя приведены въ исполненіе уже давнымъ-давно, что и обнаруживается при ближайшей провѣркѣ отмѣтокъ. Такъ, въ одной Вознесенской волости вмѣсто 85 значущихся по книгамъ неисполненныхъ рѣшеній за 1889 и 90 годы, по провѣркѣ путемъ спроса сельскихъ старостъ, оказались дѣйствительно неисполненными только 50; но и это число, вѣроятно, понизилось бы, если бы провѣрка была произведена тщательнѣе. Довѣрять вообще книжнымъ отмѣткамъ нельзя,

и поэтому всѣ отзывы о громадномъ, будто бы, количествѣ остающихся неисполненными рѣшеній страдаютъ преувеличенностью въ высшей степени. Единственное, о чемъ можно въ данномъ случаѣ говорить съ увѣренностью, это о замѣчательной медленности: проходитъ нерѣдко нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ постановленное рѣшеніе приведется въ исполненіе, и случаи сѣченія черезъ 3—5 лѣтъ послѣ постановленія приговора не являются особенной рѣдкостью. Что именно медленность имѣетъ здѣсь превалирующее значеніе, не трудно убѣдиться изъ сопостановленія числа неисполненныхъ рѣшеній по двухлѣтіямъ:

	Общее число неисполненныхъ рѣшеній.	% неисполненныхъ рѣшеній ко всему числу рѣшеній за соотвѣтствующія 2-хъ лѣтія.
За 1-е двухлѣтіе	161	9,0
» 2-е »	232	13,2
» 3-е »	414	22,0
» 4-е »	625	34,5
Итого . .	1432	20,0

Или—на каждыя 10 неисполненныхъ рѣшеній за 1-е двухлѣтіе приходится неисполненныхъ рѣшеній:

за 2-е двухлѣтіе	14
» 3-е »	26
» 4-е »	39

—т. е. какъ абсолютное такъ и относительное число рѣшеній за 4-е двухлѣтіе почти въ 4 раза превышаетъ соотвѣтствующее число за 1-е. Относить такую разницу можно единственно на счетъ того обстоятельства, что значительный % рѣшеній приводится въ исполненіе лишь черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ постановленія, такъ какъ настоянія администраціи въ этомъ направленіи не только съ теченіемъ времени не ослабѣваютъ, но, наоборотъ, становятся все энергичнѣе, и энергичнѣе.

Въ значительномъ количествѣ рѣшенія останавливаются въ своемъ исполненіи за окружнымъ присутствіемъ, гдѣ кас-

саціонныя жалобы лежатъ неразсмотрѣнными нерѣдко 1—2 года; затѣмъ, если рѣшеніе кассируется, то до вторичнаго пересмотра и вторичной кассаціи можетъ снова пройти 1—2 года. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что даже черезъ 4—6 лѣтъ $^0/_0$ неисполненныхъ рѣшеній имѣетъ шансы понизиться почти въ $1^1/_2$ раза, что видно изъ сравненія соотвѣтствующихъ цифръ за 1-е и 2-е двухлѣтія. Помимо этого, множество рѣшеній не приводится въ исполненіе вслѣдствіе несостоятельности отвѣтчиковъ или вслѣдствіе ихъ отлучки: ушелъ, напримѣръ, на пріиски, нанялся куда-либо въ работники или просто, если поселенецъ, ушелъ бродяжить. Наконецъ, случаи примиренія уже послѣ записи рѣшенія въ книгу также увеличиваютъ число неисполненныхъ рѣшеній. Изъ перечисленныхъ причинъ самой серьезной является несостоятельность отвѣтчиковъ. Въ этомъ убѣждаетъ сопоставленіе $^0/_0$ неисполненныхъ рѣшеній по тяжебнымъ дѣламъ и по проступкамъ, именно:

	Число неисполненныхъ рѣшеній въ $^0/_0{}^0/_0$ къ соотвѣтствующему числу дѣлъ:	
	По тяжебнымъ дѣламъ.	По маловажнымъ проступкамъ.
За 1-е 4-хъ-лѣтіе . . .	14,8	7,7
» 2-е » . . .	34,3	21,8
Итого . .	39,1	29,5

Итакъ, относительное число неисполненныхъ рѣшеній за 1-е четырехлѣтіе по проступкамъ почти вдвое ниже соотвѣтствующаго числа по дѣламъ тяжебнымъ, а за 2-е четырехлѣтіе ниже почти въ $1^3/_4$ раза. Причиной такого превышенія является исключительно невозможность приводить въ исполненіе многія рѣшенія по тяжебнымъ дѣламъ, вслѣдствіе несостоятельности отвѣтчиковъ.

Полученный $^0/_0$ приговоровъ по дѣламъ о проступкахъ, оставшихся неисполненными къ 1 января 1891 года отъ перваго четырехлѣтія дѣятельности волостнаго суда, является вообще невысокимъ, именно—7,7 (около $^1/_{15}$ части всего

числа приговоровъ за этотъ періодъ). Но можно съ увѣренностью утверждать, что и этотъ $^0/_0$ понизился бы по крайней мѣрѣ на $^1/_3$, если бы отмѣтки въ книгахъ дѣлались тщательнѣе, такъ какъ, при энергичномъ настояніи окружнаго начальства о приведеніи въ исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ непреодолимымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи для приговоровъ можетъ служить только отлучка отвѣтчиковъ, затѣмъ ихъ болѣзнь или смерть, и наконецъ—кассація, т. е. все такіе случаи, которые на практикѣ встрѣчаются лишь въ видѣ исключеній.

Итакъ мы видѣли, какъ интенсивна и широка дѣятельность сибирскаго волостного суда; мы видѣли, что въ теченіе 8 лѣтъ въ одномъ Красноярскомъ округѣ было постановлено слишкомъ 7 тысячъ рѣшеній при участіи свыше 20 тысячъ истцовъ и отвѣтчиковъ. Дѣятельность суда въ сферѣ гражданскихъ правоотношеній затрогиваетъ самые близкіе, насущные, повседневные интересы сельскаго населенія, а въ сферѣ уголовной она налагаетъ многочисленныя кары, и притомъ такія суровыя, какъ розги. Восемь лѣтъ судебно-волостной практики успѣли выработать типъ волостного суда, установили путь, которымъ выясняется на судѣ истина. Поэтому и представляется не только въ высшей степени важнымъ, но и вполнѣ возможнымъ остановиться на вопросѣ, какимъ образомъ осуществляетъ волостной судъ свою дѣятельность, насколько соотвѣтствуетъ онъ своему назначенію—легко доступнаго и справедливѣйшаго суда, насколько, наконецъ, удовлетворяетъ требованіямъ практической справедливости обычное судебно-волостное судопроизводство, начиная съ момента принятія жалобы и кончая постановленіемъ рѣшенія или приговора. Къ возможному разрѣшенію этихъ вопросовъ на основаніи матеріаловъ по записямъ рѣшеній, отчасти—по разспросамъ мѣстнаго населенія и должностныхъ лицъ, мы теперь и перейдемъ.

II.

Чтобы подойти къ очерку дѣятельности волостныхъ судовъ по существу, т. е. съ точки зрѣнія установившихся принциповъ судопроизводства, необходимо предварительно остановиться на двухъ вопросахъ, выясненіе которыхъ для характеристики значенія судовъ представляется весьма важнымъ; первый изъ нихъ—вопросъ о подсудности, второй—о томъ, кто именно является субъектомъ, вчинающимъ передъ волостнымъ судомъ искъ, или, другими словами, кто въ дѣйствительности является иниціаторомъ судебно-волостного процесса.

Что касается подсудности, то вопросъ о томъ, какъ она фактически опредѣляется, нѣсколько выяснился при группировкахъ числа участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ по сословіямъ, и числа дѣлъ—по предметамъ разбирательства. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе и посмотримъ, какъ опредѣляется подсудность сибирскому волостному суду во 1) по роду дѣлъ, во 2) по лицамъ, принимающимъ участіе въ процессѣ, и въ 3) по мѣсту нахожденія спорнаго имущества или по мѣсту совершенія преступнаго дѣянія.

Согласно 96 ст. Общ. полож. «волостной судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ, такъ и о движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненный». Изъ установленныхъ такимъ образомъ предѣловъ подсудности тяжебныхъ дѣлъ по роду волостной судъ выходитъ чрезвычайно рѣдко: если цѣна иска иногда и превышаетъ 100 руб., то мы всегда въ книгѣ найдемъ подписки сторонъ, удостовѣряющія о согласіи послѣднихъ передать дѣло на окончательное разрѣшеніе волостного суда. Земель же, находящихся въ частной собственности, здѣсь

почти нѣтъ, а потому нѣтъ среди сельскаго населенія и споровъ о недвижимомъ имуществѣ, въ «крестьянскій надѣлъ не входящемъ». Но по займамъ очень нерѣдко обходы: кредиторъ-кулакъ, хорошо знающій предѣлы компетенціи волостного суда по тяжебнымъ дѣламъ и находящій въ то же время для себя неудобнымъ обращаться въ общія судебныя мѣста, никогда не возьметъ долговой росписки, превышающей 100 руб., а заставитъ должника написать 2 или нѣсколько росписокъ, каждая въ нѣсколько десятковъ рублей. Такой обходъ въ довольно широкихъ размѣрахъ практикуютъ скупщики хлѣба, задавая впередъ зажиточнымъ крестьянамъ иногда по нѣсколько сотъ рублей. Если въ такихъ случаяхъ должникомъ является одно лицо, то о нарушеніи подсудности, по крайней мѣрѣ—съ формальной точки зрѣнія, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но бываютъ случаи, что нѣсколько должниковъ, каждый на сумму менѣе 100 руб., даютъ одно общее обязательство, ручаясь въ исправности платежа круговой порукой; въ суммѣ такое обязательство превышаетъ предѣльную цѣну подсуднаго волостному суду иска иногда довольно значительно. Волостной судъ, принимая къ своему разсмотрѣнію иски по такимъ обязательствамъ, дѣлаетъ несомнѣнную ошибку, такъ какъ при круговой порукѣ не только всѣ отвѣчаютъ за каждаго, но и каждый за всѣхъ, и поэтому искъ формально долженъ предъявляться въ полной суммѣ всего обязательства къ каждому изъ отвѣтчиковъ. Дробленіе иска не должно бы допускаться, а между тѣмъ, только благодаря такому дробленію, не мало исковъ по артельнымъ обязательствамъ на сумму болѣе 100 руб. не могутъ быть по записямъ рѣшеній даже и констатированы. Единственная замѣченная мною запись такого рода съ полною откровенностью занесена въ книгу еловскаго волостного суда (90 г., ч. I, № 34); именно, предъявленъ искъ къ 10 отвѣтчикамъ-должникамъ, въ размѣрѣ 19 руб. къ каждому; доказательствомъ служило заемное обязательство, гарантированное круговой порукой всѣхъ 10 должниковъ. Искъ удо-

влетворенъ и рѣшеніе обжаловано не было. Однако, нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы вслѣдствіе единичныхъ фактовъ такого превышенія компетенціи волостного суда, чьи-либо интересы страдали; даже напротивъ: необходимость обращаться въ общія судебныя мѣста, соединенная съ формальностями и большой тратой времени, заставила бы кредиторовъ либо ограничить кредитъ, либо выработать такія формы послѣдняго, которыя оказались бы, несомнѣнно, тяжелѣе нынѣ существующихъ, и безъ того достаточно тяжелыхъ.

Для маловажныхъ проступковъ подсудность по роду закономъ точно не установлена; ст. 101 Общ. полож. говоритъ о маловажныхъ проступкахъ вообще, а ст. 102 опредѣляетъ максимальныя нормы наказаній за «таковые проступки»; примѣчаніе 1-е къ этой статьѣ указываетъ еще, что волостные суды «при опредѣленіи.... мѣры наказаній за маловажныя преступленія и проступки, примѣняются къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ уставѣ сельско-судебномъ для государственныхъ крестьянъ», такъ-что законъ обязываетъ волостные суды во 1-хъ) только примѣняться къ названному уставу, но отнюдь не слѣдовать ему безусловно, а во 2-хъ) примѣняться только къ резолютивной его части, т. е. при опредѣленіи мѣры наказаній, а не къ той части, которая опредѣляетъ составъ проступковъ. Вслѣдствіе этого, какъ мы видѣли выше, волостной судъ нерѣдко принимаетъ къ своему разбирательству дѣла, превышающія его компетенцію; составъ же преступнаго дѣянія по искамъ частныхъ лицъ опредѣляется на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, а по искамъ лицъ должностныхъ, главнымъ образомъ по предписаніямъ окружной администраціи,—на основаніи требованія послѣдней, какъ инстанціи для волостного суда безусловно компетентной. Что волостной судъ далеко не всегда руководствуется сельско-судебнымъ уставомъ при опредѣленіи подсудности проступковъ, достаточно видно изъ многочисленныхъ случаевъ разбирательства дѣлъ по убою животныхъ[1]);

[1]) Неподсудность такихъ дѣлъ волостному суду установлена еще въ 1871 году рѣшеніемъ Сената за № 1629.

не мало также дѣлъ по оскорбленіямъ волостныхъ старшинъ, не смотря на ст. 491, примѣч. 1, устава, повелѣвающую виновныхъ въ оскорбленіи начальниковъ или въ неповиновеніи имъ подвергать уголовному суду; частоостровскій же волостной судъ даже допустилъ примиреніе по дѣлу объ оскорбленіи старосты при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей (90 г. ч. II, 13). Аналогичный случай имѣлъ мѣсто и въ практикѣ погорѣльскаго волостного суда (87 г. ч. II, 1): отвѣтчикъ оказалъ сопротивленіе сельскому старостѣ при приведеніи послѣднимъ въ исполненіе рѣшенія волостного суда; судъ ограничился внушеніемъ—«чтобы на будущее время онъ (отвѣтчикъ) законныя требованія старосты по приведенію въ исполненіе рѣшеній волостного суда исполнялъ безпрекословно».

Должностныя лица крестьянскаго управленія, по настоянію окружной администраціи, привлекаютъ сельское населеніе весьма часто къ волостному суду за нарушеніе, какъ формулируютъ они свои требованія, «устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», или, что гораздо правильнѣе, «неисполненіе законныхъ требованій начальства». Такихъ исковъ масса; но и здѣсь подсудность по роду опредѣляется довольно шатко: напримѣръ, такой проступокъ, какъ непривязываніе собакъ или даже недосмотръ за собакой, которая, будучи привязанной, сорвалась, можетъ быть и не подлежитъ вѣдѣнію суда: наложить въ данномъ случаѣ взысканіе въ порядкѣ административномъ во власти не только мирового посредника, но даже и сельскаго старосты, а между тѣмъ отвѣтчики привлекаются къ суду цѣлыми десятками, и дѣло оканчивается 25 копѣечнымъ штрафомъ или 1—2 дневнымъ арестомъ; земскіе же засѣдатели, предписывая старшинамъ и старостамъ привлекать такихъ правонарушителей къ волостному суду, надѣятся, что послѣдній приговоритъ ихъ къ наказанію болѣе или менѣе суровому. Но такія надежды оправдываются очень рѣдко, даже относительно проступковъ болѣе серьезныхъ. Передаетъ, напримѣръ, засѣдатель на

обсужденіе волостного суда переписку о поселенцѣ Ив. З., который, «идя по улицѣ въ пьяномъ видѣ, производилъ сквернословіе публично и нарушалъ благочиніе», а потому «волостной судъ приговорилъ подвергнуть И. З. заключенію при волостной тюрьмѣ на двое сутокъ» (Еловской, 90 г., ч. II, 14). Въ другомъ случаѣ засѣдатель препровождаетъ въ волостной судъ дознаніе о неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, причемъ рекомендуетъ «наложить на виновныхъ, въ примѣръ прочимъ, самое строгое изъ предоставленныхъ волостному суду наказаній». Судъ приговариваетъ всѣхъ 3-хъ отвѣтчиковъ къ общественнымъ работамъ на 1 день (Еловская вол., 90 г., ч. II, 51). Вообще волостной судъ относится весьма сурово по такимъ искамъ только къ недоимщикамъ казенныхъ податей, приговаривая ихъ большею частію къ тѣлесному наказанію.

Итакъ, вслѣдствіе отсутствія въ законѣ положительныхъ нормъ, опредѣляющихъ подсудность волостному суду проступковъ по роду, а также вслѣдствіе отсутствія правильныхъ съ чьей бы то ни было стороны указаній, волостной судъ иногда принимаетъ къ своему разбирательству дѣла по преступнымъ дѣяніямъ, превышающимъ его компетенцію, и весьма часто—дѣла по проступкамъ настолько маловажнымъ, что они съ гораздо большимъ удобствомъ для населенія могли бы рѣшаться въ административномъ порядкѣ, безъ излишняго обремененія судей и безъ излишняго обремененія дѣлопроизводства волостныхъ правленій, достигающаго въ Сибири весьма почтенныхъ размѣровъ.

Что касается опредѣленія подсудности по лицамъ, то въ этомъ отношеніи недоразумѣнія очень рѣдки, въ особенности по дѣламъ тяжебнымъ; единственное, довольно частое нарушеніе требованія закона заключается въ томъ, что не всегда отбирается отъ разносословныхъ тяжущихся подписка въ желаніи подчиниться безпрекословно рѣшенію волостного суда; иногда такая подписка берется только отъ той изъ сторонъ, которая не принадлежитъ къ крестьянскому сословію, и почти

никогда—отъ обѣихъ сторонъ; тѣмъ не менѣе, не было ни одного случая, чтобы вслѣдствіе этого оспаривалась сила разъ рѣшеннаго волостнымъ судомъ дѣла, конечно, исключая случаи обжалованія въ законномъ порядкѣ.

Незамѣтно также, чтобы нарушались основанія подсудности по мѣсту; въ тяжебныхъ дѣлахъ—мѣсто нахожденія спорнаго имущества, а по проступкамъ—мѣсто совершенія проступка, опредѣляютъ подсудность въ каждомъ случаѣ безспорно. Если искъ по обязательству, то въ такомъ случаѣ всегда дѣйствуетъ правило: auctor forum rei sequitur. Выдающимся примѣромъ практическаго примѣненія этого правила можетъ служить рѣшеніе, записанное въ книгѣ заледѣевскаго волостного суда, ч. I, 89 г., подъ № 6: въ заледѣевскій волостной судъ Тоузовское волостное правленіе, Мокшанскаго уѣзда, препроводило для взысканія долговую росписку въ 20 руб. крестьянина Заледѣевской волости, выданную крестьянину Тоузовской волости. Отвѣтчикъ, вызванный въ судъ, хотя и отговаривался уплатой, но уплаты ничѣмъ не доказалъ, почему искъ былъ признанъ подлежащимъ удовлетворенію.

Въ общемъ выводѣ, волостной судъ, рѣшая въ каждомъ частномъ случаѣ вопросъ о подсудности, дѣлаетъ крупныя ошибки только по дѣламъ о проступкахъ, именно при опредѣленіи подсудности ихъ по роду; если же бываютъ неправильности по опредѣленію подсудности по лицамъ и по цѣнѣ иска, то эти неправильности рѣдки и практически не имѣютъ почти никакого значенія. Не опасно также и практикуемое, съ цѣлью обхода закона о предѣльной цѣнѣ иска, дробленіе одного по существу иска на нѣсколько. Нарушеній правилъ о подсудности по мѣсту, кажется, не бываетъ вовсе. Пререканій о подсудности волостной судъ не знаетъ: въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, вопросъ рѣшается окончательно земскимъ засѣдателемъ или окружнымъ присутствіемъ.

Вчинать искъ передъ волостнымъ судомъ можетъ всякій: и частное лицо, и должностное, и физическое, и юридическое,

и непосредственно, и черезъ повѣренныхъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ иниціаторомъ процесса является частное физическое лицо непосредственно; случаевъ, чтобы такое лицо дѣйствовало черезъ повѣренныхъ, весьма мало,—но и то только тогда, если истецъ не принадлежитъ къ крестьянскому сословію. Частныя лица, предъявляющія уголовный искъ, всегда являются въ разсмотрѣніи его заинтересованными лично; случаевъ возбужденія такого иска свидѣтелями (Общ. полож., ст. 103, § 3) не бываетъ, кажется, никогда. Должностныя лица, дѣйствующія ex officio, или появляются на судѣ лично, или же предоставляютъ разсматривать вчиненный ими искъ заочно; повѣренныхъ здѣсь также не бываетъ. Должностнымъ юридическимъ лицомъ, въ качествѣ иниціатора преслѣдованія, является исключительно окружное полицейское управленіе (наприм., Еловск. вол., 90 г., ч. II, 75— за праздношатательство), но непосредственно оно дѣйствуетъ весьма рѣдко, въ большинствѣ случаевъ предлагая возбудить преслѣдованіе волостному старшинѣ. Земскіе же засѣдатели вчинаютъ уголовные иски передъ волостнымъ судомъ очень часто (конечно, не непосредственно, а черезъ должностныхъ лицъ волостной, а иногда и сельской администраціи); поводомъ здѣсь служитъ или неисполненіе требованій начальства, или жалоба частнаго лица, принесенная мировому посреднику, передаваемая въ судъ уже черезъ послѣдняго, или, наконецъ,— тѣ случаи, когда засѣдатель, производящій предварительное слѣдствіе по подозрѣнію въ какомъ-либо преступленіи, изъ данныхъ слѣдствія убѣдится, что имѣетъ дѣло съ маловажнымъ проступкомъ, подсуднымъ волостному суду; напримѣръ, когда дѣло о грабежѣ окажется дѣломъ о разорванной въ дракѣ рубахѣ, «тяжкіе побои»—оскорбленіемъ дѣйствіемъ и т. п. Частнымъ юридическимъ лицомъ, въ качествѣ иниціатора иска, является или сельское общество, или управленіе золотыхъ пріисковъ. Какъ то, такъ и другое, представляется на судѣ повѣреннымъ. Послѣднимъ отъ лица общества всегда служитъ сельскій староста или его помощникъ, а отъ лица

пріисковаго управленія—его приказчикъ. Сельское общество предъявляетъ иски или къ отдѣльнымъ членамъ своимъ, напримѣръ—въ случаѣ нежеланія ихъ подчиниться раскладкѣ мірскихъ сборовъ (Сухобуз. вол., 88 г., ч. I, 58), или къ другому сельскому обществу, напримѣръ—въ случаяхъ потравы (Частоостр. вол., 90 г., ч. I, 57; одинъ изъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ появленія юридическаго лица въ качествѣ отвѣтчика, также черезъ повѣреннаго—сельскаго старосту. Аналогичный случай разбирался вознесенскимъ волостнымъ судомъ въ 1884 году (книга ч. I, № 38), когда искъ былъ предъявленъ 3-мя крестьянами къ сельскому обществу о неправильномъ дѣлежѣ общественныхъ покосовъ; судъ постановилъ обязать общество дѣлить покосы правильно). Пріисковыя же управленія ищутъ всегда съ рабочихъ (напримѣръ, Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 34; Еловск. вол., 86 г., ч. I, 234; Сухобузим. вол., 90 г., ч. I, 12 и друг.). Для того, чтобы повѣренный имѣлъ право представлять на волостномъ судѣ которую-нибудь изъ сторонъ, никакихъ формальныхъ довѣренностей не требуется; достаточно, чтобы судъ вообще убѣдился, что повѣренный дѣйствительно состоитъ таковымъ. Наконецъ, искать по обязательству послѣ смерти того лица, которому оно выдано, могутъ его ближайшіе наслѣдники; и въ данномъ случаѣ, для признанія права на вчинаніе иска, формальностей не требуется никакихъ; достаточно лишь санкціонированнаго судомъ обычая. Характернымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай: вдова ищетъ въ 1890 году долгъ по роспискѣ, выданной ея покойному мужу еще 20 іюля 1886 годъ. Вдова указываетъ, что «составу волостныхъ судей лично извѣстно, что послѣ смерти мужа она является единственной наслѣдницей». Судъ призналъ искъ правильнымъ, хотя отвѣтчикъ и отговаривался уплатой. (Вознесенск. вол., 1890 г., ч. I, 32, а).

Сами судьи въ качествѣ иниціаторовъ уголовнаго иска являются довольно часто въ тѣхъ случаяхъ, когда которая-

нибудь изъ сторонъ позволитъ себѣ во время судебнаго разбирательства какое-либо неприличіе; тогда судъ налагаетъ соотвѣтствующее взысканіе, которое и оговаривается въ рѣшеніи суда по тому дѣлу, при разборѣ котораго неприличіе имѣло мѣсто. Помимо этого, судъ беретъ на себя инициативу преслѣдованія и тогда, если во время разсмотрѣнія дѣла обнаружится какой-нибудь учиненный одной изъ сторонъ проступокъ, жалоба на который не была предметомъ искового требованія. Приведу нѣсколько наиболѣе характерныхъ случаевъ подобнаго рода: истица жалуется на оскорбленіе словами, учиненное въ пьяномъ видѣ; на судѣ состоялось примиреніе; тѣмъ не менѣе, судъ приговорилъ отвѣтчика къ общественнымъ работамъ на 1 сутки «за пьянство» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 47). Еще типичнѣе слѣдующій случай: отвѣтчикъ сначала отвергъ предъявленный къ нему долговой искъ, но потомъ, «спустя около часу», потолковавъ въ истцомъ, «самъ заявилъ суду, что долгъ признаетъ и обязывается уплатить», а «потому» судъ постановилъ: долгъ взыскать, а отвѣтчика «за недобросовѣстность и намѣреніе обмануть подвергнуть общественнымъ работамъ на трое сутокъ». (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. I, 84). О судьбѣ этого явно неправильнаго и несправедливаго приговора намъ ничего неизвѣстно. Третій случай заключается въ томъ, что истецъ жалуется на оскорбленіе дѣйствіемъ; сущность искового требованія формулируется въ записи слѣдующимъ образомъ: «ударилъ просителя и прокусилъ зубами большой палецъ лѣвой руки и щеку, чѣмъ нанесъ просителю оскорбленіе дѣйствіемъ»[1]). Во время судебнаго слѣдствія отвѣтникъ объяснилъ, что «оскорбилъ» истца потому, что послѣдній несправедливо обвинилъ его въ кражѣ 4 рогожъ. Судъ, по собственной инициативѣ, удостовѣрившись изъ свидѣтельскихъ показаній, что отвѣтчикъ дѣйствительно рогожи тайно похитилъ, постановилъ: «признавая N N виновнымъ въ нане-

[1]) Такого рода квалификація вообще не составляетъ особенной рѣдкости въ книгахъ на записку жалобъ и рѣшеній волостныхъ судовъ Восточной Сибири.

сеніи побоевъ и укушеніи пальца со щекой крестьянину П. и въ захватѣ рогожъ, наказать его 15 ударами розогъ, а рогожи отобрать и выдать по принадлежности (Заледѣевск. вол., 89 г., ч. I, 9). Наконецъ, весьма типичнымъ случаемъ иниціативы суда по возбужденію преслѣдованія служитъ слѣдующее рѣшеніе: истица жалуется, что поселенецъ N нанесъ ей «оскорбленіе дѣйствіемъ, угрозы и склонялъ на любовную связь». При разборѣ дѣла совершенно случайно оказалось, что отвѣтчикъ уже 4 года проживаетъ не на мѣстѣ причисленія и безъ вида. Судъ постановилъ: «въ искѣ, по бездоказательности, отказать, а поселенца N, за оскорбленіе истицы на судѣ словами и за проживаніе безъ письменнаго вида, употребить въ общественныя работы на 7 сутокъ». (Заледѣевск. вол., 89 г., ч. II, 7).

Направляются жалобы въ волостной судъ черезъ волостныя правленія; послѣднія, соотвѣтственно количеству жалобъ и мѣстожительству сторонъ, назначаютъ, по соглашенію съ судьями, время и мѣсто засѣданій. При огромности сибирскихъ волостей и удаленности нѣкоторыхъ селеній отъ волостного правленія, судъ, вслѣдствіе необходимости, пользуется довольно широко предоставленнымъ ему правомъ открывать свои засѣданія въ любомъ изъ селеній волости. Когда время засѣданій назначено и мѣсто ихъ опредѣлено, волостное правленіе дѣлаетъ вызовъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ—сторонъ и свидѣтелей—черезъ сельскихъ старостъ; особыхъ повѣстокъ не разсылаютъ никогда. Если кто-либо изъ сторонъ не явился, то дѣло, обыкновенно, откладываютъ. Впрочемъ, неявка истца безъ законныхъ причинъ почти всегда равносильна отказу отъ иска. Въ книгу рѣшеній такіе случаи, обыкновенно, не вносятся, и потому нѣтъ возможности прослѣдить количественную ихъ распространенность. Также не вносятся въ книгу и тѣ случаи, когда разборъ дѣла откладывается вслѣдствіе неявки отвѣтчика или кого-нибудь изъ необходимыхъ свидѣтелей. Но изъ нѣкоторыхъ записей можно усмотрѣть, что иногда заочныя

рѣшенія постановляются лишь послѣ нѣсколькихъ случаевъ откладыванія; напримѣръ, дѣло, рѣшеніе по которому записано въ книгу Заледѣевскаго волостнаго суда, 89 г. ч. I, № 24, было разсмотрѣно лишь послѣ 5-кратнаго откладыванія за неявкой отвѣтчика, по причинамъ очень сомнительной уважительности. Въ этомъ же родѣ случай заочнаго рѣшенія послѣ 4 неявокъ (Заледѣевск. вол., ч. I, 37). Иногда неявка отвѣтчика, какъ увидимъ ниже, служитъ, до извѣстной степени, доказательствомъ его дѣйствительной неправоты; иногда за неявку судъ налагаетъ на отвѣтчика штрафъ (напримѣръ, Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 8; Заледѣевская волость, 89 г., ч. I, 13) въ размѣрѣ 50 коп., примѣняясь, очевидно, къ ст. 474 сельско-судебнаго устава. Но вообще заочныя рѣшенія по тяжебнымъ дѣламъ очень рѣдки; по проступкамъ же, какъ было указано, дѣла разбираются въ отсутствіи истцовъ, наоборотъ, довольно часто, но все-таки лишь тогда, если истцы выражаютъ на это свое согласіе. Случаевъ наложенія штрафа на свидѣтелей за неявку безъ законныхъ причинъ не бываетъ; обусловливается это тѣмъ, что стороны, указывая свидѣтелей, всегда предварительно входятъ съ ними въ соглашеніе относительно желанія ихъ явиться въ судъ и давать свои показанія; если же нужный свидѣтель явиться не можетъ, то не является, въ большинствѣ случаевъ, и указавшая на него сторона; такая причина неявки считается судомъ законной.

Выяснивъ, такимъ образомъ, вопросъ о подсудности и о субъектахъ судебно-волостного процесса, другими словами— вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ, кѣмъ и къ кому можетъ предъявляться передъ волостнымъ судомъ гражданскій или уголовный искъ, перейдемъ теперь къ вопросу, при какихъ условіяхъ происходитъ самый разборъ дѣла на судѣ.

Что двери засѣданія волостного суда открыты для каждаго желающаго, явственно вытекаетъ изъ смысла ст. 104 Общ. полож., которая запрещаетъ присутствовать во время обсужденія дѣла только волостному старшинѣ и старостѣ.

Но и это единственное ограниченіе принципа гласности на практикѣ нарушается почти постоянно, тѣмъ болѣе, что доказанное присутствіе названныхъ лицъ не служитъ еще поводомъ къ кассаціи, разъ только лица эти въ производство суда не вмѣшивались. Такимъ образомъ, практика волостного суда не только не съуживаетъ принципа гласности, но, наоборотъ, даже расширяетъ его; дѣйствительно, въ засѣданіе суда можно являться кому угодно, пока дозволяютъ размѣры помѣщенія: и женщинамъ, и дѣтямъ, и лицамъ привеллигированныхъ сословій.

Статьями 105—107 устанавливаются принципы устности, состязательности и непосредственности; нарушеніе принципа состязательности (или обвинительности), въ видѣ невызова къ судебному слѣдствію которой-нибудь изъ сторонъ, прямо указывается закономъ, какъ обязательный поводъ къ кассаціи. Между тѣмъ, мы встрѣтимъ довольно часто случаи нарушенія этихъ принциповъ; только требованіе непрерывности, хотя прямо изъ закона и не вытекаетъ, тѣмъ не менѣе никогда не нарушается,—просто потому, что нѣтъ, кажется, ни одного дѣла, коего разборъ потребовалъ бы болѣе времени, чѣмъ сколько нужно для рѣшенія его за одинъ присѣстъ.

Въ томъ, что процессъ изъ устнаго обращается въ письменный, изъ обвинительнаго въ слѣдственный, что вмѣсто непосредственнаго продуцированія доказательствъ появляется передъ волостнымъ судомъ докладъ, виноваты, главнымъ образомъ, земскіе засѣдатели, передавая на разсмотрѣніе волостного суда свои «переписки» и даже цѣлыя слѣдственныя дѣла, если при дознаніи или слѣдствіи выяснится, что дѣло подсудно волостному суду. Получивши такую «переписку», въ которой нерѣдко приведены показанія допрошенныхъ подъ присягой свидѣтелей, приведены протоколы очныхъ ставокъ, осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ, выемокъ и проч., и проч., судъ даже и не осмѣливается входить въ непосредственную провѣрку такихъ авторитетныхъ для него документовъ, скрѣпленныхъ подписью и печатью такого авторитет-

наго для него лица, какъ земскій засѣдатель (онъ же мировой посредникъ, онъ же и судебный слѣдователь); и вотъ все судебное слѣдствіе ограничивается *докладомъ* этихъ документовъ волостному суду, причемъ докладчикомъ является, конечно, волостной писарь. Производитъ, напримѣръ, засѣдатель слѣдствіе о кражѣ; оказывается, что кража простая и на сумму менѣе 30 руб.; дѣло, вмѣстѣ со слѣдственнымъ производствомъ, направляется въ волостной судъ; судъ безъ вызова свидѣтелей и отвѣтчика, по докладѣ дѣла волостнымъ писаремъ, приговариваетъ подсудимаго къ 20 ударамъ розогъ (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 62). Въ такомъ же родѣ случай изъ практики еловскаго волостного суда (90 г., ч. II, 6). Также и частоостровскій судъ, при разборѣ одного дѣла въ 1884 г., записаннаго въ книгу ч. II, подъ № 24, постановилъ приговоръ на основаніи показаній 3-хъ свидѣтелей, безъ вызова ихъ въ судебное засѣданіе. Въ другомъ случаѣ судъ мотивируетъ свой приговоръ тѣмъ, «что допрошенные его высокоблагородіемъ (т. е. засѣдателемъ) свидѣтели не подтвердили нанесенія оскорбленія (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 57). Конечно, предварительное слѣдствіе, какъ единственный матеріалъ для рѣшенія дѣла, представляется въ дѣятельности волостного суда не болѣе какъ случайностью, но такихъ случайностей, къ сожалѣнію, очень не мало, и онѣ начинаютъ входить даже въ систему, въ томъ смыслѣ, что земскіе засѣдатели, а за ними и лица волостной и сельской администраціи, усвоиваютъ въ извѣстныхъ случаяхъ взглядъ на волостной судъ, лишь какъ на орудіе кары. Напримѣръ, засѣдатель предлагаетъ волостному суду *наказать* (не разобрать дѣло, а прямо наказать) поселенца К. «за побѣгъ и оставленіе на произволъ сторонникъ людей собственнаго дитя». Судъ, безъ всякаго судебнаго слѣдствія, повинуясь предложенію засѣдателя, приговорилъ К. къ розгамъ, въ количествѣ 15 ударовъ (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 1). Сказанное относится въ особенности къ случаямъ привлеченія къ отвѣтственности «за неисполненіе

законныхъ требованій начальства» и за неплатежъ податей и недоимокъ. Тогда просто составляются волостнымъ старшиною, съ участіемъ сельскаго старосты, списки неплательщиковъ или ослушниковъ, списки представляются въ судъ, и послѣдній, большею частью даже безъ провѣрки этихъ списковъ, постановляетъ приговоры (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 46, 47, 64 и 67; Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 30, 39, 55, 58 и 102; Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 23 и 61; Еловск. вол., 90 г., ч. II, 9 и 68; Сухобуз. вол., 90 г., ч., II, 12, 13, 14, 15, 95 и 99; Нахвальск. вол., 90 г., ч., II, 43, 44 и 56; Погорѣльск. вол., 90 г., ч. II, 112 и 115 и мн. друг.); да и самъ судъ смотритъ на себя въ такихъ случаяхъ только какъ на орудіе кары, что видно изъ такихъ выраженій: «волостной судъ.... прибылъ вторично въ село Подъемное *для наложенія мѣры наказанія* на нерадивыхъ плательщиковъ податей и хлѣбной недоимки» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 68); или—«слушали переданное волостнымъ правленіемъ *предписаніе* г. земскаго засѣдателя 3 уч. Красноярскаго округа отъ 17 іюля минувшаго года за № 2682 *о наложеніи взысканія* по волостному суду на тѣхъ изъ жителей волости, которые упорно уклоняются отъ повиновенія приказамъ сельскихъ старостъ и волостного правленія по содержанію въ чистотѣ и опрятности селеній» (Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 23). И вотъ, волостной судъ усвоиваетъ весьма вредный обычай—безусловно полагаться на списки «упорныхъ» и «нерадивыхъ», составляемые старостами и старшинами, отнюдь не выясняя лично путемъ, указаннымъ въ законѣ—въ ст. 103—107 Общ. полож.—являются ли всѣ поименованныя въ такихъ спискахъ лица дѣйствительно нерадивыми и упорными. Въ результатѣ выходитъ нѣчто довольно несообразное и совершенно противорѣчащее закону: выходитъ, что дѣло разсматриваютъ и рѣшаютъ сельско-волостные администраторы, а судъ только налагаетъ по ихъ указаніямъ кары. Если теперь вспомнить, что почти третья часть всего числа разсматриваемыхъ во-

лостнымъ судомъ дѣлъ по проступкамъ вчинается именно должностными лицами ex officio, то серьезное значеніе указанныхъ нарушеній, влекущихъ къ полному извращенію самой идеи суда, станетъ вполнѣ яснымъ; а между тѣмъ я не знаю факта, чтобы мировой посредникъ, въ лицѣ того же земскаго засѣдателя, или окружныя присутствія обратили вниманіе хотя бы на одинъ случай такого извращенія; даже напротивъ,—подобные случаи имѣютъ мѣсто *только* по искамъ, вчинаемыхъ должностными лицами, не исключая и земскихъ засѣдателей; по дѣламъ тяжебнымъ и по жалобамъ на проступки, поданнымъ частными лицами, я въ книгахъ 7 волостныхъ правленій, за всѣ 8 лѣтъ, не нашелъ ни одного аналогичнаго факта.

Итакъ, за исключеніемъ указанныхъ случаевъ, всѣ дѣла, согласно 105 ст. Общ. полож., «производятся на волостномъ судѣ словесно». Отступленія отъ этого принципа устности, отчасти—непосредственности, если и встрѣчаются, то вслѣдствіе необходимости, именно, когда кто-либо изъ существенныхъ свидѣтелей не можетъ, по законной причинѣ, явиться въ судъ лично. Тогда, чтобы не откладывать дѣла, практикуются слѣдующіе пріемы: во первыхъ, неявившійся свидѣтель представляется на судѣ сельскимъ старостою, черезъ котораго первый и передаетъ свои показанія (напримѣръ, Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 28; Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 35 и друг.); оффиціальное положеніе старосты является въ такихъ случаяхъ какъ бы гарантіей въ добросовѣстномъ исполненіи возлагаемой на него миссіи. Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ, староста только удостовѣряетъ показаніе неявившагося свидѣтеля, изложенное письменно (напримѣръ, Сухобузимск. вол., 88 г., ч. II, 12; Погорѣльск. вол., 90 г. ч. I, 2); иногда такое письменное показаніе дается въ присутствіи еще 2-хъ свидѣтелей, которые затѣмъ лично на судѣ подтверждаютъ его правильность (Сухобуз. вол., 90 г., ч. I, 77). Наконецъ, если засѣданіе происходитъ въ мѣстѣ жительства свидѣтеля, то послѣдній допрашивается на дому

самимъ судомъ, въ полномъ составѣ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 12); впрочемъ, изъ такихъ случаевъ весьма послѣдовательнаго проведенія принциповъ устности и непосредственности мнѣ извѣстенъ только одинъ. Помимо описанныхъ случаевъ устнаго или письменнаго изложенія передъ волостнымъ судомъ показаній неявившагося свидѣтеля, очень часто читаются различные акты и протоколы осмотровъ, составленные сельскими старостами въ присутствіи понятыхъ, сопровождающіе почти всѣ дѣла о кражахъ или «самовольномъ захватѣ имущества»; но для подтвержденія правильности изложеннаго въ протоколѣ всѣ присутствовавшіе при его составленіи лица появляются, обыкновенно, на судѣ, въ качествѣ свидѣтелей. Иногда, въ дѣлѣ о нанесеніи побоевъ фигурируетъ протоколъ медицинскаго освидѣтельствованія, если, конечно, по дѣлу, до передачи его въ волостной судъ, производилось земскимъ засѣдателемъ слѣдствіе (напримѣръ, Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 34; Нахвальск. вол., 90 г., ч. II, 39; Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 78 и друг.). Разумѣется, появленіе на волостномъ судѣ такихъ документовъ не можетъ признаваться явленіемъ нормальнымъ и согласнымъ съ закономъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на сравнительную многочисленность случаевъ, никто на нихъ не обращаетъ никакого вниманія.

Что касается порядка судебнаго слѣдствія, то въ этомъ отношеніи практика волостныхъ судовъ не выработала никакихъ опредѣленныхъ правилъ; въ огромномъ большинствѣ случаевъ характеръ судебнаго разбирательства гораздо ближе къ полному безпорядку, нежели къ порядку. Но все-таки дѣло всегда начинается съ изложенія истцомъ своего требованія; изложеніе, обыкновенно, перебивается возраженіями отвѣтчика, и тутъ же происходитъ продуцированіе разныхъ доказательствъ,—допросъ свидѣтелей, разсмотрѣніе письменныхъ документовъ и т. п.

Вопросъ о системѣ доказательствъ, о способахъ ихъ провѣрки и оцѣнки, конечно, является центральнымъ при раз-

смотрѣніи любой судебной организаціи; не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія и волостной судъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я останавливаюсь на этомъ вопросѣ съ возможной подробностью.

Нѣтъ, кажется, такого способа или пріема, къ которому не прибѣгаютъ стороны для доказательства своей правоты, а судьи — для выясненія истины и постановки рѣшенія. Укажемъ, прежде всего, что множество дѣлъ рѣшается просто на основаніи объясненія сторонъ; затѣмъ нерѣдко имѣетъ мѣсто въ качествѣ доказательства или, вѣрнѣе, обстоятельства, устраняющаго необходимость въ доказываніи, признаніе (или сознаніе). Объясненіямъ сторонъ, съ цѣлью выясненія ихъ правоты, помогаетъ еще производимый на судѣ разсчетъ, въ которомъ дѣятельное участіе принимаютъ и сами судьи; также сплошь и рядомъ предъявляются росписки и всевозможныя другія письменныя доказательства; о свидѣтельскихъ же показаніяхъ и говорить нечего. Появляются иногда и вещественныя доказательства, дѣлается ихъ сличеніе, приглашаются свѣдущіе люди, производятся удостовѣренія, осмотры и дознанія на мѣстѣ, также дознанія черезъ окольныхъ людей. Наконецъ, какъ уже было указано, по большинству исковъ, вчинаемыхъ должностными лицами, доказательствомъ служатъ разныя «дѣла» и «переписки» или же дѣло обходится безъ доказательствъ вовсе,—даже безъ всякаго судоговоренія.

Чтобы опредѣлить количественную распространенность пользованія разными способами доказыванія, въ смыслѣ основанія для постановки рѣшенія, приводится таблица, составленная по выборкамъ изъ всѣхъ книгъ 7 волостныхъ судовъ округа за 1890 годъ.

	ЧИСЛО СЛУЧАЕВЪ:		
	По тяжебнымъ дѣламъ.	По маловажнымъ проступкамъ.	Итого.
1) Свидѣтельскія показанія и показанія свѣдущихъ людей	102	263	365

2) Разныя дѣла, переписки и вообще «указанія» (по искамъ должностныхъ лицъ).	»	210	210
3) Объясненіе сторонъ и произведенный на судѣ разсчетъ	118	74	192
4) Признаніе (или сознаніе) .	121	16	137
5) Долговыя росписки . . .	114	»	114
6) Разные другіе письменные документы.	48	6	54
7) Разные протоколы и акты— осмотровъ, освидѣтельствованій и проч.	8	28	36
8) Осмотры или дознанія на мѣстѣ	4	»	4
9) Дознаніе черезъ окольныхъ людей	2	1	3
10) Вещественныя доказательства	»	3	3
Итого	517	601	1118[1])

Остановимся теперь на опредѣленіи значенія и обычныхъ способовъ пользованія каждымъ изъ перечисленныхъ видовъ доказательствъ.

1) *Показанія свидѣтелей*, какъ матеріалъ для рѣшенія дѣла, играютъ въ практикѣ красноярскаго волостного суда самую видную роль—и въ тяжебныхъ дѣлахъ, и въ дѣлахъ по проступкамъ: по первымъ имъ принадлежитъ 19,7% всего числа случаевъ, а по вторымъ—43,8%. Кто можетъ быть свидѣтелемъ на волостномъ судѣ, закономъ не указывается, такъ-что никакихъ ограниченій въ этомъ отношеніи быть не должно, тѣмъ болѣе, что свидѣтели допрашиваются безъ присяги, и судъ воленъ оцѣнивать ихъ показанія, не стѣсняясь никакими обязательными постановленіями. Между тѣмъ бываютъ случаи отвода свидѣтелей: напримѣръ, зале-

[1]) Число это потому больше общаго числа дѣлъ за соотвѣтствующій годъ, что по нѣкоторымъ дѣламъ за основаніе для рѣшенія принимались 2 и даже 3 вида доказательствъ.

дѣевскій волостной судъ (89 г., ч. II, 6) нашелъ уважительнымъ предъявленный отвѣтчикомъ отводъ къ 1 изъ 3-хъ свидѣтелей потому, что онъ «кумъ просительницы». Въ другомъ случаѣ волостной судъ (Нахвальск. вол., 85 г., ч. II, 8) по собственной иниціативѣ (что уже совершенно незаконно) устранилъ отъ допроса двухъ свидѣтелей на томъ основаніи, что они «ближайшіе родственники отвѣтчика». Но такіе случаи очень рѣдки, и судъ вообще допускаетъ свидѣтельскія показанія въ размѣрахъ чрезвычайно широкихъ и при всевозможныхъ условіяхъ. Прежде всего (за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ отвода) никакихъ личныхъ ограниченій права являться въ качествѣ свидѣтелей нѣтъ: это право принадлежитъ и женщинамъ, и малолѣткамъ, и лицамъ привеллегированныхъ сословій; напримѣръ, въ числѣ 3 свидѣтелей является 1 священникъ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 116); въ другой разъ по дѣлу о брани самыми непристойными словами даетъ показаніе 10-лѣтній мальчикъ (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 19; въ этомъ же родѣ и № 115); въ одномъ дѣлѣ о кражѣ свидѣтелями были 5 мальчиковъ (Частоостровск. вол., 84 г., ч. II, 25). Затѣмъ, кромѣ свидѣтелей факта очень нерѣдко выступаютъ свидѣтели доброй или худой славы—нѣчто въ родѣ древне-русскихъ «по́слуховъ» или древне-римскихъ infamatores et probatoros (вообще—conjuratores). Въ большинствѣ случаевъ показанія такихъ свидѣтелей самостоятельнаго значенія не имѣютъ, но ихъ роль, въ смыслѣ усиленія разныхъ другихъ доказательствъ, довольно видная; напримѣръ, въ судъ являются два свидѣтеля, которые указываютъ, что отвѣтчикъ «пользуется вообще весьма дурной репутаціей» (Еловск. вол., 90 г., ч. II, 61). Въ другомъ случаѣ, «судъ, имѣя въ виду, что за означенный проступокъ отвѣтчикъ долженъ подлежать тѣлесному наказанію», но, «принимая во вниманіе примѣрную жизнь его», подтвержденную бывшими на судѣ свидѣтелями и «лично суду извѣстную», постановилъ арестовать его на три дня (Частоостровск. вол., 90 г., ч. II, 45). Можно ука-

зать еще на случаи, когда явившіеся въ судъ 5 человѣкъ «общественниковъ» и сельскій староста подтвердили, что отвѣтчикъ «дѣйствительно постоянно пьянствуетъ и расточаетъ имущество» (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 154), или — когда 3 свидѣтеля «подтвердили, что отвѣтчикъ во всѣхъ отношеніяхъ дерзкій» (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 2) [1]). Нерѣдки также случаи, что волостной судъ выслушиваетъ и принимаетъ во вниманіе показанія свидѣтелей, не указанныхъ сторонами, а присутствующихъ на судѣ случайно; иногда такія показанія являются довольно существенными, оказывая на исходъ дѣла почти рѣшающее вліяніе. Напримѣръ, отвѣтчикъ, сознаваясь, что дѣйствительно нанесъ истцу оскорбленіе, заявляетъ, что былъ вызванъ на это самимъ же истцомъ, «что подтвердили бывшіе на судѣ сельскій староста и нѣсколько человѣкъ общественниковъ, а потому — жалобу оставить безъ послѣдствій» (Сухобузимск. вол., 88 г., ч. II, 33). Въ другомъ случаѣ, жалобу истицы на жестокое обращеніе съ ней свекрови подтвердили, кромѣ двухъ свидѣтелей, и «другіе жители вообще», присутствовавшіе на судѣ совершенно случайно (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 68). Тотъ же судъ, уже по тяжебному дѣлу, «по собраніи свѣдѣній отъ общественниковъ», бывшихъ на судѣ, убѣдился въ справедливости иска (90 г. ч. I, 88; въ этомъ же родѣ — Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 120; Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 31; Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 32 и 156, и мн. друг.). Наконецъ, въ роли свидѣтелей выступаютъ и сами судьи, въ особенности, когда рѣчь идетъ о выясненіи репутаціи которой-либо изъ сторонъ. Судьи, конечно, такіе же общественники, какъ и всѣ прочіе; не могутъ они вполнѣ отрѣшиться отъ того, что всѣ знаютъ, и требовать отъ нихъ рѣшенія дѣла исключительно на основаніи того, что они увидятъ и услышатъ на судѣ, едва ли возможно. Но съ другой

[1]) Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ и случаяхъ, имъ аналогичныхъ, свидѣтели подтверждаютъ *только* добрую или худую славу, отнюдь не подтверждая факта; въ этомъ-то отношеніи ихъ присутствіе на волостномъ судѣ и является характернымъ.

стороны, нельзя признавать правильнымъ, чтобы судъ рѣшалъ дѣла *единственно* на основаніи того, что сами судьи узнали внѣ суда, а между тѣмъ подобные случаи бываютъ: напримѣръ, заледѣевскій волостной судъ мотивируетъ одно изъ своихъ рѣшеній слѣдующимъ образомъ: «волостной судъ, зная самолично неодобрительное поведеніе Пр. Б. (истицы) и что она по уходѣ отъ мужа своего вела жизнь развратную, постановилъ: въ жалобѣ Пр. Б. отказать, а ее за неприличное выраженіе на судѣ и вообще за неодобрительное поведеніе подвергнуть общественнымъ работамъ на 5 дней» (90 г., ч. II, 19). Въ этомъ случаѣ совмѣщаются въ однихъ лицахъ инициаторы иска и свидѣтели, и судьи; рѣшеніе было присутствіемъ отмѣнено; но, разсмотрѣнное вторично, окончилось тѣмъ же и было приведено въ исполненіе. Аналогичный случай изъ практики того же суда заключается въ слѣдующемъ: истица М. жалуется на отвѣтчика Т., что онъ разбилъ въ ея домѣ стекла съ цѣлью къ ней войти. Свидѣтелей не было и другихъ доказательствъ также нѣтъ никакихъ. Отвѣтчикъ взводимое на него обвиненіе отрицаетъ. Но волостной судъ, «зная, по убѣжденію, что Т. (отвѣтчикъ) по поведенію своему способенъ на подобный скандалъ, а также зная, что вдова М. (истица) не отличается хорошимъ поведеніемъ и сама даетъ поводъ къ скандаламъ, пуская въ домъ свой молодыхъ людей», приговорилъ: отвѣтчика къ общественнымъ работамъ на 2 дня, а истицу—на 3 (90 г., ч. II, 70).

Кромѣ свидѣтелей факта или репутаціи, передъ волостнымъ судомъ являются иногда и свѣдущіе люди. Прибѣгаетъ судъ къ экспертизѣ для уясненія, главнымъ образомъ, какихъ-либо записей или отмѣтокъ; если, напримѣръ, въ качествѣ доказательства появляются такъ называемые «пастущьи описки», то свѣдущимъ человѣкомъ бываетъ пастухъ; торговыя книги—какой-нибудь лавочникъ или приказчикъ; книги по хлѣбозапаснымъ магазинамъ—магазинный писарь или вахтеръ со своими рубежами и бирками. Но о

появленіи такихъ свѣдущихъ людей записи рѣшеній почти никогда не упоминаютъ, считая, очевидно, ихъ разъясненія имѣющими совершенно частный характеръ и до существа дѣла не относящимися. Единственный извѣстный мнѣ случай отмѣченный записью сторонней экспертизы имѣлъ мѣсто въ практикѣ вознесенскаго волостного суда, когда былъ призванъ въ судъ лавочникъ для удостовѣренія тождества украденной вещи (90 г., ч. II, 49). По искамъ же о вознагражденіи за вредъ и убытки, при опредѣленіи размѣровъ послѣднихъ, въ качествѣ свѣдущихъ людей, выступаютъ почти всегда сами судьи (напримѣръ, Частоостр. вол., 90 г., ч. I, 70; Погорѣльск. вол., 90 г., ч. I, 13; Суховузинск. вол., 88 г., ч. I, 75, и мн. друг.).

Принимаетъ волостной судъ свидѣтельскія показанія въ доказательство любого факта и оцѣниваетъ ихъ единственно по внутреннему своему убѣжденію, не стѣсняясь никакими формальностями. Такой способъ оцѣнки доказательствъ имѣетъ особенное значеніе при разсмотрѣніи исковъ по долговымъ обязательствамъ; свидѣтельскія показанія принимаются здѣсь и въ доказательство существованія долга, при отсутствіи удостовѣряющаго его наличность письменнаго документа, и въ доказательство уплаты долга, при наличности такого документа. Для иллюстраціи приведемъ слѣдующіе примѣры: отвѣтчикъ предъявленный къ нему безъ всякаго документа долговой искъ отрицаетъ; но выставленные истцомъ 2 свидѣтеля показали, что слышали, какъ отвѣтчикъ при нихъ сознавался, что долженъ. Судъ рѣшилъ—взыскать (Еловск. вол., 90 г., ч. I, 18; тоже, самое—Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 6; Заледѣевск. вол., 89 г., ч. I, 10 и друг.). Однако, въ другомъ, формально точно такомъ же случаѣ, въ искѣ было отказано, «такъ какъ свидѣтели не были очевидцами, когда С. (отвѣтчикъ) получалъ отъ З. (истца) деньги» (Погорѣльск. вол., 87 г., ч. I, 18); между тѣмъ тотъ же Погорѣльскій волостной судъ присуждаетъ взыскать 36 р. 54 к. только на основаніи показанія одного свидѣтеля, который слышалъ,

какъ отвѣтчикъ говорилъ «долженъ, не спорю, но отдамъ не скоро», даже безъ указанія размѣровъ долга (90 г., ч. I, 6). Принимаются также свидѣтельскія показанія въ доказательство суммы долга, при неотрицаніи его существованія (напримѣръ, Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 1; Сухобузимск. вол., 90 г., ч. I, 40), и, наконецъ, въ доказательство уплаты долга, при наличности долговой росписки (напримѣръ, Частоостр. вол., 84 г., ч. I, 2). При такой обычной системѣ оцѣнки доказательствъ, странно встрѣтить отказъ въ удовлетвореніи жалобы, при одномъ свидѣтелѣ, «какъ необставленной полными, требуемыми закономъ (?) доказательствами» (Частоостр. вол., 90 г., ч. II, 15). Другой случай чрезвычайно своеобразной оцѣнки свидѣтельскаго показанія замѣченъ мною также въ записяхъ рѣшеній частоостровскаго волостного суда (90 г., ч. I, 41), именно, когда судъ мотивировалъ отказъ въ искѣ, подтвержденномъ 1 свидѣтелемъ, тѣмъ, что «показаніе его (свидѣтеля), какъ единичное, не можетъ служить никакимъ доказательствомъ». Но надо думать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ мотивировка явилась слѣдствіемъ просто неудачной редакціи записи, а не слѣдствіемъ убѣжденія суда, такъ какъ никакими законами волостной судъ при оцѣнкѣ доказательствъ никогда не руководствуется и на основаніи единичныхъ свидѣтельскихъ показаній дѣла рѣшаются сплошь и рядомъ.

2) *Письменные документы*, въ качествѣ доказательствъ, появляются на волостномъ судѣ весьма часто и всевозможные, особенно по тяжебнымъ дѣламъ: въ общемъ числѣ всѣхъ доказательствъ по такимъ дѣламъ въ 1890 году письменные документы составляли 31,3%. Изъ нихъ самые распространенные—долговыя росписки (22% всей суммы доказательствъ). Въ числѣ другихъ документовъ встрѣчаются всевозможные сдѣлки и договоры, разныя книги—податныя, магазинныя, «торговыя», встрѣчаются «раздѣльные акты», «уступныя письма», завѣщанія и проч. Безспорныхъ письменныхъ доказательствъ волостной судъ не признаетъ и при

оцѣнкѣ ихъ руководствуется также точно внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, граничащимъ съ полнымъ произволомъ, какъ и при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній. Крайнимъ примѣромъ такого отношенія къ письменному документу можетъ служить слѣдующій случай: въ доказательство долга въ 17 руб. предъявляется росписка. Отвѣтчикъ, признавая подлинность послѣдней, отрицаетъ въ то же время фактъ полученія имъ денегъ, «не зная» и не «помня» при какихъ обстоятельствахъ и «почему» онъ росписку подписалъ. Доказательствъ ни съ той, ни съ другой стороны больше никакихъ. Истецъ во время судоговоренія припоминаетъ отвѣтчику, при какихъ обстоятельствахъ послѣдній получилъ отъ него деньги и указываетъ, между прочимъ, что 3 руб. внесены въ росписку за взятое отвѣтчикомъ вино. Судъ постановляетъ: признать росписку недѣйствительной и въ искѣ отказать, такъ какъ въ росписку включены 3 руб., которые отвѣтчикъ, по признанію самого истца, долженъ ему за вино, а въ роспискѣ сказано «наличными деньгами» (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 43). Впрочемъ, такой случай оцѣнки письменнаго документа «по внутреннему убѣжденію», кажется, единственный. Но если судъ о предъявленномъ письменномъ документѣ иного мнѣнія, то можно встрѣтить слѣдующую мотивировку, совершенно несообразную съ обычной практикой волостного суда: «признавая искъ, какъ основанный на письменномъ доказательствѣ, безспорнымъ»,—удовлетворить его (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 59).

3) При оцѣнкѣ правильности иска въ тѣхъ случаяхъ, когда судебное слѣдствіе ограничивается только *объясненіями сторонъ*, безъ продуцированія какихъ-либо доказательствъ, судъ уже совершенно ничѣмъ не стѣсняется, карая и милуя, присуждая и отказывая, единственно по собственному своему усмотрѣнію. Такихъ случаевъ, гдѣ основаніемъ для постановки рѣшенія служили объясненія сторонъ, было въ 1890 году всего 175 или 15,$_{7}$% суммы всѣхъ случаевъ (по тяжебнымъ дѣламъ—19,$_{6}$%, а по проступкамъ—12,$_{3}$%). Объ-

ясненія сторонъ по тяжебнымъ дѣламъ имѣютъ, главнымъ образомъ, характеръ спора о какомъ-нибудь принципіальномъ вопросѣ обычнаго права, разрѣшеніе котораго должно повести къ тѣмъ или инымъ послѣдствіямъ для спорящихъ сторонъ; таковы, напримѣръ, споры о правѣ наслѣдованія при коллизіи нѣсколькихъ наслѣдниковъ, споры о раздѣлѣ имущества, о правѣ пользованія земельнымъ угодьемъ и мн. друг. Въ такихъ случаяхъ истецъ излагаетъ свое требованіе, отвѣтчикъ приводитъ свои возраженія, а судъ, согласившись съ мнѣніемъ того или другого, постановляетъ соотвѣтствующее рѣшеніе. Останавливаться на вопросѣ о томъ, насколько волостной судъ отвѣчаетъ при такихъ тяжбахъ своему назначенію—быть носителемъ и толкователемъ народныхъ обычаевъ, я не буду, такъ какъ иначе пришлось бы далеко уйти въ область матеріальнаго обычнаго права, а это совершенно не входитъ въ число задачъ настоящаго очерка. Ограничусь только общимъ замѣчаніемъ, что въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, личный составъ суда имѣетъ важнѣйшее значеніе. Что же касается дѣлъ по проступкамъ, то здѣсь суду, обыкновенно, приходится изъ объясненія сторонъ убѣждаться, кто правъ и кто виноватъ, безъ всякихъ другихъ хотя бы подспорныхъ доказательствъ. Но судъ не всегда, однако, придерживается въ такихъ случаяхъ рекомендуемаго ст. 443 сельско-судебнаго устава правила, что «лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели приговорить къ оному одного невиннаго». Достаточнымъ доказательствомъ, помимо нѣсколькихъ приведенныхъ выше, можетъ служить еще и слѣдующій примѣръ: крестьянка С. жалуется на крестьянина Ф. въ томъ, что послѣдній, нанявъ ее къ себѣ въ стряпки, «склонялъ къ любовной связи», а такъ какъ она не соглашалась, то нанесъ ей оскорбленіе дѣйствіемъ. Отвѣтчикъ, сознаваясь въ желаніи склонить истицу къ любовной связи, оскорбленіе дѣйствіемъ отрицалъ. Доказательствъ ровно никакихъ. Судъ постановилъ: «хотя Ф. и отказывается отъ, нанесенія оскорбленія С., но

не отвергаетъ того, что склонялъ ее къ любовной связи, чѣмъ даетъ поводъ *къ подозрѣнію* въ совершеніи оскорбленія С., *а потому* ... крестьянина Ф. *за оскорбленіе* С. подвергнуть аресту на 1 сутки» (Сухобузим. вол., 90 г., ч. II, 47; совершенно въ такомъ же родѣ и рѣшеніе № 49).

4) Довольно большое число тяжебныхъ дѣлъ рѣшается безъ всякихъ доказательствъ единственно на основаніи того, что искъ *признается* отвѣтчикомъ правильнымъ (23,4% всего числа случаевъ). Чаще всего признаніе имѣетъ мѣсто при мелкихъ долговыхъ искахъ (безъ письменнаго документа), когда отвѣтчикъ, признавая искъ правильнымъ, отказывается отъ уплаты по своей несостоятельности вообще или по неимѣнію средствъ въ данный моментъ. Въ дѣлахъ по простудкамъ признаніе своей вины гораздо рѣже (2,7% всего числа случаевъ); здѣсь отвѣтчикъ, наоборотъ, не хочетъ часто сознаться, даже при наличности несомнѣнныхъ уликъ.

Признаніе волостной судъ безусловно всегда и по всѣмъ дѣламъ считаетъ доказательствомъ безспорнымъ и не подлежащимъ никакой провѣркѣ; если даже признаніе учинено внѣ судебнаго засѣданія, то, доказанное свидѣтелями, оно почитается одинаково безспорнымъ. Судъ никогда не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса, не было ли признаніе вынужденнымъ, не явилось ли оно слѣдствіемъ желанія взять на себя чужую вину, или слѣдствіемъ желанія хвастнуть и т. п. Но все сказанное относится лишь къ тѣмъ случаямъ, если признаніе касается всего иска — цѣликомъ; если же признается только какая-либо часть иска, то судъ входитъ въ разсмотрѣніе остальной части послѣдняго, оставшейся непризнанной, при чемъ, при оцѣнкѣ ея правильности, также руководствуется исключительно своимъ убѣжденіемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: истица, безъ свидѣтелей и документовъ, ищетъ слѣдуемые ей за работу 5 руб. и 2 п. 10 ф. хлѣба. Отвѣтчикъ признаетъ себя должнымъ только 2 руб., возражая, что остальные уплатилъ. Такъ какъ отвѣтчикъ «никакихъ доказательствъ въ уплатѣ остальныхъ денегъ не пред-

ставилъ», то хотя истица ничѣмъ не доказала долга, тѣмъ не менѣе судъ—«по убѣжденію»—присудилъ удовлетворить истицу сполна (Сухобуз. вол., 88 г., ч. I, 11). Въ другомъ случаѣ, наоборотъ: отвѣтчикъ на судѣ долгъ отрицаетъ; свидѣтель показываетъ, что слышалъ, какъ отвѣтчикъ при разговорѣ съ истцомъ сознавался, говоря: «я долженъ тебѣ не 22 руб., а 15 руб.». Судъ призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію въ размѣрѣ 15 руб. (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 69). А вотъ и еще случай, уже при наличности росписки: росписка на 24 руб., отвѣтчикъ признаетъ за собой только 16 руб., указывая, что остальные проценты. Не смотря на протестъ истца, судъ присудилъ въ его пользу только 16 руб. (Вознесенск. вол., 90 г., ч. , 52).

Что волостной судъ присуждаетъ иногда болѣе, чѣмъ признаетъ отвѣтчикъ, то въ этомъ, конечно, удивительнаго нѣтъ ничего; но если онъ присуждаетъ менѣе признаннаго, то такіе факты заслуживаютъ особаго вниманія. Укажу на одинъ изъ нихъ (единственный мнѣ извѣстный): истецъ ищетъ за пропавшую по неосторожности отвѣтчика бобровую шапку 7 руб.; отвѣтчикъ, находя, что 7 руб. много, предлагаетъ 5 руб. Судъ рѣшилъ «грѣхъ пополамъ», такъ какъ за шапкой долженъ былъ смотрѣть и ея хозяинъ, а потому взыскать въ пользу истца только 3 р. 50 к. (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 78).

Признаніе, разъ учиненное, безповоротно, все равно—было ли оно учинено на судѣ или внѣ суда. Безповоротно не только признаніе прямое, но и косвенное; напримѣръ, предъявленъ искъ о вознагражденіи за утери; отвѣтчикъ виновнымъ себя не признаетъ, а доказательствъ истецъ никакихъ представить не можетъ. Судъ предлагаетъ сторонамъ помириться; отвѣтчикъ выражаетъ согласіе вознаградить истца въ размѣрѣ 5—6 и 7 руб. въ послѣдовательномъ порядкѣ; косвенно, такимъ образомъ, признавая искъ правильнымъ, но затѣмъ онъ отъ всего отказывается. Тѣмъ не менѣе, судъ присуждаетъ взыскать 7 рублей (Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 40).

5. *Вещественныя доказательства* появляются на волостномъ судѣ очень рѣдко, и то исключительно въ дѣлахъ о кражахъ. Самостоятельнаго значенія они не имѣютъ никогда, сопровождая лишь составленныя сельскими старостами въ присутствіи понятыхъ различные акты и протоколы— осмотровъ, обысковъ, выемокъ, сличеній и т. п.

6. Останавливаться на значеніи такихъ актовъ и протоколовъ въ смыслѣ основанія для постановки рѣшенія, а также на разныхъ «дѣлахъ», «перепискахъ», «предписаніяхъ» и вообще указаніяхъ должностныхъ лицъ мы не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ достаточно выяснился изъ предыдущаго изложенія; перейдемъ къ вопросу о провѣркѣ доказательствъ путемъ *осмотровъ на мѣстѣ и дознанія черезъ окольныхъ людей.*

Насколько волостной судъ исполняетъ устанавливаемое ст. 106 Общ. полож. правило—провѣрку доказательствъ производить не иначе, какъ по просьбѣ тяжущихся, съ точностью выяснить изъ записей рѣшеній нельзя; но есть основанія думать, что и здѣсь судъ далеко не вполнѣ отказывается отъ личной иниціативы. Напримѣръ: «волостной судъ нашелъ необходимымъ просить о разъясненіи этого спора (о раздѣлѣ имущества) съ общественниковъ с. Маганскаго, не давая вѣры ни той, ни другой сторонѣ». (Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 5). Во всякомъ случаѣ, факты производимыхъ волостнымъ судомъ дознаній и осмотровъ на мѣстѣ чрезвычайно малочисленны (всего 7 при 1082 рѣшенныхъ въ 1890 г. дѣлъ); прибѣгать къ такому способу провѣрки доказательствъ судъ не любитъ, а если и прибѣгаетъ, то исключительно тогда, если можетъ это сдѣлать въ мѣстѣ своего засѣданія. Формальностей никакихъ при этомъ не соблюдается, и никакихъ выработанныхъ обычаемъ пріемовъ также не существуетъ. Если встрѣчается необходимость въ провѣркѣ доказательствъ не въ мѣстѣ засѣданія суда, то послѣдній поручаетъ таковую сельскому старостѣ, что, разумѣется, незаконно (напримѣръ—Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 15).

Къ осмотрамъ на мѣстѣ волостные суды прибѣгаютъ исключительно по дѣламъ тяжебнымъ, напримѣръ—когда нужно провѣрить правильность передѣла угодій (Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 168) или опредѣлить положеніе и измѣрить спорный участокъ земли (Частоостр. вол., 90 г., ч. 1, 35), или, наконецъ, привести въ извѣстность и опредѣлить стоимость такого имущества, какъ домъ, скотъ, земледѣльческія орудія и проч., при спорахъ о его раздѣлѣ или о правѣ собственности. (Вознесенск. вол., 83 г., ч. I, 177). Дознаніе же черезъ окольныхъ людей производится съ цѣлью выясненія, главнымъ образомъ, нравственной личности тяжущихся или съ цѣлью опредѣлить родъ и характеръ ихъ частной жизни; таковы случаи дознанія на мѣстѣ по жалобѣ жены на жестокое обращеніе съ ней мужа (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 48) и по частной жалобѣ на неодобрительное поведеніе и раззореніе хозяйства (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 22). Вообще, къ провѣркѣ доказательствъ на мѣстѣ значительно чаще другихъ прибѣгаетъ вознесенскій волостной судъ, надо думать—единственно потому, что Вознесенская волость самая разбросанная и большая, вслѣдствіе чего волостной судъ открываетъ здѣсь свои засѣданія не въ волостномъ селѣ гораздо чаще, нежели это практикуется въ другихъ волостяхъ.

7. Для полноты обзора разныхъ видовъ и способовъ доказыванія, въ связи съ обычной системой оцѣнки ихъ, слѣдуетъ нѣсколько остановиться еще на нѣкоторыхъ такихъ фактахъ, которые, не будучи сами по себѣ доказательствами, имѣютъ, тѣмъ не менѣе, иногда довольно серьезное вліяніе на постановку того или иного рѣшенія. Выше уже выяснилось, какъ сильно можетъ вліять на исходъ дѣла неодобрительное поведеніе или вообще плохая ренутація кого-либо изъ тяжущихся. Но если къ этому присоединяется еще какое-нибудь подозрительное обстоятельство, въ родѣ, напримѣръ, молчанія, неявки въ судъ или прежней судимости, то въ совокупности то и другое оказываетъ на исходъ дѣла уже рѣ-

шительное вліяніе. Напримѣръ, истица приноситъ жалобу на крестьянина Е. Р. въ томъ, что онъ вылилъ ей на голову помои. Единственный свидѣтель, сельскій староста, заявилъ суду, что «шуму не слыхалъ никакого, но предупредилъ, что отвѣтчикъ Е. Р. довольно недобросовѣстный и въ высшей степени буянъ, и кромѣ того 3 раза были посланы повѣстки на имя его изъ заледѣевскаго волостнаго правленія, а онъ на таковыя не являлся до тѣхъ поръ, когда былъ посланъ за нимъ нарочный, что вполнѣ извѣстно волостному суду, *а потому* судъ постановилъ: крестьянина Е. Р. подвергнуть при волостной тюрьмѣ аресту на 3 дня, взыскавъ съ него прогоны нарочному въ суммѣ 50 копѣекъ». (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 22). Конечно, очень рѣдки записи, изъ которыхъ явственно было бы видно, насколько въ основаніе рѣшенія положены такія улики, какъ дурная репутація, прежняя судимость, уклоненіе отъ явки въ судъ и нежеланіе отвѣчать на вопросы суда; но что обстоятельства эти имѣютъ въ глазахъ судей весьма серьезное значеніе, достаточно видно изъ того, что всѣ упоминающія о нихъ записи, а такихъ записей множество, всегда подчеркиваютъ ихъ и выдвигаютъ чуть ли не на первый планъ.

Разсмотрѣвъ различные виды продуцируемыхъ передъ волостнымъ судомъ доказательствъ, равно какъ и способы ихъ оцѣнки, перейдемъ теперь къ заключительной стадіи судебно-волостного процесса, именно къ постановкѣ рѣшенія или приговора. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ вся задача суда сводится здѣсь къ тому, чтобы на основаніи требованій истца и возраженій отвѣтчика сказать «да» или «нѣтъ», т. е. признать искъ правильнымъ или въ искѣ отказать. При этомъ въ дѣлахъ тяжебныхъ приходится рѣшить еще, въ какой степени искъ подлежитъ удовлетворенію, а въ дѣлахъ по проступкамъ,—въ какой степени отвѣтчикъ виноватъ, чтобы наложить на него соотвѣтствующее винѣ наказаніе. Чѣмъ руководствуется и какъ поступаетъ волостной судъ въ такихъ именно случаяхъ, доста-

точно выяснилось изъ предыдущаго изложенія; поэтому, остановимся теперь на такихъ только рѣшеніяхъ, гдѣ судъ не ограничивается однимъ «да» или «нѣтъ», а идетъ дальше, выдвигая въ основаніе рѣшенія нѣкоторые процессуально-правовые обычаи, иногда весьма оригинальные. Укажемъ прежде всего на распространенный обычай постановлять альтернативныя рѣшенія, когда волостной судъ, признавая искъ правильнымъ и, стало быть, подлежащимъ удовлетворенію, присовокупляетъ, что въ случаѣ, если отвѣтчикъ уклонится отъ исполненія присужденнаго, то онъ долженъ быть подвергнутъ такому то наказанію. Напримѣръ, пахвальскій волостной судъ внушаетъ недоимщику, «чтобы онъ въ мѣсячный срокъ внесъ» недоимку, «въ противномъ случаѣ —подвергнуть его 15 ударамъ розогъ» (90 г., ч. II, 43). Также точно поступаетъ и погорѣльскій судъ (90 г., ч. II, 113, 114 и 115 и др.) устанавливая сроки для выбора между уплатой и розгами въ 10—15 дней. Заледѣевскій судъ идетъ еще дальше, постановляя аналогичное рѣшеніе по частному дѣлу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «обязать отвѣтчика Е. уплатить М. (истицѣ) 28 руб. въ теченіе мѣсячнаго срока, а въ случаѣ неуплаты—взыскать установленнымъ порядкомъ и въ такомъ случаѣ, за недобросовѣстное уклоненіе отъ платы забранныхъ денегъ, наказать розгами, въ количествѣ 20 ударовъ». (90 г., ч. II, 57). Въ этомъ же родѣ случай изъ практики того же суда, когда присуждено было взыскать по долговому иску 7 руб. 90 коп. «подъ опасеніемъ наказанія за уклончивость при случаѣ дальнѣйшей неуплаты ихъ» (90 г., ч. II, 59). Приведенное рѣшеніе является какъ бы среднимъ между случаями альтернативныхъ рѣшеній и рѣшеній такихъ, когда судъ принимаетъ на себя роль власть имѣющаго наставника и, присуждая за проступокъ къ какому-нибудь наказанію, дѣлаетъ при этомъ еще и соотвѣтствующе внушеніе. Напримѣръ, заледѣевскій волостной судъ постановляетъ: «подвергнуть (за побои) аресту на 3 дня, вразумивъ ему, чтобы онъ въ

будущемъ отнюдь не смѣлъ допускать себя къ личной расправѣ дѣйствіемъ» (89 г., ч. II, 10). Еловскій же судъ, постановляя аналогичный приговоръ, даже увлекся: за неповиновеніе отцу—наказать крестьянина Н. П. 20-ю ударами розогъ, «причемъ внушить, что если Н. П. будетъ еще оказывать неповиновеніе отцу своему, то будетъ привлеченъ къ болѣе *строгому* (?) наказанію» (90 г., ч. II, 16).

Затѣмъ, довольно часто встрѣчаются рѣшенія, когда волостной судъ, признавъ въ принципѣ искъ правильнымъ, тѣмъ не менѣе, въ силу соображеній нравственнаго свойства, находитъ возможнымъ удовлетворить его только въ половинномъ размѣрѣ. Всѣ рѣшенія такого рода имѣютъ предметомъ иски о вознагражденіи за убытки и ущербъ, явившіеся слѣдствіемъ неосторожности или недосмотра отвѣтчика; считая тогда несправедливымъ взыскивать за всѣ убытки полностію, волостной судъ присуждаетъ только половину, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что неосторожность является несчастьемъ, «грѣхомъ», который и долженъ распредѣляться поровну между обѣими сторонами («грѣхъ пополамъ», напримѣръ—Вознесенск. вол., 90 г., ч. I, 60 и 78; Нахвальск. вол., 90 г., ч. I, 32 и др.). Но и здѣсь мы можемъ встрѣтить злоупотребленія принципомъ, въ сущности весьма вѣрно выражающимъ одинъ изъ обычныхъ взглядовъ населенія. Такъ, выше было приведено рѣшеніе о взысканіи за бобровую шапку въ меньшемъ размѣрѣ, нежели призналъ отвѣтчикъ. Можно указать на одно рѣшеніе, еще болѣе характерное: долговой искъ въ размѣрѣ 9 руб., отрицаемый отвѣтчикомъ. Выставленный истцомъ свидѣтель показываетъ, что слышалъ разговоръ, въ которомъ отвѣтчикъ въ долгѣ сознавался, но сколько—не слыхалъ и не знаетъ. Судъ рѣшилъ—«грѣхъ (?) пополамъ» и взыскать половину (Вознесенск. вол., 83 г., ч. II, 152).

Но особаго вниманія заслуживаютъ тѣ случаи, когда волостной судъ при разсмотрѣніи жалобы на оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ убѣдится, что оскорбленіе было обоюд-

ное, т. е. что въ сущности имѣло мѣсто не оскорбленіе, а весьма обыкновенная взаимная ругань или драка. Такихъ дѣлъ очень много, а между тѣмъ судъ до сихъ поръ не выработалъ никакой опредѣленной системы для ихъ рѣшенія. Иногда возраженія отвѣтчика, что и онъ также обиженъ, оставляется безъ послѣдствій, другими словами—предъявляемый имъ встрѣчный искъ отвергается, но, конечно, безъ лишенія права искать удовлетворенія въ особомъ процессѣ. Однако, гораздо чаще такого рода встрѣчный искъ, заявленный во время судебнаго разбирательства, разсматривается тутъ же, и судъ, признавъ оба иска правильными, или освобождаетъ тяжущихся отъ отвѣтственности совершенно, или приговариваетъ къ наказанію обоихъ— и отвѣтчика, и истца. Надо думать, что компенсація исковъ объ оскорбленіяхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ обычно-народному взгляду, всегда вообще склонному санкціонировать Jus talionis, и если судъ далеко не всегда его придерживается, то единственно потому, что ст. 473 сельско-судебнаго устава повелѣваетъ «за драку, въ какомъ бы то мѣстѣ ни было заведенную, зачинщиковъ наказывать розгами, а прочихъ виновныхъ сажать подъ стражу, съ содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ». Тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ встрѣчаются рѣшенія такого рода:—«такъ какъ выставленные свидѣтели утверждаютъ, что драка была обоюдная, то жалобу Г. оставить безъ послѣдствій» (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 185); «такъ какъ драка была обоюдная, то взысканію или наказанію никого не подвергать» (Заледѣевск. вол., 90 г, ч. II, 42 и друг.). Точно также оставляются безъ послѣдствій обоюдныя «брань», «ругань», «ссора», «оскорбленія» (напримѣръ, Сухобузим. вол., 88 г., ч. II, 5; Заледѣевск. вол., 89 г., ч. II, 12; Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 20; Нахвальск., вол., 90 г., ч. II, 49 и друг.). Но бываетъ и наоборотъ: напримѣръ,—такъ какъ оскорбленіе (дѣйствіемъ) было вызвано самой истицей, то ее на 2 сутокъ подъ арестъ, а отвѣтчика—на 3 сутокъ (Сухобузим. вол., 88 г., ч. II, 49; тоже, въ виду обоюдности драки,—

90 г., ч. II, 21 и 58); или: за обоюдную брань подвергнуть истца аресту на 3 сутокъ, а отвѣтчика на 5 (Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 92; въ этомъ же родѣ —Вознесенск. вол., 90 г., ч. II, 50 и 59; Еловск. вол., 90 г., ч. II, 58 и друг.).

Передъ постановкой рѣшенія законъ обязываетъ волостной судъ склонять стороны къ примиренію (ст. 107 Общ. пол.); доказанное неисполненіе судомъ этого требованія составляетъ поводъ къ кассаціи (рѣш. сената 75 г., № 4995). Но изъ записей нельзя усмотрѣть, какимъ образомъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи судьи,—ограничиваются ли они однимъ предложеніемъ мириться, или же убѣждаютъ и настаиваютъ; во многихъ записяхъ нѣтъ даже отмѣтокъ о томъ, что сторонамъ предлагалось окончить дѣло миромъ. Но съ другой стороны, встрѣчаются случаи, когда судъ предлагаетъ мириться и даже допускаетъ оканчивать примиреніемъ такія дѣла, которыя, имѣя характеръ публичнаго правонарушенія, по производству въ примирительномъ порядкѣ не подлежатъ. Таковы дѣла о кражахъ. Напримѣръ, въ записи рѣшенія по дѣлу о кражѣ съ мельницы 19 пудовъ соли читаемъ: «за несостоявшимся примиреніемъ, судъ постановилъ»: взыскать съ отвѣтчика «въ пользу истца за похищенные 19 пуд. соли 15 руб. 20 коп.», даже безъ уголовнаго взысканія (Заледѣевск. вол., 90 г., ч. II, 40). Рѣшеніе это было, конечно, отмѣнено. Также предложеніе мириться встрѣчается по дѣлу о кражѣ, разсмотрѣнному еловскимъ судомъ (90 г., ч. II, 21), а въ другомъ случаѣ примиреніе въ дѣйствительности и состоялось (90 г., ч. II, 11). Также окончилось примиреніемъ дѣло изъ практики погорѣльскаго волостного суда—о тайномъ похищеніи изъ чужого «зарода» (стога) сѣна 1 воза (90 г., ч. II, 131).

Нельзя также изъ записей усмотрѣть, чѣмъ руководствуется судъ при назначеніи за доказанный проступокъ наказанія, въ той или иной мѣрѣ, такъ какъ о мотивахъ къ смягченію или усиленію взысканія записи почти всегда умалчиваютъ. Въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ запись го-

воритъ о смягчающихъ обстоятельствахъ, но насколько вліяютъ такія обстоятельства на дѣйствительное пониженіе наказанія, сказать трудно; укажу для примѣра на случай, когда отвѣтчикъ, 17 лѣтъ, сознался въ оскорбленіи дѣйствіемъ, а судъ, «принимая во вниманіе его молодость и чистосердечное сознаніе», приговорилъ наказать его 10-ю ударами розогъ (Еловск. вол., 86 г., ч. II, 151); между тѣмъ случаи, что за оскорбленіе дѣйствіемъ виновные, даже при упорномъ запирательствѣ, приговариваются только къ 2—3 днямъ ареста, преобладаютъ. Вообще къ тѣлесному наказанію волостной судъ приговариваетъ, главнымъ образомъ, за кражи и за невзносъ податей. Но и здѣсь мы встрѣтимся съ фактами, указывающими на ту же шаткость принципа, съ которой мы встрѣчались и въ другихъ стадіяхъ процесса. Напримѣръ, вознесенскій волостной судъ за доказанную свидѣтелями кражу гуся присуждаетъ взыскать съ отвѣтчика 2 руб., оставляя проступокъ его безъ всякаго уголовнаго взысканія (83 г., ч. II, 113), а заледѣевскій судъ за кражу курицы присуждаетъ взыскать 35 коп. и, кромѣ того, наказать отвѣтчика 20-ю ударами розогъ (90 г., ч. II, 37).

Михаилъ Дубенскій.

ВЪ ЖЕРТВУ БОГАМЪ.

Разсказъ Вацлава Сирко.

(посвящаю Е. К. В.)

Тамъ, гдѣ рѣка «Широкая» впервые выбѣгаетъ изъ скалистыхъ ущелій на болѣе просторную долину, вблизи воды, среди небольшой, поросшей муравою полянки, стоитъ украшенный рѣзьбою, деревянный столбъ. У этого столба ежегодно собираются съ окрестныхъ горъ бродячіе тунгусы. Еще по дорогѣ соединившись въ крупные отряды, гдѣ сотни оленей и десятки людей сплетаются въ живописныя, подвижныя ленты, они являются въ долину многочисленной, веселой толпой, и говоръ ихъ голосовъ, и шумъ ихъ жизни заглушаютъ на время рокотъ рѣчныхъ перекатовъ. Огни стойбищъ, разсбросанныхъ полукругомъ у подножія горъ, образуютъ тогда среди лѣса въ сумеркахъ вечера красивую діадему золотистыхъ блестокъ, перевитую нѣжной весенней зеленью и сѣрой прозрачной тканью стволовъ и сучьевъ.

Хорошо въ это время въ горныхъ долинахъ: комары и овода не мучатъ еще ни людей, ни животныхъ—тамъ прохладно и уютно, а между тѣмъ все уже расцвѣло и только вверху, на гребняхъ горъ, умѣряя жару, лежатъ нетронутыми зимніе снѣга. Надъ снѣгами блѣдное прозрачное небо уже не меркнетъ ночью, не зажигаетъ звѣздъ, а только горитъ одной продолжительной зарей, соединяющей закатъ минувшаго съ восходомъ будущаго дня.

Непрерывно въ продолженіи слишкомъ недѣли толпится на полянѣ у столба народъ; собираются на совѣтъ старшины, родовые начальники, почетные старики обсуждать

общественныя нужды и бѣды, взимать ясакъ и распредѣлять тяготы. Между тѣмъ молодежь веселится—танцуетъ, ухаживаетъ, устраиваетъ скачки и состязанія. По долинѣ несутся крики, смѣхъ, слышны удары топора, пѣніе, топотъ бѣгущихъ оленей, свистятъ ременныя «момоки», забрасываемыя на рога предназначенныхъ на убой животныхъ, звенятъ стеклянныя и серебряныя украшенія на груди женщинъ, являющихся всюду, гдѣ трудъ, гдѣ жизнь.

Такъ бывало искони.

Случился, однако, отмѣнный годъ, когда, не смотря на то, что людей уже много собралось въ долинѣ, шумъ рѣки не терялся въ ихъ говорѣ, не видно было ни играющей на майданѣ молодежи, ни мечущихся изъ стороны въ сторону оленей, не слышно ни пѣсенъ, ни смѣха. Даже общія сходки устраивались какъ-то неохотно и люди собирались по большей части отдѣльными кучками у отдѣльныхъ палатокъ. Лица большинства были грустныя, взглядъ тупой, разговоръ лѣнивый. Смѣхъ и шутка, такъ любимые тунгусами, рѣдко теперь гостили въ кругу разговаривающихъ—они бѣжали, упорно встрѣчаемые общимъ равнодушіемъ.

Собравшіеся не разбредались, однако, а ждали съ нетерпѣніемъ прихода старика Сельтичана, въ отсутствіи котораго сходъ не рѣшался разбирать главныхъ вопросовъ. Между тѣмъ старикъ что-то медлилъ.

—«Не ѣдетъ старикъ, не ѣдетъ... и не пріѣдетъ!» брюзжалъ толстый промышленникъ, сидя въ кругу другихъ на полянкѣ у огня. Это былъ мущина лѣтъ пятидесяти, на тунгуса непохожій, немного рыхлый и полный, одѣтый по-якутски и якутскимъ серебрянымъ поясомъ подпоясанный, важный, знающій себѣ цѣну, богачъ.

—«Кому охота посѣщать погибающихъ!..» добавилъ онъ и надулъ губы.

—«Передъ судьбой, князь, не уйдешь!..» отвѣтилъ мрачно сидящій противъ него по другую сторону костра, бѣдно одѣтый, какъ мѣдь темный, какъ горный лишай морщинистый старикъ.

—«Это вѣрно!.» согласился третій «Не уйдешь... не спрячешься!.. Я-ли не бѣгалъ, я-ли не прятался?! И что же?.. Извѣстное дѣло», заговорилъ, волнуясь, разсказчикъ и въ сотый, можетъ быть, разъ сталъ описывать исторію своего несчастія, всякій разъ выслушиваемый съ одинаковымъ вниманіемъ.

—«Когда пришло извѣстіе о падежѣ, я кочевалъ въ вершинахъ Буръ-Янгы. Я какъ разъ собирался спуститься въ долины, но, услышавши, медлилъ. И богъ долго миловалъ меня, и я возгордился... Вдругъ разъ ночью разбудилъ меня трепетъ сердца. Сонный прислушиваюсь: слышу не то выстрѣлъ, не то громкій зовъ. Высунулъ голову изъ отверстія юстели: и опять—не то шумъ въ лѣсу, не то отдаленные выстрѣлы. Собаки тявкаютъ и воютъ, точно увидѣли медвѣдя. Вышелъ я изъ палатки, смотрю,—сіяетъ луна, псы бросились къ ногамъ моимъ, а въ глубинѣ долины какая-то огромная тѣнь, минуя горы, шла въ низовые лѣса. Я закрылъ рукою глаза, неспособный глядѣть. Сердце у меня колотится, точно птица, не могу двинуться отъ испуга....»

—«Охъ!..» вздохнули слушатели.

—«И что-же: сто оленей пало заразъ!. Не дожидая свѣта, въ ту же ночь мы снялись съ мѣста. Бѣжали мы безостановочно, а стада между тѣмъ таяли. Раздѣлилъ я ихъ на три части, разослалъ въ разныя стороны, и что-же: черезъ нѣсколько дней явился сынъ, а вскорѣ за тѣмъ дочь съ пустыми руками. Я рѣшился бѣжать на край свѣта: есть-же гдѣ-нибудь мѣсто, куда не забредаетъ никто. Отъ павшихъ не бралъ я ничего—даже недоуздковъ. Такъ и бросалъ... Когда палъ передовой, я не снялъ даже со лба узорчатой опояски, наслѣдованной отъ прадѣдовъ....»

—«Охъ!..»

«Сильно тогда плакали женщины», продолжалъ ободренный сочувствіемъ разсказчикъ, «но такъ совѣтуютъ русскіе купцы, говоря: не хорошо брать что-либо у его жертвъ—онъ всюду найдетъ, отыскивая свою собственность.

Я послушался и, бросая, уходилъ. Наконецъ, я зашелъ такъ далеко, что самъ испугался... Наврядъ-ли былъ тамъ кто-либо до меня. Нѣтъ деревьевъ, даже кустовъ нѣтъ—одни камни, да снѣгъ, да вѣтеръ.... Нельзя было разбить палатки по недостатку жердей, а послать за ними назадъ въ лѣсъ я боялся... Подъ уступомъ скалы выкопали мы яму въ снѣгу и такъ жили. И было намъ хорошо, и начинали радоваться, такъ какъ моръ прекратился. Прошелъ день, прошелъ другой и ни одинъ олень не заболѣлъ. Ожидаемъ молча, въ тревогѣ... Не то что говорить—думать избѣгаемъ «о немъ»: авось и «онъ» насъ позабудетъ! Оленей съ глазъ не спускаемъ, идемъ куда они идутъ, какъ чукчи, ночуя среди стада. Такъ прошло нѣкоторое время. Уже жена стала улыбаться и я самъ подумывалъ, что все будетъ хорошо, что немногое современемъ умножится, какъ вдругъ опять, какъ тогда, разбудило меня безпокойство сердца. Какъ тогда сіялъ мѣсяцъ и было кругомъ свѣтло и тихо. Олени, собравшись въ кучу, спали въ снѣгахъ. Кругомъ отъ утесовъ ложились тѣни; только одна тѣнь не отъ камней, а сама по себѣ одиноко висѣла въ воздухѣ...»

—«Охъ!..»

—«Я выползъ осторожно съ постели, зарядилъ ружье и, не одѣваясь, нагой сталъ скрадывать «его». «Онъ» не замѣтилъ меня и, стоя на камняхъ, глядѣлъ на мое добро. Только, когда въ торопяхъ, становя сошки, я чуть-чуть зашумѣлъ, «онъ» обернулся и устремилъ на меня свои огненные глаза. Я выстрѣлилъ туда межъ нихъ... Что затѣмъ случилось—не знаю. Не знаю ударилъ-ли онъ меня, или дыханіемъ обвѣялъ, только пролетѣло мимо меня что-то, точно буря. Когда я очнулся, у меня не было больше оленей... Тумара былъ бѣденъ».

Разскащикъ умолкъ, махнулъ рукой, вскочилъ на ноги и остановился въ кругу слушателей съ головой, опущенной на грудь, съ выраженіемъ скорби въ чертахъ.

Болѣе молодые изъ присутствующихъ тоже поднялись. Только старики не тронулись съ мѣста, и уставившись глазами въ тунгуса, ждали продолженія.

—«Ну и чтожъ?!.»

Тумара поднялъ голову, открылъ ротъ и вдругъ въ тотъ мигъ, когда взоръ его скользнулъ въ даль за предѣлы круга, на лицѣ его выразилось недоумѣніе, губы задрожали, а изъ глазъ покатились слезы.

Всѣ сію-же минуту обернулись туда, куда онъ смотрѣлъ. Тамъ, облокотившись на горбъ бѣло-молочнаго оленя, стоялъ старый, сѣдоволосый тунгусъ, въ старинномъ, узорчатомъ національномъ платьи. Сзади за нимъ, придерживая въ поводу верховаго оленя, стоялъ похожій на него лицомъ и одеждой юноша.

«Сельтичанъ!..» воскликнули, увидѣвъ ихъ, «наконецъ-то ты пріѣхалъ, отецъ нашъ!.. А мы думали; что ты покинулъ насъ гибнущихъ! Что новаго? что слышалъ и видѣлъ ты за хребтомъ? что подѣлываютъ люди Мемель? живутъ ли еще или, какъ мы, послѣднимъ дышутъ дыханіемъ? что ты намѣренъ дѣлать, господинъ нашъ? приходишь одинъ или съ народомъ? возвратишься-ли въ горы, иль уйдешь къ морю?..» спрашивали прибывшихъ. Сельтичанъ отдалъ сыну поводья, вошелъ въ кругъ и, поздоровавшись со всѣми пожатіемъ руки, сѣлъ около по якутски одѣтаго князя. Тотъ торопливо уступилъ ему мѣсто. Затѣмъ старикъ вынулъ изъ кисета маленькую китайскую трубочку и медленно набилъ ее табакомъ. Толпа притихла и опять разсѣлась кругомъ.

—«Моръ перебрался за хребетъ два мѣсяца тому назадъ....» началъ спокойно и серьезно старикъ. «Мемель испуганные разбѣжались. Они направились къ морю, но пойдутъ другимъ путемъ, минуя мѣста гибели. Сюда нечего ихъ ждать. А мой обозъ будетъ къ вечеру...»

—«О Сельтичанъ, кто сомнѣвался, что ты придешь. Ты умный, ты смѣлый, ты, мы знаемъ, ничего не боишься...»

повторялъ на распѣвъ князь, протягивая руку къ дымящейся трубочкѣ сосѣда. Тѣнь промелькнула по лицу старика.

—«Никто не уйдетъ передъ судьбой...» холодно отвѣтилъ онъ.

—«Успѣхъ твой—удѣлъ твой, о Сельтичанъ! Богъ любитъ тебя... Развѣ не правда? развѣ кругомъ не гибнутъ стада, а у тебя палъ хотя-бы маленькій сосунчикъ?..»

Опять тѣнь промелькнула по лицу старика.

«Богъ любитъ тебя, Сельтичанъ!» повторялъ, вздыхая, князь.

—«Богъ любитъ меня, потому что блюду старинные обычаи.—Добро мое не отъ слезъ человѣческихъ, а отъ горъ, отъ камней, отъ лѣсу и воды...» отвѣтилъ сухо старикъ.

—«Истинно! И рука твоя всегда была щедрая...» подхватили присутствующіе, «въ дни гибели ты поддерживалъ народъ свой! Ты надѣлялъ лишенныхъ будущности...»

—«Кому-же помогать, если не тебѣ? Что могу дать, напримѣръ, я, имѣющій товары и должниковъ? Долги подарю-ли я въ этотъ тяжелый годъ? Чтожъ, я не прочь... вѣдь и я тунгусъ!.. А только кого накормятъ кислые долги? Они, думаю, не родятъ оленей!..» вставилъ, хихикая, князь.

—«Это правда: погибнемъ безъ тебя, Сельтичанъ!.. У кого возьмемъ? У кого есть стада многочисленнѣе твоихъ? у кого сердце лучше? чей родъ изстари знаменитый и богатый? чьи сыновья—стрѣлки, удачливые промышленники? чьи дочери растутъ, привлекая глаза нашихъ юношей?... Развѣ ты не первый изъ насъ? Кто не страдалъ? кто не боялся? кто никогда не лгалъ, не обманывалъ, какъ мы, ползающіе передъ судьбою? Это ты, Сельтичанъ, и куда обратимся, если ты не пожалѣешь насъ...» неслось на перерывъ отовсюду.

—«Богъ свидѣтель: подѣлюсь съ вами!—За тѣмъ и прихожу сюда...» отвѣтилъ въ волненіи старикъ.

—«Тумара!.. Тумара!!.» кричалъ между тѣмъ князь, разыскивая разсказчика, «ты продолжай! Увидишь, Сельтичанъ, что будетъ дальше...»

Опять воцарилась тишина. Тумара, сидящій въ первомъ кругу вѣчующихъ, правой рукой провелъ по правому уху и, помолчавъ, началъ:

—«Я сказалъ, какъ лишенные оленей, навьючивъ на собственныя спины добро и дѣтей, мы повернули къ долинамъ. Дѣти хворали отъ гнилого мяса и вскорѣ умерли. Мы сами тоже отъ этой пищи ослабѣли.—Но, въ то время, что можетъ найти охотникъ въ гольцахъ?».

—«Правда!..»

«Вскорѣ совсѣмъ пищи не стало. Съѣли мы всѣ наши запасы, съѣли кожанные мѣшки, старые ремни, засаленные передники женщинъ.. Не осталось ни крошки, содержащей сокъ. Мы, блуждающіе въ горахъ, развѣ незнакомы съ голодомъ? А Тумара развѣ среди промышленниковъ былъ послѣднимъ?»

—«Онъ былъ первымъ!» согласились слушатели.

—«Но тутъ случилось другое.. Было насъ много, а осталось насъ четверо: я, жена, сынъ да дѣвка. Мы шли, жаждущіе человѣческаго лица... Всюду въ извѣстныхъ мѣстахъ, въ старинныхъ стойбищахъ побывали мы и всюду находили остывшіе камни огней... Люди разбѣжались, гонимые опасеніемъ. Мы, дальше уходя, еще больше удалились онъ нихъ... Когда, спускаясь съ горнаго перевала, убѣждались мы, что жерди далекихъ палатокъ не одѣты кожей— силы покидали насъ... И всё-таки мы шли,—искали: неохота человѣку прекратить тёплое дыханіе, умереть въ снѣгахъ, не сказавъ никому про судьбу. Разгребая влажную золу холодныхъ костровъ, роясь въ сметьѣ и отбросахъ стойбищъ, мы отыскивали крохи пищи. Огрызая недоѣденныя собаками кости, мы разжигали голодъ. Наконецъ, пришло время, когда мы не могли видѣть вблизи тѣлъ собственныхъ дѣтей, полныхъ крови, и не дрожать. «Тумара, пусть умретъ дѣвка для сохраненія родителей!» сказала, наконецъ жена. Жалко было ребенка, онъ глядѣлъ на насъ, не понимая. «Тальо», говоритъ ей мать, «по старинныхъ обычаямъ, дочь умираетъ, когда гибнетъ родъ!..»

—«Правильно!» согласились слушатели.

—«Выйди Тальо изъ палатки умыться въ снѣгахъ и взглянуть передъ смертью на міръ божій!..» Дѣвка поняла и отпрыгнула прочь, но её удержали. Тогда стала просить съ плачемъ: «Подождите до вечера: можетъ быть богъ пошлетъ добычу... Я хочу жить... я боюсь!.» И мы ждали, наблюдая. Часто выходила дѣвочка за двери и, прикрывши глаза ладонью, осматривала лѣсъ, а всякій разъ вмѣстѣ съ ней выходила мать, спрятавъ въ рукавѣ ножъ... Уже темнѣло. Часто выходила дѣвочка и всё дольше стояла у порога, а я лежалъ въ тѣни, выжидая. Вдругъ слышу снаружи крикъ и сердце прыгнуло мнѣ въ глотку. Входитъ жена, качаясь, точно пьяная, съ ножемъ въ рукахъ... «Убила?» «Нѣтъ, Тумара, богъ милостивъ», говоритъ, «звѣрь идетъ лѣсомъ на двойной отсюда выстрѣлъ!» Я зажалъ ей ротъ, чтобы плакать не смѣла, и съ сыномъ выскочилъ за двери. Передъ палаткой сидѣла на землѣ дѣвка, протягивая впередъ руки, а недалеко въ лѣсу, правда, стоялъ звѣрь...»

«Стоялъ звѣрь...» повторила толпа.

—«Развѣ для промышленника трудно убить занятаго ѣдой звѣря? Но члены мои высохли отъ голода, но жилы мои ослабѣли отъ мученій и, скрадывая добычу, я чуть держалъ ружьё въ трясущихся костяхъ. Когда пораженный пулей звѣрь прыгнулъ въ кусты, мы бросились за нимъ, точно волки... И вотъ: богъ помогъ—остались въ живыхъ, чтобы завтра умереть...»

Тумара умолкъ, повѣсилъ голову и опять правою рукою погладилъ правое ухо. Окружающіе молчали. И казалось имъ, что слышатъ они въ этотъ мигъ напряженнаго вниманія плескъ каждой отдѣльной волны въ рѣкѣ, стукъ каждой отдѣльной вѣтки въ колеблемомъ вѣтромъ лѣсу. Вдругъ среди этихъ однообразныхъ звуковъ пронесся звукъ отличный, заставившій всѣ лица просіять, всѣ головы повернули туда, откуда онъ прилетѣлъ.

Міорэ, молодой сынъ Сельтичана, нагнулся къ отцу и шепнулъ.

—«Отецъ: наши идутъ!.»

«Да—идутъ!..»

Дѣйствительно: это шелъ обозъ.

Старики остались на мѣстѣ, но молодежъ мало-помалу покинула кругъ и собралась на краю рощи, откуда лучше былъ видѣнъ отрядъ, уже появившійся въ скалистыхъ воротахъ долины.

Впереди, верхомъ на тёмно-рыжемъ оленѣ ѣхала молодая дѣвушка. Ея богато украшенное серебромъ платье указывало, что она холена и любима въ семьѣ. Въ рукахъ держала она «копье—пальму»; распущенные волоса ея сдерживала на головѣ вышитая цвѣтными бусами и корольками діадема. Она очищала путь каравану, обрубая среди нависшихъ надъ тропою вѣтвей и сучковъ тѣ, которые могли задѣть за вьюки или платье ѣдущихъ. Когда она подымала оружье, лучи солнца зажигали въ его лезвіи пламенный отблескъ, который, точно блуждающій огонекъ, носился нѣкоторое время надъ ея головою, плавалъ съ боку рядомъ съ серебряными украшеніями, покрывающими ей грудь, пока брошенный умѣлой рукой не потухалъ въ зелени кустовъ.

—«Хока!.. Хогай!..» вскрикивала всякій разъ восхищенная молодежь. Около дѣвушки кружились два черныхъ пса, которые поминутно то выскакивали далеко впередъ, то останавливались и возвращались, высматривая, обнюхивая и не оставляя ничего безъ вниманія. Позади дѣвушки тянулась длинная вереница навьюченныхъ оленей. На нѣкоторыхъ сидѣли люди:—молодыя и старыя женщины, подростки, наконецъ, дѣти, привязанныя къ горбамъ животныхъ поверхъ вьюковъ—зашитыя въ мѣха, толстыя, жирныя, неподвижныя, точно домашніе боги.

Въ самомъ хвостѣ каравана два вооруженныхъ промышленника при помощи собакъ гнали стадо запасныхъ, необученныхъ животныхъ и самокъ съ телятами.

Шумъ, гамъ, топотъ, тревожныя похрюкиванія оленьихъ матокъ, отыскивающихъ отставшихъ дѣтенышей, бряцаніе

бубенчиковъ и колокольчиковъ, подвязанныхъ къ шеямъ передовыхъ животныхъ, возгласы людей, перекликающихся между собою или призывающихъ къ порядку стадо, всё это, повторенное отголоскомъ долины, сливалось въ ушахъ слушателей въ знакомую пѣсню довольства и богатства привольной кочевой жизни. Глаза ихъ разгорѣлись и они не могли уже сдержать возгласовъ удивленія или порицанія, вызываемыхъ образами и лицами, проходящими мимо, точно цвѣтныя, летучія тѣни.

—«А вотъ старуха Ніоренъ!..»

—«Славная старуха!..»

—«Такими бывали раньше тунгускія женщины...»

—«Сказываютъ...»

«Посмотрите, какъ ловко оленемъ правитъ...»

«Еще-бы... Говорятъ родила недавно Сельтичану сына—это лучше...»

«Ничего лучшаго не вижу—жена Маянтылана еще старше, а родила...»

«Молчите: вотъ Саля, невѣстка старика, про которую складывали пѣсни...»

—«Развѣ она и теперь ихъ не стоитъ!..»

—«И то правда...»

—«Болтайте, болтайте: услышитъ Міорэ—онъ вамъ задастъ!..»

—«Что-же онъ намъ сдѣлаетъ? Мы его не боимся!»

—«Смотрите, смотрите: Ляубаль!.. Упадетъ!..»

—«Правда!—олень диковатый!.. Напрасно посадили мальчика...»

—«Молодецъ мальчуганъ—увидите: будетъ онъ у старика лучшій...»

—« А Чунъ—Мэ?»

—«Мцы!.. Чунъ-Мэ.. Чунъ-Мэ..» со вздохомъ проговорили нѣкоторые, вспоминая красавицу съ пламеннымъ клинкомъ надъ головою.

—«Слышно,—князь сватать её намѣренъ для сына...»

—«Эхъ! не дастъ старикъ любимой дочери князю, не отдастъ...»

Когда проѣзжалъ старшій сынъ Сельтичана, извѣстный промышленникъ и стрѣлокъ, прозываемый «Отблескъ льдовъ», разговаривающіе почтительно умолкли. Наконецъ, исчезъ въ далекой рощѣ послѣдній олень каравана и лѣсъ сомкнулъ за ними свои колышущіяся вѣтки.

Сельтичанъ поднялся и, попрощавшись съ присутствующими легкимъ кивкомъ головою, уѣхалъ. Это значило, что вскорѣ ждетъ всѣхъ къ себѣ.

Вечеромъ кругомъ только что разбитой палатки старика собралось много народа, собрались почти всѣ временные жители долины. Хозяинъ приказалъ заколоть нѣсколько оленей и началось угощеніе. Затѣмъ гости, сытые послѣ продолжительнаго поста, даже пьяные отъ необычнаго количества поглощеннаго жира и мяса, съ безпечностью истыхъ тунгусовъ, позабыли горе и, взявшись за руки, танцовали, весело напѣвая:

—«Хугой—хэгый! хэгый—хыйра!»

«Хыйра—хумгой! Хумгой—хока!»

«Хака—эхандо!—харга!..»

«Хорга—чоо...о...ча!...»

Глядя на веселящихся, и старики у огня равномѣрно—плавно колыхали тѣлами, повторяя:

—«Хугой—хэгый!. Хака—чоо!...»

—«Какъ думаешь, Ольтунгаба, авось, богъ дастъ, пройдетъ годъ испытанія и возвратится веселіе среди горъ?..» обратился Сельтичанъ къ одному изъ гостей, какъ мѣдь тёмному, какъ горный лишай морщинистому старику.

—«Сельтичанъ,—жизнь наша, точно тѣнь, брошенная на воду!» отвѣтилъ задумчиво тотъ.

На завтра по утру жители долины поднялись въ необыкновенно торжественномъ настроеніи. День обѣщалъ быть богатымъ на происшествія. Погода стояла прелестная, небо— прозрачное, безоблачное, точно бирюза. Когда собравшіеся на совѣтъ разсѣлись по мѣстамъ:— старики и почетные члены родовъ—впереди, младшіе—позади, а еще дальше, внѣ круга— дѣти и женщины, въ середину вошелъ, послѣ многократныхъ упрашиваній, Ольтунгаба и, кланяясь, сказалъ:

—«И такъ, не внимая къ моей старости, требуете?..»

—«Къ кому-же обратимся?...»

—«Есть волхвы молодые, могущественные...»

—«О, Ольтунгаба! Кто изъ насъ посмѣетъ шаманить въ твоемъ присутствіи?..» послышались въ кругу голоса.

Старикъ молчалъ, изподлобія глядя на волнующуюся толпу.

—«Ты колеблешься, а для многихъ послѣдній наступаетъ день!..»

—«Не о себѣ думаю, а помню старинные обычаи.. Что скажетъ языкъ мой? Трудный день требуетъ труднаго, тяжелый день—тяжелаго... И зачѣмъ попусту тревожить опасное?!. Если не окажется мужественный, развѣ не умру я?!.»

—«Все равно—погибнемъ всѣ!... Вѣдь ты желаешь намъ добра, Ольтунгаба?.. Мы рѣшили!..»

—«Такъ и быть!» согласился, наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья волхвъ.

Два самыхъ извѣстныхъ ворожея подали ему волшебный кафтанъ, съ длинной бахрамой и множествомъ металлическихъ эмблемъ и бубенцовъ. Распустили сѣдую косичку старика и надѣли ему на голову желѣзную рогатую корону. Между тѣмъ пожилой тунгусъ, пажъ волхва, сушилъ у огня бубенъ. Когда инструментъ достаточно подсохъ и натянулся, сушившій ударомъ колотушки попробовалъ его упругость. Мрачный, знакомый гулъ покатился по долинѣ, прекращая разговоры. Тогда по серединѣ круга положили бѣлую оленью кожу головой на югъ, старикъ усѣлся на ней, закурилъ трубку и, глотая дымъ, запивалъ его холодной водой. Остатки воды

выбрызнулъ на всѣ четыре стороны и затѣмъ замеръ неподвижно, повернувшись лицомъ къ солнцу. Долго сидѣлъ онъ, опустивъ голову и устремивъ взглядъ изъ подъ нависшихъ волосъ на ослѣпительно-бѣлыя вершины горъ. Наконецъ, легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу и онъ болѣзненно, принужденно икнулъ. Дрожь и икота, постепенно усиливаясь, превратились въ настоящія, полу-поддѣльныя, полу-дѣйствительныя судороги и стоны. Въ кругу послышались вопли. Какая то старуха упала, извиваясь въ корчахъ. Къ довершенію впечатлѣнія въ то-же время недалеко отъ шамана на землѣ появилась летучая черная тѣнь и орелъ зарѣялъ между нимъ и солнцемъ. Пронзительный крикъ прорѣзалъ воздухъ. Толпа пошатнулась, подобно травѣ, обвѣянной порывомъ вѣтра. Кто кричалъ—шаманъ или орелъ? такъ и осталось неизвѣстнымъ.

—«Не хорошо, не хорошо!..» шептали кругомъ.

—«Тише!...»

Раздался мощный, унылый, громъ барабана и послѣ нѣсколькихъ ударовъ орелъ улетѣлъ.

Опять надолго воцарилась тишина и спокойствіе, нарушаемыя только невнятнымъ бормотаніемъ шамана. Затѣмъ издали, какъ-будто изъ далекаго лѣса, изъ глубины ущелій сталъ долетать мелодическій хоръ побрякушекъ, похожій то на жужаніе пчелинаго роя, то на чириканіе перекликающихся птицъ. Это Ольтунгаба игралъ бубенцами. Звукъ росъ, крѣпчалъ, приближался, превращаясь въ шумъ водопада, въ гулъ непогоды, бьющей струями дождя; къ нему всё чаще и чаще примѣшивались глухіе, одинокіе мрачные вздохи. Наконецъ, поднятый вверхъ, неистово потрясаемый, подбрасываемый и обсыпанный ливнемъ ударовъ барабанъ заревѣлъ, точно стая хищниковъ, увидѣвшихъ добычу. Длилось это мгновеніе, затѣмъ инструментъ, мастерскимъ движеніемъ брошенный на мягкую кожу, умолкъ, хотя не переставъ дрожать.

—«О, Гольоронъ!..» простоналъ волхвъ, закрывая лицо руками.

И опять тишина, перерываемая только нотой, напѣвнымъ и невнятнымъ бормотаніемъ кудесника и та-же музыка, и тѣ-же вздохи и стоны. Разнообразятъ ихъ только голоса птицъ: кукушки, ворона, ястреба, орловъ и чаекъ... Всѣ онѣ въ перемежку съ чудодѣйственными, никому непонятными заклинаніями, кричатъ и галдятъ, точно во очію увидѣли что-то грозное и спѣшатъ увѣдомить объ этомъ своихъ господъ, живущихъ высоко въ воздушномъ мірѣ. Заклинанія мало-по-малу дѣлаются осмысленнѣе, фразы—связнѣе и вотъ волхвъ протоваривает первую отрывистую строфу гимна:

—«Слышите-ли вы шумъ отъ моря!..»

—«О, да!.» подхватываетъ пажъ.

—»Я, стоящій впереди творенія!..»

—«Истинно!» соглашается пажъ.

—«Я среди избранныхъ первый!..»

«Правда!..» поддакиваетъ пажъ.

—«Пусть прійдутъ горящіе, точно дискъ солнца!..»

—«Пусть прійдутъ!..»

—«Онъ самъ подобенъ тучѣ... Огненный воронъ летитъ передъ нимъ... Дитя загадки...»

—«Дитя загадки!..»

«Я, сынъ твой... Я, ничтожный, попирающій землю стопами, умоляю тебя...»

«Истинно умоляю!..»

«Помоги слабому сердцу пройти трудный путь!..»

«О такъ!..»

«Мой бубенъ—мой пѣстунъ, а вѣтеръ—мои крылья!..»

«Правда!..»

«Направляюсь къ вамъ, окруженный вѣнкомъ крылатыхъ и безпокойныхъ...»

«Крылатыхъ и безпокойныхъ...»

«Клювы ихъ разинуты—гортани напружены...»

—«Напружены...»

«И стонутъ горы, и содрагается печень земли..»

—«О!..»

«А я всё иду, робкій, но неудержимый!..»

—«Истинно!..»

—«Защитникъ мой,—господинъ мой, взываю къ тебѣ...»

—«Хорошо!..»

—« Развѣ я не изъ страдающаго народа?..»

«Мало-ли?!»

«Мощный, помоги, гнѣвный, защити, грозный, сохрани!..»

«Просимъ!..»

«Если, блуждая, ошибусь—не дай уйти по бездорожію!..»

«Ладно!..»

«Защищая отступленіе, веди меня...»

«Идемъ!..»

Старикъ поднялся и, всё болѣе и болѣе оживляясь, сталъ танцовать. Танецъ изображалъ путь. Кудесникъ въ причудливыхъ выраженіяхъ описывалъ встрѣчаемыя препятствія и пояснялъ ихъ жестами. Пажъ всё вторилъ, идя за старикомъ и поддерживая его по временамъ за локоть. Наконецъ они у цѣли, у предѣла. Торжественный, спокойный,—волхвъ поднялъ умолкнувшій бубенъ къ небу и запѣлъ:

«Ты, змѣевидный Этыгаръ, живущій въ краяхъ подземныхъ, властвующій надъ повѣтріемъ, болѣзнями, и самою смертью...

«О, Этыгаръ!..»

—«И ты, Иняны, похожій на человѣка съ огромными крыльями, ты охраняющій отъ гибели стада...»

—«Иняны!..»

—«И ты, Аркунга, обладающій силой прорицанія...»

«И ты, Номандай, ужасный крикъ котораго леденитъ сердца..»

«И ты съ желѣзными перьями, Лавадабаки!..»

—«И ты, котораго узнаемъ только по тѣни!..»

—«Спрашиваю васъ, что нужно вамъ и какая гнѣву причина?..»

—«Уймите подвластныхъ вамъ, сократите преслѣдованія ваши! Развѣ не видите, что погибаемъ, а погибнувши, кто принесетъ вамъ жертвы.

—«Очень нужно!..»

—«Иду къ вамъ, путаясь въ длинномъ платьи, беззащитный! Годы согнули мою спину;—широко раскрытые зрачки —не видятъ.

«Правда!..» опять подхватилъ пажъ, который умолкъ, не смѣя повторять всѣхъ грозныхъ заклинаній.

—«Зачѣмъ смотрите жадными глазами на наши палатки?»

—«Идучи къ морю и возвращаясь отъ моря кочуемъ...»

—«Истинно!..»

—«Вы любите черныхъ оленей, вы любите пестрыхъ оленей... Развѣ они перестали вамъ нравиться...»

—«Неужели?»

—«Ха! ха! ха!.. Танцуя забыли вы насъ—веселясь миновали насъ...»

—«Иль желаете дорогихъ мѣховъ, серебра, стеклянныхъ украшеній, цвѣтныхъ суконъ, сладкихъ пряниковъ, водки?..»

—«Что за прелесть!..» причмокивалъ пажъ...

«Дуракъ: развѣ это много для могущихъ взять всё?..»

—«Такъ изберите среди насъ дѣвушку, непознавшую мужа, мы наложимъ на неё имя, и ни одинъ юноша не коснется ея...»

Молчаніе.

«О, огненный Гольоронъ, пролети надъ землею, вѣщая...»

Молчаніе. Затѣмъ среди громовыхъ ударовъ бубна, раздались отчётливо грозныя, какъ-бы издали несущіяся, слова:

—«Собакамъ даютъ налишекъ! Пусть народъ докажетъ покорность, человѣкъ—повиновеніе... Иначе: да погибнутъ подобные утреннему туману!..»

—«Охъ!.. Что-же дать можемъ мы, ничего неимущіе?..»

—«Такъ я скажу вамъ, какъ бывало: пусть кто гордъ, кто богатъ, чьи сыновья—стрѣлы летящіе, дочери красавицы; кого всѣ любятъ, чья мысль ласкова, чьи совѣты мудрые,

чьё сердце мужественно, рука щедрая, душа доброжелательная... Мы хотимъ посмотрѣть страхъ ужаса, блѣдность лица, слезы безповоротнаго прощанія...»

Ольтунгаба умолкъ и опустилъ бубенъ.

—«Нѣтъ», добавилъ онъ, подумавъ, «имени я не скажу... Будутъ говорить: Ольтунгаба завистливъ, а развѣ нужна мнѣ кровь человѣка?.. Что нужно волхву кромѣ бубна? Я сказалъ всё...»

Онъ вяло исполнилъ остальную часть обряда и угрюмый, истощенный, занялъ мѣсто въ кругу зрителей. Ему и болѣе почетнымъ гостьямъ подали чаю, а для другихъ, не медля, молодежь стала бить и свѣжевать оленей и ставить на огонь котлы. Незамѣтно, однако, было того оживленія и веселости, какія всегда сопутствуютъ въ тунгусскихъ стойбищахъ подобнымъ дѣламъ. Присутствующіе сдержанно обмѣнивались словами, понижая голосъ до шопота. Съ семьей Сельтичана обращались какъ то особенно учтиво, а на старика избѣгали даже глядѣть.

Между тѣмъ самъ Сельтичанъ сидѣлъ, какъ всегда спокойный и привѣтливый, будто ничего не замѣтилъ. Онъ пробовалъ даже завязать разговоръ съ Ольтунгаба, но волхвъ угрюмо молчалъ. Тогда Сельтичанъ громко сталъ разсказывать, какъ жилось въ этомъ году за хребтомъ. Онъ вспоминалъ разные охотничіе анекдоты и передавалъ ихъ до того остроумно и мило, что вскорѣ кругомъ него столпились люди съ смѣющимися лицами. Только любимый сынъ его Міорэ, стоя сзади отца, мрачно глядѣлъ на окружающихъ.

Мало-по-малу водворилось обычное передъ ѣдой настроеніе. Когда-же вынули изъ котловъ ароматные куски жирной оленины, то въ заботахъ о посудѣ и размѣщеніи потонули безслѣдно остатки печали.

Тогда только на мгновеніе затуманился, покинутый слушателями Сельтичанъ. Міорэ, внимательно наблюдавшій за отцомъ, еще больше нахмурился.

—«Непремѣнно, вижу, хотите съѣсть старика..» не вытерпѣлъ юноша и, улучивъ минуту, сказалъ въ сердцахъ проходящему мимо Ольтунгаба. Тотъ съ удивленіемъ и гнѣвомъ взглянулъ на него.

—«Ты молодъ и опромѣтчивъ...»

—«Ну, ладно—не бывать этому!..» отвѣтилъ охотникъ и, тряхнувъ головою, отошелъ въ сторону.

Этотъ короткій разговоръ не ускользнулъ отъ вниманія присутствующихъ и вызвалъ по закоулкамъ разнообразные толки и замѣчанія.

Между тѣмъ Сельтичанъ опять сталъ подъ конецъ пиршества привѣтливъ, какъ подобаетъ человѣку, угощающему другихъ, не считая убыли, отъ всего сердца.

Но, возвратившись къ себѣ въ палатку, онъ не скрывалъ заботы и задумчивый сидѣлъ передъ огнемъ, не замѣчая даже куска мяса, положеннаго передъ нимъ женою на ужинъ.

—«Ѣшь, Сельтичанъ!. Не грусти, господинъ нашъ: мы вѣрные рабы твои...» проговорила наконецъ та, трогая мужа за плечо.

Старикъ пытливо взглянулъ на семью, любовно и преданно глядящую на него, и улыбнулся. Поѣлъ онъ плотно и съ удовольствіемъ, потому что нѣтъ въ жизни происшествій, способныхъ, по мнѣнію тунгусовъ, лишить жирную оленину ея привлекательности.

Утромъ онъ проснулся раньше другихъ. Не разжигая потухшаго огня и чуть-ли не впервые съ тѣхъ поръ, какъ сталъ хозяиномъ, не тревожа спящихъ, онъ осторожно выползъ изъ палатки. Солнце не взошло еще надъ хребтами, но уже свѣтило надъ землею гдѣ-то тамъ за ними. Заря уже исчезла, сводъ неба уже былъ полонъ дневнаго сіянія. На горныхъ снѣгахъ мѣстами, среди нѣжныхъ голубыхъ тѣней впадинъ, обозначились уже тонкіе, золотистые прожилки блестящихъ граней. А между тѣмъ внизу, въ долинѣ всё еще спало: спалъ лѣсъ, подернутый туманомъ, спали усталые люди, спали огни, чуть дымившіеся въ притихшихъ

стойбищахъ, спали олени въ рощахъ, лежа на мхахъ и пережевывая вечернюю жвачку. Только рокотала рѣка да изрѣдка перекликались горныя куропатки, взлетая съ покрытыхъ росою ночёвокъ на обсыхающія вершины лиственницъ.

Старикъ долго и внимательно осматривалъ знакомую долину. Вдругъ вздрогнулъ: вдали передъ одной изъ палатокъ тоже стоялъ человѣкъ и тоже, казалось, осматривалъ окрестности. Зоркій глазъ Сельтичана узналъ Ольтунгаба, а палатка принадлежала князю. Старикъ нахмурился и вошелъ въ домъ.

—«Вставайте дѣти! Эй! Чунъ-Мэ: разводи огонь! Довольно вамъ спать въ день такой!»

Всѣ поднялись и засуетились, охваченные тревогою. Старикъ съ наслажденіемъ наблюдалъ, какъ исконно заведенный порядокъ распредѣлилъ безъ словъ между присутствующими занятія: женщины ставили на огонь чайники и котлы, выносили на дворъ постели, мужчины осматривали ремни и оружье, собираясь уйти въ лѣсъ провѣрять стада. Суета улеглась, когда подали чай. Чинно усѣлась семья кругомъ деревянной доски, употребляемой вмѣсто стола. Хозяинъ молчалъ и никто не смѣлъ говорить, но всѣ, не исключая старой Ніоренъ, волновались. Молодыя женщины и дѣвушки съ дикой тревогой посматривали на старика и присутствующихъ мужчинъ, Міорэ гнѣвно хмурился, а «Отблескъ Льдовъ» почтительно, но съ примѣсью любопытства, взглядывалъ на отца. Тотъ, напившись чаю, обстоятельно закусивши и выкуривъ трубку, сказалъ, наконецъ, младшему сыну:

—«Иди, парень, по людямъ!..»

Міорэ не двинулся съ мѣста.

—«Слышишь!..»

Только послѣ вторичнаго грознаго оклика юноша поднялся и сталъ застегивать свиту, но вмѣсто того чтобъ выйти, онъ вдругъ повалился въ ноги отцу:

«Ты рѣшилъ... ты рѣшилъ!.. О, отецъ, не покидай насъ!.. Сородичи не согласны... Я вчера говорилъ съ юношами: пусть

сдохнутъ всѣ наши олени,—мы жить будемъ промысломъ, говорятъ... А если ужь такъ хотятъ непремѣнно, такъ... пусть зарѣжутъ жирнаго князя!..»

—«Ты глупъ, дитя мое!..» улыбнулся старикъ. Еще неизвѣстно, что сдѣлаю; я хочу увидѣть народъ... Иди, говорю тебѣ!»

—«О господинъ нашъ, зачѣмъ обманывать надеждами?..»

—«Не болтайте—я сказалъ!..»

—«Насъ тогда не отпустятъ—лучше уйдемъ тайкомъ!..»

—«Я сказалъ!..» повторялъ упрямо старикъ.

—«О отецъ, уйдемъ, уйдемъ!..» просили, протягивая къ нему руки, но старикъ ударомъ ноги въ грудь отбросилъ отъ себя самаго назойливаго, Міорэ, и закричалъ:

—«Проклятое вороньё—перестаньте клевать мое сердце!..»

—«Правильно», согласился «Отблескъ Льдовъ», до сихъ поръ угрюмо молчавшій, «зачѣмъ, Міорэ, не слушаешь, когда отецъ приказываетъ?!» Парень, который какъ упалъ, такъ и лежалъ и плакалъ, молча поднялся и вышелъ изъ палатки.

Опять собрался на полянѣ у столба народъ. Собрались всѣ отъ мала до велика. Вооруженные, разодѣтые въ лучшія платья, разсѣлись кучками по родамъ, блистая на солнцѣ свѣтлыми украшеніями, щеголяя узорчатыми мѣховыми одеждами, отороченными длинной пушистой бахромой. Пировали—боролись, не подавая виду, зачѣмъ собрались. Родъ Сельтичана отличался среди прочихъ доброкачественностью оружья, богатствомъ нарядовъ, силой и ловкостью, гордымъ, независимымъ видомъ. Сидя немного впереди своихъ, старикъ зорко наблюдалъ за всѣмъ.

—«Ослабѣлъ народъ, отощалъ..» говорилъ онъ не временамъ окружающимъ. «Таково-ли было колѣно Тумара? Гдѣ Леліель, неуступающіе въ доблести нашему роду? Гдѣ Нилькэнъ?..»

—«Когда ты уйдешь, и мы разсѣемся и ослабѣемъ», отвѣчали ему сородичи.

—«Послѣ меня останется «Отблескъ Льдовъ»—не сынъ мой, а другъ мой...»

Тускнѣли лица родовичей Сельтичана и старикъ, глядя на нихъ, медлилъ.

Между тѣмъ народъ всё болѣе волновался, носились какіе-то странные, глухіе толки. Само собою, случилось такъ, что родъ Сельтичана обособился. Къ нимъ никто не подходилъ, и разговоры умолкали при ихъ приближеніи;—только Міорэ и еще нѣсколько юношей, не смущаясь, сновали съ таинственнымъ видомъ взадъ и впередъ среди вѣчующихъ. Вечеромъ люди разошлись, но волненіе не улеглось, а бурлило по отдѣльнымъ стойбищамъ, и долго тунгусы жгли огни въ палаткахъ и разговаривали въ полголоса, вздрагивая всякій разъ, когда неожиданно являлся въ ихъ кругу кто-нибудь посторонній. Нѣкоторые молча точили клинки.

—«Развѣ безъ происшествій умираетъ такой человѣкъ?!»

На третій день явились всѣ въ полномъ вооруженіи. Многіе молодые воины захватили съ собою копья и, опираясь на нихъ, стояли внѣ круга. Совѣщаніе не было открыто, но надъ толпою носилось бурное жужжаніе страстныхъ, сдерживаемыхъ голосовъ. Глаза всѣхъ поминутно обращались на Сельтичана, который, особенно богато одѣтый, сидѣлъ въ кругу своихъ сородичей, одинъ только, среди тревожныхъ, совершенно спокойный и ясный.

—«Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?..» шептали.

—«Неужели дозволимъ старику обмануть насъ?» спрашивалъ князь, переходя отъ группы къ группѣ.

—«А что?» отвѣтили ему въ одной «думаешь, легче тебѣ будетъ завладѣть дочкой, когда старика не станетъ?.» Не думай—не отдастъ тебѣ ея никогда «Отблескъ Льдовъ»... Не забудетъ онъ тебѣ этого дѣла!...»

—«Какого дѣла?! Пусть подохнутъ всѣ мои олени, пусть проживу до конца на одномъ мѣстѣ, какъ русскій въ деревянномъ дому, если это правда!..» горячился князь, «Ольтунгаба не такой человѣкъ!..»

—«Ольтунгаба пьётъ водку!..»

Обвиняемый, озадаченный, не нашелся сразу отвѣтить.

«Дураки!.» разразился онъ наконецъ и, поглаживая оба уха, побѣжалъ къ другимъ жаловаться. Всё это еще больше усилило толки. Наконецъ, они проникли въ родъ Сельтичана и достигли Міорэ.

—«Отецъ—тебя обманываютъ!..» заговорилъ страстно юноша, подходя къ старику. «Ты умрешь, а между тѣмъ всё это дѣло князя: онъ подкупилъ Ольтунгаба! Онъ думаетъ, что если тебя не будетъ, не будетъ равнаго ему среди насъ... Отецъ, умоляю тебя: встань спокойный и уйди... Палатки наши убраны, юноши готовы, олени засѣдланы—не успѣютъ отлянуться, какъ исчезнемъ въ горахъ... А если и замѣтятъ, то развѣ мы не дѣти твои?!»

По лицу Сельтичана прошла тѣнь.

—«Пусть судятъ Ольтунгаба, пусть судятъ!» заговорилъ онъ въ волненіи.

—«Ольтунгаба!.. Ольтунгаба!..» подхватили многочисленные голоса родичей Сельтичана.

—«Ольтунгаба, Ольтунгаба!..» кричали всюду. —Угрюмый, темный какъ мѣдь, сѣдой какъ лунь старикъ вошелъ, не хотя, въ кругъ.

—«Правда, что ты бралъ отъ князя подарки?.. Что ты въ угоду ему обманулъ насъ?...» продолжали кричать.

—«Постойте: пусть говоритъ одинъ. Развѣ не видите, что у меня ушей пара, не помѣщаетъ сотню голосовъ?..»

—«Пусть говоритъ одинъ!» согласились.

Выборный, самый почётный родоначальникъ самаго могущественнаго рода, сталъ производить допросъ:

—«Бралъ подарки?»

—«Какъ брать не буду: развѣ я не живу отъ добраго сердца? Развѣ не давалъ мнѣ ихъ не разъ и Сельтичанъ, и ты? И князь давалъ, но не просилъ ни о чемъ и я не обѣщалъ ему ничего... Развѣ не грѣхъ даже думать... Развѣ можно сказать подобное... Стыдно вамъ!.. Спросите людей...»

Позвали свидѣтелей, вызвали князя, и всѣ они стали смиренно кучкой въ грозномъ кругу. Но опросы не выяснили ничего, кромѣ того, что Ольтунгаба посѣщалъ палатку князя наравнѣ съ другими и пользовался — «отъ его щедротъ». Князь клялся, божился, поглаживалъ оба уха заразъ обѣими руками и чрезвычайно охотно, и чрезвычайно пространно разсказывалъ о своемъ безкорыстіи, о своихъ заслугахъ, о своемъ заступничествѣ въ интересахъ племени передъ властями, о своихъ жертвахъ преимущественно въ дѣлѣ уплаты податей. Ольтунгаба презрительно и односложно огрызался.

— «Ты не вѣришь мнѣ, Сельтичанъ», обратился онъ наконецъ къ старику. «Ты забылъ, какъ любилъ и училъ я тебя юношу? Какъ помогалъ въ невзгодахъ? Какъ нѣкогда повѣдалъ я тебѣ о дальнихъ земляхъ, о старинныхъ преданіяхъ?.. Развѣ я не былъ сверстникомъ твоего отца? Развѣ не былъ съ нимъ друженъ уже въ то время, когда ты ползалъ ребёнкомъ? Затѣмъ, когда ты выросъ, развѣ я не гордился тобою, а ты не одобрялъ моихъ совѣтовъ? Кто былъ первый среди насъ промышленникъ и боецъ? Кто былъ мудрый и осторожный въ рѣчахъ?!... Ты, Сельтичанъ, былъ всегда настоящимъ тунгусомъ—мы всѣ это знаемъ, а въ старину развѣ умирали худшіе? Клянусь тебѣ, старикъ, и тебѣ, весь народъ—я сказалъ сущую правду... Пусть лицо мое повернется на спину, пусть тѣло мое высохнетъ, какъ листъ табаку, пусть лопнутъ мои глаза и жилы станутъ слабы, какъ плохо ссученныя нитки, и... пусть рука моя горитъ, какъ горитъ сердце отъ обиды...» тутъ Ольтунгаба рѣшительнымъ движеніемъ положилъ руку въ огонь костра.

Пытка продолжалась мгновеніе. Всѣ вскочили, а Сельтичанъ, подойдя къ старику, оттолкнулъ его прочь.

— «Прости, Ольтунгаба, и вы простите, видѣвшіе...» проговорилъ онъ взволнованно, — «Грѣхъ думать нехорошо, уходя... А я уйду... я рѣшилъ, народъ мой... Я уйду приглашаемый... Развѣ не всѣ равно: я останусь—а вы уйдете?!. Гдѣ одно яйцо не гніётъ, а топтущій гусиныя перья развѣ

не портитъ оружья? Какой человѣкъ безъ оленей—человѣкъ? Какой тунгусъ безъ тунгусовъ—тунгусъ? Я ухожу, но имя мое останется съ вами!—Вы оставайтесь!.. И пусть стада ваши умножатся... Пусть возмужаютъ дѣти ваши... Пусть палатокъ вашихъ не минуетъ веселіе... Пусть въ котлахъ вашихъ не переводится пища, въ натрускахъ порохъ, а въ сердцахъ добродѣтель!... Я ухожу, но мысли мои ласковы, подобно лучамъ заходящаго солнца... Я ухожу... Прощай, народъ мой... Прощайте!»

Тутъ быстрымъ движеніемъ онъ сорвалъ съ груди узорчатый «далай» и вонзилъ въ себя ножъ по рукоять.

Мгновеніе стоялъ еще, глядя мёркнущими глазами, затѣмъ зашатался, покатился и упалъ. Народъ ахнулъ.

Ольтунгаба торопливо нагнулся надъ умирающимъ, здоровой рукой распоролъ его колышущуюся еще грудь, вырвалъ оттуда сердце и, трепещущее, подымая вверхъ къ солнцу, проговорилъ:

—«О ты, всѣхъ выше стоящее божество!. Помоги намъ—защити насъ... Не такіе мы ужь послѣдніе, мы, вскормившіе подобное сердце!..»

—«Мы, вскормившіе подобное сердце!..» вскричала дружно толпа... Всѣ они, даже жирный князь, чувствовали въ этотъ мигъ, что сердца ихъ также горятъ и трепещутъ готовностью жертвы, какъ и то, которое стынуло на ладони Ольтунгаба.

—«Такъ воспитываются борцы...», спустя нѣкоторое время прошепталъ волхвъ и бережно положилъ обратно сердце въ распоротую грудь.

Вацлавъ Сирко.

Иркутскъ, 2 марта 1893 года.

EX LIBRIS
MICHAEL Z. VINOKOUROFF

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

OCT 16 '74 H

CANCELLED

SEP 21 1974

61 3 634